

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ОДЕССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ И. И. МЕЧНИКОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Л. Ф. Баранник

**Лексика русских переселенческих говоров
Одесской области, функционирующих
в разноязычном окружении**

Учебное пособие

ОДЕССА
ОНУ
2015

УДК 8.161.1'373.45(477.74)-054.72
ББК 81.411.2-5 (4 Укр.-4Од.) я 21
Б241

*Рекомендовано к печати
научно-методическим советом Одесского национального
университета имени И. И. Мечникова.
Протокол № 2 от 04.12.2014 г.*

Рецензенты:

Л. А. Кудрявцева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Киевского национального университета имени Т. Г. Шевченко;

Н. Г. Озерова, доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом русского языка Института языкознания НАН Украины имени А. А. Потебни;

Е. А. Кон, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянского языкознания Южноукраинского национального педагогического университета имени К. Д. Ушинского.

Баранник Л. Ф.

Б 241 Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноразличном окружении : учебное пособие / Л. Ф. Баранник. – Одесса : «Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова», 2015. – 178 с.
ISBN 978-617-689-116-1

В пособии излагаются вопросы, связанные с историей изучения русских говоров Одесской области, освещаются собственно лексикологические проблемы системности лексики диалектного словаря, его состава, формирования, функционирования, взаимодействия с разноразличным, полиэтничным окружением. Пособие содержит перечень научных тем, предлагаемых студентам для самостоятельной исследовательской работы, а также библиографию по изучению русских переселенческих говоров Одесщины с 50-х гг. XX в. по настоящее время.

Учебное пособие адресовано студентам, аспирантам, преподавателям русского языка, этнографам, историкам, краеведам.

УДК 8.161.1'373.45(477.74)-054.72
ББК 81.411.2-5 (4 Укр.-4Од.) я 21

ISBN 978-617-689-116-1

© Л. Ф. Баранник, 2015

© Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Изучение русских переселенческих говоров Одесской области: состояние и перспективы	6
Русские островные говоры Юга Украины как лингвофеномен.....	23
Лексика русских островных говоров Юга Украины: семантика, функционирование.....	36
Русские островные говоры Юга Украины в полиязычном окружении (динамика лексики)	46
Вариантность слова в русских островных говорах Юга Украины	57
Метафорические новообразования в русских переселенческих говорах Одесской области.....	71
Лексика русских переселенческих говоров Одесской области в национально-культурологическом аспекте	81
Украинское влияние на лексику русских островных говоров Одесской области	91
Болгаризмы в русских говорах Одесской области	98
Наименования пищи в русских переселенческих говорах, функционирующих в разноязычном окружении (на материале «Словаря русских говоров Одесщины»)	116
Южнорусские наименования крестьянского дома и надворных построек в русских переселенческих говорах Одесской области	135
Названия домашних животных в русских говорах Одесщины	145
Тематика научных рефератов, предлагаемых студентам для самостоятельной работы.....	153
Русские островные говоры Одесщины. Библиография.....	157

ВВЕДЕНИЕ

Пособие строится на материалах русских говоров, собранных на протяжении многих лет автором, студентами и преподавателями кафедры русского языка нашего университета во время диалектологической практики и научных экспедиций. Они составили основу двухтомного «Словаря русских говоров Одесщины», вышедшего из печати в 2000-2001 гг.

Содержание спецкурса «Лексика русских переселенческих говоров, функционирующих в разноязычном окружении» определено актуальностью исследования русских говоров, длительное время (более двухсот лет) бытующих в отрыве от основного материкового языкового и диалектного массива в разноязычном окружении. Изучение русских говоров территорий позднего заселения, каковыми являются русские говоры Одесской области, – одна из основных проблем не только современной русской диалектологии, но и общего языкознания.

Русские островные говоры Одесщины представляют большой научный интерес в связи с тем, что разноязычное окружение, тесные дружеские межкультурные, экономические связи с полиэтнической средой способствуют не только проникновению значительного пласта заимствований из соседних языков и диалектов в повседневное активное общение русских диалектоносителей, но и сохранению, консервации в русских говорах многих южнорусских слов, утраченных в материнских диалектах метрополии (курских, орловских, донских и др.), что порождает лексико-семантическое своеобразие русских говоров Юга Украины и приводит в результате действия экстралингвистических и интралингвистических факторов к появлению в их лексической системе большого количества дублетов, синонимов, омонимов, отличающихся друг от друга семантически и функционально, степенью и сферой употребления.

Лексика русских островных говоров Одесской области весьма многообразна. Она представляет собой отражение унаследованных от

материнских, южнорусских диалектов материальных и духовных ценностей, выработанных русскими на протяжении столетий, а также приобретённых инонациональных предметов духовной и материальной культуры, заимствованных у иноязычных соседей в результате продолжительных социально-экономических, бытовых и культурных контактов в новых лингво- и этнокультурных условиях.

Исследование русских говоров Одесщины актуально не только в плане выявления устойчивости исконно русского национально-специфического словарного состава изолированных от основного языкового массива русских диалектов, но и с точки зрения общезыковой теории межъязыковых, междиалектных контактов, тех проблем, в которых история языка наиболее очевидно переплетается с историей и культурой народа.

Статьи, представленные в данных материалах, являются теоретической основой спецкурса по лексике русских переселенческих говоров Одесской области, разработанного Л. Ф. Баранник для студентов филологического факультета.

ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Русские поселения на территории Украины возникли в результате миграции русских этнических групп из Центральной и Южной России в конце XVI – начале XX веков. Как и в других местах позднего заселения (Сибирь, Алтай, Урал, Белоруссия, Прибалтика и др.), русские переселенческие говоры в Украине по времени возникновения подразделяются на три группы: ранние (поселения XVI-XVII веков), основные (XVIII-XIX века), поздние (конец XIX – начало XX века). В восточных районах Украины основная масса компактных русских поселений сформировалась в XVII-XVIII веках, на юге – во второй половине XVIII – начале XIX века. Архивные документы, исторические и этнографические печатные источники, материалы диалектологических экспедиций позволили нам восстановить историю заселения пестрой в этническом отношении южной части нынешней Одесской области Украины, где находится большинство давних русских селений. Пестрота национального состава населения южной части Одесщины, известной ранее под названием Буджак, объясняется историческими обстоятельствами. Территория Буджака (по-турецки *буджак* – угол) до 1812 года принадлежала Турции. При турецком владычестве буджакские степи были заселены татарами-ногайцами. В результате двукратного выселения татар в Крым и на Кубань (в 1770 и 1806 гг.) эти места почти совершенно опустели. Отдельными редкими островками в Буджаке были разбросаны небольшие селения и хутора, где жили сербы, болгары, бежавшие от турецкого гнёта, и русские раскольники, нашедшие здесь убежище в конце XVIII в. В 1812 г. по Бухарестскому миру с Турцией Бессарабия была присоединена к России. Царское правительство предприняло заселение пустующих Бессарабских земель. Стремясь быстрее заселить Буджак, оно решило привлечь в эти места не только русских государственных крестьян-однодворцев, но и иностранных колонистов – болгар, немцев, швейцарцев и др.

По свидетельству П. Н. Батюшкова, первыми явились в Бессарабию запорожские казаки [19]. Вскоре в буджакские степи двинулись крестьяне из центральных губерний России, переселенцы из Германии, Польши, Турции, Швейцарии. Прибывали и украинцы, болгары, молдаване, сербы, поляки, гагаузы, цыгане. Вследствие этого Буджак приобрёл своеобразную этническую пестроту, в значительной мере сохранившуюся и до наших дней. Русские переселялись в основном из Курской, Орловской и других южнорусских губерний. Они оказались в разноязычном окружении. По соседству с ними находились украинские, болгарские, молдавские, гагаузские селения, а также немецкие колонии [7; 25].

Русские говоры Одесщины заслуживают особого внимания в связи с тем, что длительное время (около 200 лет) находятся в отрыве от основного языкового массива, от материнских, курских, орловских, донских и других южнорусских диалектов, функционируя в условиях полиязычного, полиэтнического окружения: украинского, болгарского, молдавского, гагаузского, немецкого и других. Исследование русских переселенческих говоров Украины даёт интереснейшие материалы не только для диалектологии и этнолингвистики, но и для разработки общезыковой проблемы взаимодействия, взаимовлияния контактирующих языков и говоров как близкого, так и отдалённого родства, а также для истории, этнографии, фольклористики.

Изучение русских говоров Одесской области началось в конце 40-х – начале 50-х годов прошлого, XX века. Объясняется это тем, что большинство русских селений, расположенных на территории бывшего Буджака, с 1918 г. по 1940 г. находилось под владением румынского боярства. 2-го августа 1940 г. Северная Буковина и бывшие Хотинский, Аккерманский и Измаильский уезды вошли в состав Украины. А 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, так что лишь после войны, в конце 40-х годов, появилась возможность исследовать интереснейшие для лингвистов и этнографов русские говоры на территории Одесской области. Сбор диалектного материала в русских селах проводился параллельно учеными Одесского

пединститута и госуниверситета. В университете под руководством заведующего кафедрой русского языка профессора Н. И. Букатевича диалектный лексический материал собирался с целью создания «Словаря русских говоров Одесщины», в пединституте под руководством профессора С. П. Дудкина с целью монографического описания в кандидатских диссертациях фонетико-морфологической системы отдельных русских переселенческих говоров Одесской области в сопоставлении с материнскими, курско-орловскими. Первой монографической работой, в которой описан один из островных русских говоров Украины, была кандидатская диссертация И. Ф. Нелюбовой «Орловский говор на территории Измаильской области УССР (говор села Сергеевки Тузовского района)» (Одесса, 1952) (ныне бывшая Измаильская область – Измаильский район Одесской области). И. Ф. Нелюбова даёт монографическое описание фонетики и морфологии русского островного говора, сравнивая его фонетико-морфологические особенности с фонетико-морфологической системой традиционного пласта говоров сёл Сониной и Студенниковой Тельчинского района Орловской области, откуда переселились предки жителей Сергеевки. Словарный состав русского островного говора села Сергеевки в диссертации не исследуется, диссертантка ограничилась лишь замечаниями к лексике говора и материалами для словаря, в которых дано толкование значений 323 диалектных слов.

В 1954 г. появилась диссертация М. С. Тихомировой «Южновеликорусский говор на территории Одесской области (говор села Большого Плоского Велико-Михайловского района)». В этой диссертации описывается фонетика и морфология говора с. Большого Плоского. Глава «Лексика» представляет собой материалы для словаря, расположенные по тематическим группам.

В 1959 г. защитила кандидатскую диссертацию «К истории курского говора на территории Одесской области (говор сёл Вознесенки и Введенки Арцизского района)» Л. Я. Усачева (научный руководитель – профессор С. П. Дудкин). В этой диссертации дано детальное описание фонетики, морфологии и частично синтаксиса очень близ-

ких как территориально (сёла находятся в 5 километрах друг от друга), так и по своим языковым особенностям русских островных говоров Вознесенки и Введенки, основанных в 1827 г. переселенцами из Обоянского уезда Курской губернии. Лексика русских говоров Одесской области не была предметом специального научного исследования до 60-х годов XX века.

Выделяется несколько этапов изучения русских говоров Юга Украины, отличающихся как объектом, так и направлениями, методами исследования. Систематическое, углублённое изучение русских говоров Одесской области начинается с 50-х годов прошлого века. Несомненно, это было связано с широко развернувшимся собиранием материала для диалектологического атласа русского языка, с проведением многочисленных монографических исследований как материковых, так и островных русских говоров. В исследовании русских говоров Одесщины в 1950-е годы активное участие принимают Н. И. Букатевич, И. Ф. Нелюбова, Л. Я. Усачёва, М. Г. Шатух, Т. М. Мижевская. Они руководят диалектологическими экспедициями в русские селения Одесской области. Их работы посвящены описанию фонетики, морфологии и частично синтаксиса отдельных островных русских говоров, в качестве приложений приводятся списки диалектных слов. Основной метод этих работ – описательный.

В 1960-е годы предметом специального научного исследования становится лексика русских говоров Одесской области. В кандидатской диссертации аспирантки кафедры общего языкознания МГПИ имени В. И. Ленина Л. Ф. Баранник «Лексика русских говоров, функционирующих в разноязычном окружении (на материале переселенческих говоров Одесской области УССР)» (Москва, 1969; научный руководитель – известный диалектолог, доктор филологических наук, профессор С. И. Котков) исследуется традиционная южнорусская лексика островных говоров, а также лексические заимствования из соседних языков и говоров как близкого, так и отдаленного родства: украинского, молдавского, болгарского, румынского, немецкого. Выясняются сферы употребления южнорусизмов, причины их устойчи-

ности в разных тематических группах, изменение их значений в разноязычном окружении, определяются причины проникновения иноязычных слов в русские говоры, их фонетико-морфологическая, семантическая и функциональная адаптация в новых языковых условиях. Описываются дублетные, синонимические, омонимические отношения между лексическими элементами в лексико-семантической системе русских островных говоров.

В 1960-1970-е годы исследование русских говоров, функционирующих в Украине, становится более углублённым и интенсивным. Новый характер приобретает и сам подход к их изучению. На смену синтезированным монографическим описаниям 50-х годов приходят углубленные многоаспектные исследования отдельных уровней диалектной системы. Этому, несомненно, способствовало активное участие русистов Украины в международных совещаниях по Общеславянскому лингвистическому атласу, организатором которых был Р. И. Аванесов. В центре внимания диалектологов находится проблема взаимодействия контактирующих говоров близкородственных языков – русского и украинского, а также языков более отдаленного родства: болгарского, молдавского, румынского, немецкого. Устанавливается, что наиболее проницаемыми для внедрения лексических заимствований являются тематические группы бытового и сельскохозяйственного словаря русских островных говоров.

В 1980-е годы на кафедре русского языка Одесского госуниверситета имени И. И. Мечникова, кроме собственно лексикологического, исследования диалектной лексики проводились и в других аспектах: семасиологическом, антропонимическом, этимологическом (Л. Ф. Баранник, Ю. А. Карпенко, А. Ю. Карпенко, Н. В. Коссек, Е. М. Мотузенко). Появляются научные работы, в которых анализируются системные связи лексических единиц в русских островных говорах Одесской области, статьи, посвященные проблеме тождества слова, фонетической, словообразовательной и семантической вариативности. Прослеживается социолингвистическое, лингвокультурологическое направление в исследовании лексики русских переселен-

ческих говоров, исследуются межъязыковые, междиалектные контакты на базе русских говоров Юга Украины. Проблемы русско-украинского, русско-болгарского, русско-молдавско-румынского лексического взаимодействия анализируются в социолингвистическом, этнолингвистическом, историко-культурном аспектах.

На новый уровень изучение лексики русских говоров на кафедре русского языка ОНУ имени И. И. Мечникова вышло в конце XX – начале XXI века. Углубляется структурно-семантический подход к исследованию диалектной лексики. Объектом лингвистического анализа внутри различных ЛСГ становятся слова, находящиеся в парадигматических отношениях: родо-видовых, гиперо-гипонимических, синонимических, омонимических, антонимических; исследуются слова с национально-культурным семантическим компонентом, прозвища, их происхождение и мотивация в русских переселенческих говорах (работы Л. Ф. Баранник и её аспирантов А. И. Швец, Н. Л. Швецовой).

В 1980-1990-е гг. заметно активизировалась работа по изучению лексики русских переселенческих говоров Одесской области в связи с подготовкой на кафедре русского языка Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова «Словаря русских говоров Одесщины». Так, в работах Л. Ф. Баранник выявляются и описываются системные связи на лексико-семантическом уровне русских островных говоров. На основе сопоставления с данными диалектных словарей, с этнографическими источниками XIX – начала XX века по курским, орловским, донским и другим южнорусским говорам, с описаниями говоров Европейской части России, в том числе с картами и материалами ДАРЯ, делается заключение о материнской южнорусской основе русских переселенческих говоров Одесщины, определяется типология семантических изменений южнорусизмов за время их функционирования в отрыве от материнского диалектного массива; выясняется характер русско-украинского, русско-болгарского, русско-молдавского билингвизма диалектоносителей; выделяются словообразовательные и семантические инновации, возникшие в рус-

ских островных говорах на базе исконно русских и заимствованных слов, местные локализмы и регионализмы; определяются основные тенденции развития лексико-семантической системы русских переселенческих говоров Юга Украины [1; 3; 4; 7; 8; 12; 13; 15; 17].

Предметом исследования Л. И. Демьяновой становится экспрессивная лексика (семантический, сопоставительный, лексикографический и функциональный аспекты). Она определяет состав экспрессивных лексических единиц русских переселенческих говоров Одесской области Украины, описывает украинизмы как составную часть экспрессивного лексического фонда русских переселенческих говоров, характеризует особенности функционирования украинской экспрессивной лексики в русских говорах Юга Украины [22; 23; 24]. Е. М. Мотузенко исследует рыболовецкую терминологию северо-западного Причерноморья в структурно-семантическом, функциональном и этимологическом аспектах [26; 27; 28; 29]. В работах А. И. Швеца анализируется глагольная лексика русских островных говоров Одесщины в структурно-семантическом аспекте, определяется её национально-культурная специфика, выявляется архаический и инновационный пласт глагольных лексем, глагольная лексика русских переселенческих говоров описывается в её функциональных и историко-этимологических связях [32; 33; 34].

Основные аспекты исследований русских говоров Одесской области – описательный, сравнительно-исторический, типологический, социолингвистический, лингвокультурологический, лингвоэтнографический с решением проблем диалектного типа и диалектной основы русских островных говоров, являющихся вторичными, переселенческими, характера и типов диалектных различий, межъязыкового и междиалектного взаимодействия на всех уровнях ЧДС русских говоров, длительное время функционирующих в отрыве от материнского южнорусского массива в иноязычном окружении, что нашло отражение в публикациях многочисленных статей (по русским говорам Одесщины их около 180) и в коллективной монографии под редакцией Ф. П. Филина «Русские говоры на Украине» (Киев: Наукова думка,

1982), где опубликована статья Л. Ф. Баранник «Лексические особенности русских переселенческих говоров Одесской области» (с. 85-98) и впервые описан составленный на кафедре русского языка ОГУ имени И. И. Мечникова диалектный словарь, определены его основные принципы, состав и структура в коллективной статье «Словарь русских говоров Одесской области» (с. 181-212). В этой статье даны также образцы словарных статей.

На материале русских переселенческих говоров, функционирующих на территории нынешней Одесщины, защищено 8 кандидатских диссертаций: И. Ф. Нелюбовой «Орловский говор на территории Измаильской области УССР (говор села Сергеевки Тузловского района)» (Одесса, 1952), М. С. Тихомировой «Южновеликорусский говор на территории Одесской области (говор села Большого Плоского Великомихайловского района)» (Кременец, 1954), Л. Я. Усачёвой «К истории Курского говора на территории Одесской области (говор сёл Вознесенки и Введенки Арцизского района)» (Харьков, 1959), И. Д. Гриценко «Промысловая лексика русских рыбаков дельты Дуная» (Ленинград-Кишинёв, 1964), Л. Ф. Баранник «Лексика русских говоров, функционирующих в разноязычном окружении (на материале русских переселенческих говоров Одесской области УССР)» (Москва, 1969), Е. М. Мотузенко «Морская рыболовецкая терминология северо-западного Причерноморья» (Одесса, 1987), Л. И. Демьяновой «Экспрессивная лексика русских говоров в разноязычном окружении (на материале говоров Одесской области УССР)» (Одесса, 1987), А. И. Швец «Глагольная лексика русских говоров Одесской области» (Киев, 2008).

Большим достижением ученых кафедры русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова явилось издание, благодаря спонсорской помощи Сусумо Уэмуры, профессора университета Киото-Сангё (Япония), дифференциального толкового двухтомного «Словаря русских говоров Одесщины» (редколлегия: Ю. А. Карпенко (отв. редактор), С. Уэмура (отв. редактор), Л. Ф. Баранник, Д. С. Ищенко. – Одесса, 2000. – Т. 1. – А-О. – 376 с.;

Т. 2. – П.-Я. – Одесса, 2001. – 296 с.) «Словарь русских говоров Одесщины» описывает лексический состав русских переселенческих говоров, длительное время (около 200 лет) функционирующих в разноязычном окружении на Юге Украины. На сегодняшний день это самый крупный региональный словарь дифференциального типа, отражающий русские островные говоры, продолжительное время бытующие в отрыве от метрополии в разноязычном окружении: украинском, болгарском, молдавском, гагаузском, немецком. Его научная и культурно-историческая ценность заключается в том, что это первый опыт описания лексики русских островных говоров южноукраинского региона, включающий как уникальные архаические пласты, так и современные, инновационные. Материалом для словаря послужили записи связной диалектной речи, сделанные в русских сёлах Одесщины во время многочисленных диалектологических экспедиций и летних полевых диалектологических практик преподавателями кафедры русского языка и студентами русского отделения филологического факультета Одесского университета им. И. И. Мечникова, начиная с 1950 года. Словарь отражает богатство и разнообразие диалектной лексики русских переселенческих говоров. Тематический спектр лексики, включенной в словарь, широк и многообразен: названия крестьянского дома и приусадебных построек, предметов домашнего обихода, утвари, продуктов питания, пищи, одежды, обуви, женских украшений; слова, связанные с сельскохозяйственным трудом (полеводством, огородничеством, садоводством, виноградарством, животноводством и др.); с рыболовством; с прядением, ткачеством и другими ремёслами; с окружающей человека природой и животным миром; наименования, отражающие взаимоотношения между людьми; названия игр, музыкальных инструментов, предметов культа, народных обычаев и т. д. Нашла достойное место в словаре и лексика, связанная с разнообразными обрядами: крестильным, свадебным, погребальным и др. Продолжая традиции В. И. Даля-лексикографа, исследователя духовной русской культуры, народной обрядности, составители «Словаря русских говоров Одесщины» дают разностороннюю

информацию в словарных статьях, вводящих этнографические и обрядовые термины: толкуют не только значение слова (лингвистический аспект), но и помещают сведения из области лингвистической географии, этнографии, этнокультуры, народной медицины и т.п. (функциональный аспект).

Словарный состав русских островных говоров Одесщины включает, кроме исконно русских слов, заимствованные из соседних языков и диалектов: украинские, болгарские, молдавские, немецкие, румынские. Например: *бóнда* 'душегрейка' (ср. мол д.: *бондэ*), *ва́нна* 'известь' (ср. укр.: *ванно*), *га́нок* 'крыльцо' (ср. укр.: *ганок*), *вака́р* 'пастух, пасущий коров' (ср. молд.: *вакар*), *каларма́* 'мясное кушанье с острыми приправами' (ср. болг.: *кавьрма*), *ма́нджя* 'густой соус из баклажанов, помидоров, перца и лука' (ср. болг. диал.: *манджа*), *те́пих* 'маленький коврик на полу около кровати' (ср. нем.: *Teppich* 'ковёр') и т. п. Словарь отражает также диалектные инновации, процессы, происходящие в настоящее время в говорах, показывает динамику словарного состава переселенческих говоров, развитие системы значений диалектных слов, дает интересный разнообразный материал для выяснения особенностей функционирования русских лексем в иноязычном окружении, для вскрытия механизмов межъязыкового и междиалектного взаимодействия и взаимовлияния. В этом отношении лексика русских островных говоров данного полиэтничного региона представляет несомненный интерес не только для русских, но и для украинских, болгарских, молдавских, немецких лингвистов, этимологов и диалектологов.

Носителем лингвистической, этнографической, национально-культурной и ментальной информации в «Словаре русских говоров Одесщины» является не только словник, но и иллюстративный материал, примеры, которые сопровождают толкование слов. В качестве иллюстративного материала использованы записи живой диалектной речи, а также народные песни, пословицы, поговорки, диалектные фразеологизмы. Они дополняют толкование слова, раскрывают их смысл, указывают на функционирование слов в живом народном упо-

треблении, дают представление о жизни и обычаях русских переселенцев разных конфессий, об их материальной и духовной культуре.

Важным источником информации, раскрывающим специфику русских островных говоров Юга Украины, является сопоставление лексем, описываемых в «Словаре русских говоров Одесщины» с соответствующими словами монументального «Словаря русских народных говоров» (СРНГ). Это позволило выявить в исследуемых русских переселенческих говорах пласты лексики, не зафиксированной в СРНГ или отмеченной в нём в других значениях.

«Словарь русских говоров Одесщины» вообрал в себя лучшие лексикографические традиции В. И. Даля, отраженные в его «Толковом словаре живого великорусского языка», а также традиции лучших русских региональных словарей новейшего времени. Он ввёл в научный оборот ценнейший материал, который интересен лингвистам, фольклористам, этнологам, этнографам, историкам, учителям-словесникам, а также всем любителям живого русского народного слова, истории и культуры его носителей. «Словарь русских говоров Одесщины» получил высокую оценку в рецензиях ученых-диалектологов России, Болгарии, Молдавии, Украины, Японии [20; 21; 30; 36]. Так, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка Российской Академии Наук Т. Б. Юмсунова пишет: «Словарь русских говоров Одесщины» представляет собой добротный и солидный источник для проведения дальнейших лингвистических, историко-культурных, этнографических, сравнительно-исторических исследований и является существенным вкладом в региональную диалектную лексикографию... Несомненно, этот труд – большое достижение русистов кафедры русского языка Одесского национального университета» [36: 523].

Издание двухтомного «Словаря русских говоров Одесщины» стимулировало научно-исследовательскую и учебно-методическую работу по актуальным проблемам изучения лексики русских переселенческих говоров Юга Украины на кафедре русского языка ОНУ имени И. И. Мечникова. В 2000-2014 годах Л. Ф. Баранник опублико-

вала 52 работы по проблемам диалектной лексикологии и семасиологии на материале русских островных говоров Одесщины в сборниках научных трудов университетов Одессы, Киева, Симферополя, Кировограда, Костромы, Луганска, Москвы, Минска, Кишинёва, Жешува (Польша). Выступила с докладом «Украинизмы в лексической системе русских островных говоров Юга Украины» на IV Международном конгрессе украинистов в Одессе, а также с докладами по актуальным проблемам межъязыкового, междиалектного контактирования, динамики лексики русских островных говоров, лексико-семантической, фонетической, грамматической интерференции заимствованных слов в русских переселенческих говорах Юга Украины на многих Международных конференциях в Одессе, Киеве, Москве, Тирасполе, Кишинёве, Минске, в Польше на Международной конференции «Русистика и современность», в Ялте на Международном форуме «Великое русское слово».

Продолжается монографическое исследование лексики русских переселенческих говоров в диссертационных работах. Под руководством Л. Ф. Баранник написала и успешно защитила кандидатскую диссертацию по глагольной лексике в русских говорах Одесщины А. И. Швеца, завершила работу над диссертационным исследованием «Прозвища в русских говорах Юга Украины» Н. Л. Швецовы. Успешно защищают курсовые, бакалаврские, дипломные и магистерские работы, написанные по материалам «Словаря русских говоров Одесщины» студенты филологического факультета ОНУ имени И. И. Мечникова. Диалектологическая группа кафедры русского языка ОНУ им. И. И. Мечникова в последние годы развернула интенсивную работу по изучению до сих пор мало исследованной лексики старообрядческих (липованских) русских говоров Одесщины (статьи Л. Ф. Баранник, А. И. Швеца, Н. Л. Швецовы). По материалам уникальной Международной научно-практической конференции «Липоване – старообрядцы Придунавья: 350-летний опыт сохранения русского языка, традиций, культуры и духовности», проведённой историками и филологами ОНУ им. И. И. Мечникова в октябре 2004 года

в селе Старая Некрасовка Измаильского района Одесской области на базе прихода старообрядческого Храма Св. Ап. Иоанна Богослова, издан сборник научных статей «Липоване: история и культура русских-старообрядцев» (Одесса, 2004), в нём помещена, в частности, статья Л. Ф. Баранник «Традиционная южнорусская лексика в речи липован Юга Украины» [16]. В ноябре 2005 года в городе Килия Одесской области прошла очередная научно-практическая конференция по проблемам истории, культуры и языка русских старообрядцев: «Липоване-старообрядцы на Дунае: история и культура». В ней приняли участие историки, этнографы, фольклористы, лингвисты Украины, Молдавии, Румынии, Сербии. По материалам конференции опубликован сборник научных работ, в котором напечатаны статьи Л. Ф. Баранник и Н. Л. Швецово́й [5; 35]. Доцент Л. Ф. Баранник входит в редколлегию периодического научного сборника «Липоване. История и культура русских-старообрядцев».

В сфере вузовского образования русистами ОНУ имени И. И. Мечникова активно осуществляется принцип интеграции учебного и научного процессов на базе университетского курса «Русская диалектология». Участие в диалектологических экспедициях, проведение летних диалектологических практик, которые возобновились на филологическом факультете с 2001 г., богатые текстовые диалектные материалы, словарные карточки, двухтомный «Словарь русских говоров Одесщины» служат прекрасной научно-учебной базой для специализации студентов по лингвистике, источником для написания научных студенческих докладов, курсовых, бакалаврских и магистерских работ, а позднее – и диссертаций по актуальным проблемам русской диалектологии. Из дипломных работ по лексике русских говоров Одесщины берут истоки диссертационные исследования Л. Ф. Баранник, Е. М. Мотузенко, Л. И. Демьяновой, А. И. Швец, Н. Л. Швецово́й, Л. О. Забольян. Материалы по русским островным говорам Одесщины используются при написании учебных пособий и методических разработок к курсу «Русская диалектология» и к диалектологическим спецкурсам [2; 9; 10; 11; 14; 18].

Исследование говоров территории позднего заселения, каковыми являются русские переселенческие говоры Украины, остаётся одной из основных проблем современной русской диалектологии. Русские островные говоры, функционирующие на Украине, изучены ещё недостаточно. Нет полных сведений о всех русских говорах Украины. К сожалению, на сегодняшний день отсутствуют специальные работы по диалектной фразеологии этих говоров. Богатая, интереснейшая фразеология русских говоров Одесщины ждёт своих исследователей. Нуждается в более глубоком, всестороннем анализе также фонетическая и морфологическая система русских переселенческих говоров Одесской области. Нет ни одного монографического исследования по диалектному словообразованию русских островных говоров Одесщины. Как видно из отдельных опубликованных статей, в области словообразования в условиях интенсивных контактов близкородственных русских и украинских говоров наличествуют интересные инновации, отсутствующие в материнских южнорусских диалектах, наблюдается усвоение русскими диалектоносителями некоторых украинских словообразовательных моделей. Об этом свидетельствуют работы Е. И. Самохваловой, М. Г. Шатух, Л. Ф. Баранник, Е. А. Владимирской и др. Словообразовательные процессы в русских переселенческих говорах Одесской области – благодатная тема для перспективных диссертационных исследований. Недостаточно изучены синтаксические особенности русских островных говоров. Вопросам русского диалектного синтаксиса, некоторым проблемам синтаксической интерференции в русских переселенческих говорах Житомирщины посвящен ряд статей Е. И. Самохваловой, в русских говорах Буковины – В. И. Столбуновой, изданных ещё в 1960-1980-е годы прошлого века. Синтаксис русских говоров Одесской области вообще до сих пор никем не исследовался.

Перед русистами Одесского национального университета имени И. И. Мечникова стоят неотложные задачи по сбору, обработке, лексикографическому, текстологическому и лингвогеографическому описанию и теоретическому исследованию собранного диалектного ма-

териала. Эти задачи требуют безотлагательного решения, так как под влиянием русского и украинского литературных языков диалектные особенности русских говоров Украины нивелируются, исчезают и в недалеком будущем могут быть безвозвратно утеряны для науки. Этого нельзя допустить, ибо диалектные данные – благодатный источник как для ретроспективных, так и современных исследований по лингвистике, этнографии, истории, лингвокультурологии. Наша задача – собрать их, добротнo описать, квалифицированно исследовать и сохранить для будущих поколений, ибо «Исследование русских говоров на Украине имеет серьёзное значение как для истории русской народной речи, так и для теории языкознания. Находясь в украинском окружении, русские говоры могут сохранять черты русской народной речи прошлых эпох, поэтому они содержат в себе для историка русского языка много находок. В теоретическом плане интересны наблюдения разных видов интерференции в русских говорах, оказывающихся под воздействием окружающей их близкородственной украинской речи» [31: 4].

В научных планах кафедры русского языка – издание монографии «Лексика русских говоров Одесской области», учебного пособия «Русская диалектология: тексты, задания, упражнения» для студентов-филологов, подготовка к печати «Словаря эмотивной лексики русских говоров Одесщины» и сборника связных диалектных текстов, записанных в русских селениях Одесской области.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баранник Л. Ф.* Болгаризмы в русских говорах Одесской области УССР // Съпоставително езикознание. – IX. – 1984. – Кн. 6. – София: БАН. – С. 10-20.
2. *Баранник Л. Ф.* Диалектологическая практика: методические указания и программа-вопросник для студентов филологического факультета. – Одесса: ОНУ имени И. И. Мечникова, 2009. – 80 с.
3. *Баранник Л. Ф.* К проблеме русско-украинско-болгарского междиалектного взаимодействия (на материале лексики русских островных говоров Одесщины) // Слов'янський збірник. – Вип. V. – Одеса, 1998. – С. 13-20.
4. *Баранник Л. Ф.* Лексика островных русских говоров в полиязычном окружении как источник изучения диалектов в национально-культурном аспекте //

- Национально-культурный компонент в тексте и языке. Материалы II Международной научной конференции (7-9 апреля 1999 г.): В 3-х чч. – Ч. 2. – Минск, 1999. – С. 62-66.
5. *Баранник Л. Ф.* Лексика, связанная с пищей, в русских старообрядческих говорах Юга Украины // Липоване. История и культура русских-старообрядцев. – Одесса, 2005. – Вып. 2. – С. 173-184.
 6. *Баранник Л. Ф.* Лексические особенности русских переселенческих говоров Одесской области // Русские говоры на Украине. – К.: Наукова думка, 1982. – С. 86-87.
 7. *Баранник Л. Ф.* Лексические особенности русских переселенческих говоров Одесской области // Русские говоры на Украине. – К.: Наукова думка, 1982. – С. 85-98.
 8. *Баранник Л. Ф.* Лексическое взаимодействие в условиях межъязыкового контактирования (на материале лексики русских говоров Одесской области УССР, функционирующих в разноязычном окружении) // Особенности функционирования русского языка в национальной республике. Проблемы взаимодействия языков. – Кишинев, 1986. – С. 119-125.
 9. *Баранник Л. Ф.* Методические указания и задания по русской диалектологии для студентов стационара, вечернего и заочного отделения. – Одесса, 1978. – 68 с.
 10. *Баранник Л. Ф.* Методические указания и задания по русской диалектологии для самостоятельной работы студентов филологического факультета. – Одесса: ОГУ, 1987. – 32 с.
 11. *Баранник Л. Ф.* Методические указания и программа-вопросник по диалектологической практике для студентов-филологов. – Одесса: ОГУ, 1984. – 65 с.
 12. *Баранник Л. Ф.* Молдаванизмы в русских островных говорах Одесщины // Записки з загальної лінгвістики. Збірник наукових праць. – Вип. I. – Одеса, 1999. – С. 59-66.
 13. *Баранник Л. Ф.* Някои особености на българо-руските междудиалектни контакти на територията на Одеска област в Украйна // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. – Т. 6. – Велико Търново, 1997. – С. 413-427.
 14. *Баранник Л. Ф.* Программа спецкурса "Лексика русских островных говоров Юга Украины как система" // Информационный бюллетень УАПРЯЛ. – Вып. 7. – Киев, 2003. – С. 42-43.
 15. *Баранник Л. Ф.* Русские островные говоры Юга Украины в полиязычном окружении (динамика лексики) // Слов'янський збірник. – Вип. VI. – Одеса, 1999. – С. 78-85.
 16. *Баранник Л. Ф.* Традиционная южнорусская лексика в речи липован Юга Украины // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. – Вып. 1. – Одесса, 2004. – С. 129-139.
 17. *Баранник Л. Ф.* Фонетические варианты слов в русских переселенческих говорах Одесской области УССР // Вариантность как свойство языковой си-

стемы. Тез. докл. – Ч. I. – Москва: Наука, 1982. – С. 66-68.

18. Баранник Л. Ф., Мижевская Г. М. Русская диалектология. Сборник упражнений. – Киев-Одесса: Головное издательство объединения "Вища школа", 1986. – 160 с.
19. Батюшков П. Н. Бессарабия. Историческое описание. – СПб., 1892. – 348 с.
20. Брицын М., Прискока О. Словарь русских говоров Одесщины / Ред. кол.: Ю. А. Карпенко (отв. ред.), С. Уэмура (отв. ред.), Л. Ф. Баранник, Д. С. Ищенко. – Одеса: Астропринт, 2000. – Т.1. – 376 с.; 2001. – Т.2. – 296 с. // Мовознавство. – 2005. – №5. – С. 89-90.
21. Гочев Гочо. Словарь русских говоров Одесщины // Болгарская русистика. – София, 2002. – №1. – С. 80-83
22. Демьянова Л. И. Освоение украинской экспрессивной лексики русскими переселенческими говорами Одесщины // Русское языкознание. – К., 1988. – № 15. – С. 82-88.
23. Демьянова Л. И. Функционирование экспрессивной лексики в русских островных говорах на Украине // Русское языкознание. – К., 1991. – №23. – С. 35-39.
24. Демьянова Л. И. Экспрессивная лексика русских говоров в разноязычном окружении (на материале говоров Одесской области УССР): АКД. – Одесса, 1987. – 16 с.
25. Кабузан В. Н. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII – первая половина XIX вв.) – Кишинёв, 1974. – 158 с.
26. Мотузенко Е. М. К вопросу о заимствованиях в морской рыболовецкой терминологии Причерноморья // Лексико-грамматические этюды по русскому языку: Межвуз. сб. – Кишинёв, 1981. – С. 85-91.
27. Мотузенко Е. М. Морская рыболовецкая терминология северо-западного Причерноморья: АКД. – Одесса, 1987. – 16 с.
28. Мотузенко Е. М. О молдавско-русско-украинском взаимовлиянии в рыболовецкой лексике // Проблеме де граматикэ ши стилистика: Кулеж. интеруниверситарэ. – Кишинэу, 1985. – С. 130-135.
29. Мотузенко Е. М. О турецком влиянии на формирование рыболовецкой терминологии Причерноморья // Советская тюркология. – 1985. – № 2. – С. 12-20.
30. Тудосе В. О современной региональной лексикографии («Словарь русских говоров Одесщины», в 2-х т.) // Вестник Славянского университета. – Кишинэу, 2004. – Вып. 11. – С. 202-206.
31. Филин Ф. П. Предисловие к коллективной монографии «Русские говоры на Украине». – К.: Наукова думка, 1982. – С. 4.
32. Швец А. И. Глагольная синонимия русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в иноязычном окружении // Слов'янський збірник. – Вип. VI. – Одеса, 1999. – С. 248-253.

33. *Швец А. И.* Глагольные заимствования из славянских языков в русских говорах Одесщины // Слов'янський збірник. – Вип. V. – Одеса, 1998. – С. 188-193.
34. *Швец А. И.* Национально-культурная специфика глагольной лексики русских переселенческих говоров юга Украины // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы II Международной научной конференции (7-9 апреля 1999 г.): В 3-х чч. – Ч. 2. – Минск, 1999. – С. 86-89.
35. *Швецова Н. Л.* Прозвища в русских старообрядческих говорах Одесской области // Липоване. История и культура русских-старообрядцев. – Одесса, 2005. – Вып. 2. – С. 185-188.
36. *Юмсунова Т. Б.* Рецензия. Словарь русских говоров Одесщины // Материалы и исследования по русской диалектологии. – II (VIII). – М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2004. – С. 518-529.

РУССКИЕ ОСТРОВНЫЕ ГОВОРЫ ЮГА УКРАИНЫ КАК ЛИНГВОФЕНОМЕН

Русские народные говоры с точки зрения формирования подразделяются на две группы: говоры территории ранней восточнославянской колонизации, на которой складывался язык русской нации [3: 27] и говоры вторичные, территорий позднего заселения (после XVI в.), переселенческие.

Интерес диалектологов к переселенческим говорам объясняется прежде всего тем, что «именно на материале говоров территорий позднего заселения особенно отчетливо проявляется соотношение интра- и экстралингвистических факторов, обуславливающих специфику развития языков и диалектов» [1: 3].

«Одним из видов говоров территорий позднего заселения являются говоры островного характера, иноязычное окружение которых способствует, с одной стороны, обособлению и сохранению определенного диалекта, с другой – взаимопроникновению элементов одного языка в диалект другого языка» [6: 11].

Островными в русской диалектологии принято называть говоры русских переселенцев, изолированные от своей материнской прародины и функционирующие в иноязычной или инодиалектной среде.

Русские говоры степного Юга Украины – Одесщины являются вторичными, переселенческими, островными. Длительное время (более 200 лет) они функционируют в разноязычном, разнодиалектном окружении (украинском, болгарском, молдавском, гагаузском и др.), в отрыве от основного русско-язычного и материнского, южнорусского, массива. На территории Одесской области находится свыше 40 русских островных говоров, которые продолжительное время бытуют в окружении других языков и диалектов. Русские островные говоры Юга Украины представляют собой по существу настоящий лингвофеномен, своеобразную «живую лабораторию языка»: в них можно наблюдать контакты между различными говорами одного диалекта, между разными диалектами одного языка и между разными языками как близкого, так и отдаленного родства. Характеризуются они массовостью и относительной одновременностью переселения на новую иноязычную территорию, изолированностью от материнских диалектов, сложностью иноязычного и инодиалектного окружения разной степени родства, лингвистическим, этнокультурным и конфессиональным своеобразием.

Появление первых русских переселенцев на территории нынешней Одесской области исторические источники относят к концу XVIII века [2].

Это были небольшие селения старообрядцев, бежавших из России от преследований со стороны царского правительства. В результате заселения территории Юга Украины сложились две историко-культурные зоны компактного проживания русских старообрядцев: Придунайская и Приднестровская [10: 45-49]. С середины XVIII века Нижнее Подунавье начали заселять липоване, или пилипоны – сторонники филипповского беспоповского толка, укрывшиеся здесь от религиозных преследований. В «Истории городов и сел Украинской ССР» (1978 г.) читаем: «Обширная низменность Дуная, большая часть которой занята болотами, в эпоху средневековья не представляла особых выгод для заселения, но именно здесь находил пристанище разный беглый люд. Стекались

сюда и укrywшиеся здесь от религиозных преследований русские раскольники-липоване (пилипоны, филипповцы). По преданию, они в 1746 на месте современного Вилково основали поселение Липованское» [4: 492].

Селились в Придунавье и казаки-некрасовцы, выведенные с Дона атаманом-булавином Игнатием Некрасовым и ушедшие в 1709 году после подавления крестьянского восстания под руководством К. Булавина на Дунай, а затем в конце XVIII в. – в Турцию. Староверы-некрасовцы основали в Придунавье сёла Некрасовку, Муравлёвку, Карячки (ныне Мирное) и Жебрияны (ныне Приморское) [11: 130, 138-139, 380-381, 392].

В Приднестровье (вторая зона старообрядчества) русские староверы появляются в конце XVIII в. Их крупные центры – Ананьев, Дубоссары, Тирасполь, Маяки, слобода Плоское (ныне Великоплоское). Впоследствии выходцами из Плоского были образованы еще семь близлежащих старообрядческих селений: Малое Плоское, Орел, Тростянец, Приволье, Игрушка, Владимировка, Бычок.

История возникновения русских селений на территории нынешней Одесской области тесно связана с историей заселения Бессарабии. Возникли они в южной части Бессарабии, известной под названием Буджак. Буджаком (по-турецки *буджак* – угол) этот край называли татары и турки, господствовавшие здесь в XV-XVIII вв. В результате освободительных войн России с Турцией в 1812 г. по Бухарестскому миру Бессарабия была присоединена к России. Царское правительство предприняло заселение пустующих бессарабских земель. Стремясь быстрее заселить Буджак, оно решило привлечь в эти места иностранных колонистов – болгар, немцев, швейцарцев и др.

Первыми явились в Буджак запорожские казаки [2: 138-139]. Вскоре в буджакские степи двинулись крестьяне из центральных областей России, переселенцы из Германии, Польши, Турции, Швейцарии. Прибывали и молдаване, болгары, сербы, гагаузы, цыгане. Вследствие этого Буджак приобрел своеобразную национальную

пестроту, в значительной мере сохранившуюся и до наших дней. Национальный состав Буджака (Аккерманский, Измаильский, Бендерский уезды) уже в 1818 г. был очень пестрым. Население Буджака составляло 90061 человек, из них молдаван было 33307, или 36,98% всего населения, болгар – 19329, или 21,46%, украинцев – 16144, или 17,93 %, немецких переселенцев 8284, или 9,2%, русских – 8049, или 8,94 % и т.д. [5: 36]. В 1823 г. была учреждена «Комиссия поселения в Бессарабии казенных крестьян» [9: л. 96]. В Комиссию стали поступать донесения из внутренних губерний России, в которых уведомлялось о желавших поселиться в Бессарабии. Среди других было получено несколько таких донесений из Курской губернии. Сведения о них хранятся в Одесском областном государственном архиве. Первые переселенцы из Курской губернии прибыли в Бессарабию в июле 1827 г. Комиссия сообщала: «Курской губернии из уездов Обоянского и Суджанского прибыло в Аккерманский цинут с первых чисел июля по 1 августа ... однодворцев и казенных крестьян 201 семейство ... всего обоюго пола 1854 душ» [9: л. 150]. Они поселились на свободных к водворению участках земли в Аккерманском и Бендерском уездах, основав, таким образом, ряд русских сел. В течение 1828 г. из внутренних губерний России прибыло 1306 семей (главным образом из Курской, Орловской, Рязанской, Полтавской, Таврической губерний) в составе 6507 человек. Переселенцы образовали на новых местах 18 сел (16 – в Аккерманском уезде и 2 – в Бендерском). В 1830 г. движение государственных крестьян в Буджак наблюдалось только из Курской губернии – 955 человек м. п. (из Обоянского уезда 768, Тимского – 68, Суджанского – 67, Курского – 37 и Шигровского – 15) [5: 56]. Русские переселенцы основали в Аккерманском уезде сёла Васильевку, Введенское, Вознесенское, Павловку, Спасское, Ярославку, деревни Борисовку, Дмитриевку, Ивановку, Корячки, Сергеевку, Петропавловку, Успенское, Николаевку, Семёновку, Петровку, Покровку, Ярославское, в Бендерском уезде сёла Троицкое и Михайловку, в Измаильском – Муравлёвку. Кроме того, в Одесском уезде Херсонской губернии русскими были основаны местечко Анатолиев-

ка, деревни Малая и Большая Колосовка, в Ананьевском – местечко Степановка, деревни Александровка и Гридовка, хутор Васильевка [5: 56]. Русские переселенцы оказались в разноязычном окружении. По соседству с ними находились украинские, болгарские и молдавские сёла, а также немецкие колонии.

Примечательно, что носителями русских говоров на Юге Украины являются представители разных конфессий: старообрядцы (липоване, некрасовцы) и православные нового толка (нестарообрядцы), в основном, потомки государственных крестьян, переселенцев из южнорусских губерний.

Религиозная и этническая изоляция старообрядцев, их ограниченные связи с окружающим миром позволили им в значительной степени сохранить свою языковую самобытность на Юге Украины так же, как и старообрядцам, живущим в Прибалтике, Польше, Турции, Америке, Японии и в других странах. Исследователь старообрядничества С. Е. Никитина пишет: «В каком бы иноязычном окружении ни жили старообрядцы – в Польше, в Латвии или в Турции, они с удивительной стойкостью сохраняли свою культуру и языковую самобытность, ограничиваясь минимумом неизбежных заимствований» [7: 42].

Эта «герметичность», закрытость по отношению к окружающему миру на протяжении более 200 лет способствовала тому, что говоры старообрядцев сохранили исконные черты материнских диалектов на всех уровнях языковой системы в большей степени, чем говоры нестарообрядцев, которые отличаются большей открытостью, более тесными контактами с иноязычными соседями.

Русские старообрядческие говоры характеризуются устойчивостью, консервативностью своей системы, в том числе и лексической, наличием ярко выраженной тенденции к «самосохранению». Выделяются они архаическими чертами, восходящими к эпохе восточнославянской и праславянской языковой общности. Лексика русских старообрядческих говоров Одесщины хранит много древних слов – реликтов общеславянского и исконно русского происхождения. В них до сих пор употребляются общеславянские и древнерусские слова: *вервь*

(*верь*) ‘верёвка’, *мо́рок* ‘ненастье’, *мо́лонья* ‘молния’, *брезг* ‘рассвет’, *со́ром* ‘срам’, *со́ромно* ‘стыдно’, *перст* ‘палец’, *ру́да* ‘кровь’, *свякры́* ‘свекровь’, *днесь* ‘сегодня’, *ле́тось* ‘в прошлом году’, *по́залетось* ‘в позапрошлом году’ и др. А также лексемы, сохранившие древнюю семантику (*бесе́да* ‘собрание, общество’, *те́мный* ‘слепой’, *сла́дкий* ‘вкусный’, *туго́й* ‘трудный’, *ту́го* ‘трудно’, *ну́жа* ‘бедность, нужда’, *ну́жный* ‘бедный’, *ко́поть* ‘пыль’, *соха́* ‘сук, кол, подпорка с развилиной’, *не́мец* ‘немой’, *стра́нный* ‘чужой, пришедший из других мест’, *пыта́ть* ‘спрашивать’, *огоро́д* ‘забор, ограда’ и т. п.)

В русских островных говорах, старообрядческих и нестарообрядческих, бытует большое количество лексем, характерных для южно-русского наречия, что свидетельствует об устойчивости словарного состава русских переселенцев. Степень устойчивости данной лексики определяется не только большим количеством активно употребляемых материнских слов, но и тем, что они, за немногими исключениями, не подверглись смысловым изменениям, сохраняют исконную семантику. Наиболее устойчивы в семантическом отношении такие лексико-тематические группы, как термины родства, наименования людей по их физическим и другим особенностям, обрядовая лексика, слова, обозначающие явления природы, флоры и фауны. Например: *братёник* ‘брат’, *братáн* ‘двоюродный брат’, *вскóрмница* ‘приемная дочь’, *няня* ‘старшая сестра’, *срóдственник* ‘родственник’, *букáтый* ‘толстый’, *вахла́тый* ‘нерасторопный, ленивый’, *гла́дкий* ‘полный’, *сты́лый* ‘вредный’, *уми́льный* ‘милый’; *своды*, *пропой*, *деви́шник*, *свадьби́нный*; *жи́то*, *бу́льба*, *више́нник*; *него́да*, *мо́чли́вый* ‘дождливый’, *се́верка* ‘сырая, мглистая погода при северном ветре’ и др.

Длительное функционирование русских островных говоров Одесщины в отрыве от основного языкового массива, южнорусских диалектов, взаимодействие с языками близкого и отдаленного родства не могло не сказаться на их лексической системе. Словарный состав русских говоров пополнялся и продолжает пополняться заимствованиями из украинского языка и его диалектов, из болгарских и молдавских говоров, которые отражают специфические особенности местных

условий быта, экономики, материальной и духовной культуры соседних этносов. Как правило, это слова, которые обозначают новые реалии, прочно вошедшие в жизнь русских переселенцев. К ним относятся, например, украинизмы: *вапнó, гáнок; капусняк, варéники, варенíцы; ваганý, карпéтки, черевíки; молотáрка, сивáлка, сельра́да, Верховна Рада* и др.; молдаванизмы: *верту́та, плачíнта (плацýнда), мамáлыга, малáй, бóнда, нау́т, жардéля, прúня, мирабéля*; болгаризмы: *патла-жáны (патладжáны), каварма́, пастрамá, сливóвица, мага́рь (мага́р), магарíца, гради́на, градинáр* и др.

Анализ заимствований показывает, что большинство их воспринято из украинского языка и его говоров. Другие языки воздействовали на лексику русских говоров гораздо слабее. Украинизмы составляют 72% от общего числа заимствований, зафиксированных в русских островных говорах Одесщины, молдаванизмы – 17%, болгаризмы – 9%, слова из немецкого языка – всего 2%.

В островных говорах Юга Украины на базе русского, украинского, болгарского и молдавского языков создаются контаминационные образования: *нерóба* ‘лентяй’ (от укр. *не робити*), *спочивáлка* ‘человек, который много спит’ (от укр. *спочивати*), *куценёнок* ‘щенок’ (из южнорусск. *кутёнок* и укр. *цуценя*), *мамалайник* ‘кукурузный хлеб’ (из молд. *малáй*) и др.

Длительное межъязыковое и междиалектное контактирование, изоляция от материнского диалектного массива способствует появлению в русских островных говорах значительного количества новообразований, возникающих как на базе исконно русских (литературных и диалектных), так и заимствованных слов и корней: *веер* ‘вентилятор’, *ледник* ‘холодильник’, *гарага́* ‘долговязый, худой человек’ (от болг. диал. *гарага́* ‘подпорка под виноградный куст’), *гарманóвка* ‘сбор урожая’, *гармановáть* ‘собирать урожай’ (от молд. *хэрман* ‘ток’) и др.

Укореняясь в русских говорах, заимствования вступают в лексические связи с русскими местными и литературными словами, что приводит к появлению в островных говорах большого количества лексических дублетов и синонимов. С точки зрения происхождения ком-

понентов таких дублетов и синонимов выделяются, во-первых, дублеты и синонимы, состоящие из русских (местных или литературных) и украинских слов: *дом – хата – будынок – хазина; бóров – дымáрь; огурец – гурóк – огирóк; пруд – став – ставок; лúжа – калю'жа; цап – козёл; черда́к – потоло́к – горíще; иска́ть – шукáть; спра́шивать – пытáть* и мн. др., во-вторых, из русских и болгарских: *горóд – гради́на, барáн – óвен – хазма́н – коч, индюк – курка́н, стена́ – дувáр, сапа́ – калисти́рка, осёл – мага́рь* и др., в-третьих, из русских и молдавских: *пастух – чаба́н – вакáр*, в-четвертых, синонимы и дублеты, состоящие из русских, украинских, болгарских и молдавских элементов: *пету́х – ко́чет – півень – пéтел – ко́кош*.

По степени употребительности компонентов в группе дублетов, состоящих из заимствованного и русского слова, выделяются, во-первых, дублеты с преобладающим в употреблении русским компонентом: *ко́чет – петух – півень – пéтел* (в данном синонимическом ряду более употребительным является русское диалектное *ко́чет*), *кну́т – баты'г, крыльцо́ – га́нок, колоде́ц – крини́ца, поле – лан, гражда́нин – громадяни́н, госуда́рство – держа́ва, баран – óвен, стена – дувáр, бревно – гри́нда*, во-вторых, дублеты с более употребительным иноязычным компонентом: украинским: *горíще – потоло́к – чердак; серныки́ – спички, боло́то – грязь, вече́ря – ужин, горилка – водка, гро́ши – деньги, кры'га – льдина, ставо́к – став – пруд, позыча́ть – за́нимáть, спивáть – петь, хова́ть – прятать, шукáть – иска́ть* и мн. др., болгарским: *курка́н – индюк, мага́рь – осел, кали́ба – конура*, молдавским: *прашева́ть – подбивать – сапать, папушо́й – кукуруза* и т.п.

Зачастую дублеты, состоящие из русских и заимствованных компонентов, дифференцируются стилистически, распределяясь по разным сферам употребления. Так, в разговоре с украинцами русские, как правило, пользуются украинскими лексемами, с молдаванами – молдавскими, с болгарями – болгарскими. Нередко украинизмы, болгаризмы и молдаванизмы воспринимаются носителями говоров как слова «новые» или «чужие» в отличие от «своих», «старых». В результате такой стилистической дифференциации появляются стилистические

синонимы: *огурец* – *гурóк* – *огирóк*, *петух* – *півень* – *пéтел* – *кóчет*, *лестница* – *драбы́на*, *горіще* – *потолок* – *чердак* и т.д.

В отдельных случаях синонимы появляются в результате семантической дифференциации слов дублетной пары. Так, южновеликорусское *горóд* ‘огород’, столкнувшись с болгарским *граді́на*, претерпело изменение семантики, стало употребляться в значении ‘огород возле дома’. В результате взаимодействия с южнорусским *горóд* семантически изменилось и болгарское *граді́на*. В болгарских говорах *граді́на* – ‘всякий огород’, в русских говорах – только ‘большой колхозный огород’. Семантически дифференцировавшись, слова *горóд*, *граді́на* превратились на местной почве в синонимы.

Более широко в русских говорах Одесской области представлены идеографические синонимы, возникшие вследствие сближения семантики местных и заимствованных слов. Причем, семантически сближаются с местными русскими словами в основном слова из близкородственного украинского языка.

Анализ заимствований из украинского языка показывает, что среди них встречается большое количество стилистически нейтральных слов, не обозначающих новых понятий. Как правило, это слова, несколько отличающиеся по своей семантике от соответствующих им русских, т.е. заимствования, не имеющие абсолютных синонимов, дублетов в словарном составе русских переселенческих говоров. Таковы в наших говорах украинизмы *вальковáть* ‘обмазывать стены толстым слоем глины, делать из глины стены постройки’ (ср. русск. *смазывать*, *обмазывать*), *му́лить* ‘натирать, давить (об обуви, о глазе, когда в него попадает что-нибудь)’ (ср. русск. *натирать*, *давить*), *натра́пить* ‘случайно найти, встретить’ (ср. русск. *найти*, *встретить*), *скуба́ть* ‘щипать перья, рвать шерсть, дергать за волосы’ (ср. русск. *драть*), *рятовáть* ‘спасать кого-либо’ (ср. русск. *спасать*) и др. Все эти украинизмы отличаются от русских параллелей более конкретной, узкой семантикой. Заимствование подобных слов из украинского языка – свидетельство продолжительного глубокого контакта русских с украинцами. Как известно, только при длительном тесном

контакте одного народа с другим возможно заимствование стилистически нейтральных слов, не обозначающих новых понятий.

Нередко от корней заимствований по русским словообразовательным моделям в островных говорах образуются производные слова. Так, на базе заимствованного у болгар слова *магáрь* ‘осёл’ в говоре сёл Вознесенка и Павловка Арцизского района образованы *магарёнок*, *магарёночек* ‘детеныш ослицы’, *магаря́та*, *магаря́тки* ‘ослятки’, а также глагольные экспрессивы *мага́рить*, *мага́рничать* ‘тяжело работать’ и производные от них *помага́рить*, *помага́рничать*, *намага́риться*.

Словообразовательные возможности заимствований определяются как лингвистическими факторами (семантикой слова, принадлежностью к определенной тематической группе, уровнем адаптации к говору-реципиенту), так и экстралингвистическими.

Русские говоры Одесщины, функционирующие в разноязычном, диалектном окружении, характеризуются повышенной вариантностью. Особенно велика вариантность на уровне лексики, так как лексика – открытая, подвижная система. В лексической системе русских говоров Юга Украины представлены разнообразные типы вариантов слов: фонетические, морфологические, словообразовательные, семантические. Наиболее частотны и многообразны фонетические варианты слов.

Проблема вариантности в русском литературном языке разрабатывалась в трудах О. С. Ахмановой, А. И. Смирницкого, К. С. Горбачевича, В. Г. Гака, Л. Б. Никольского, В. М. Солнцева, Р. П. Рогожниковой и др. Вариантность в русских диалектах России была объектом лингвистического анализа в работах Л. И. Баранниковой, О. И. Блиновой, Ф. П. Филина, И. А. Оссовецкого, О. Г. Гецово́й, Т. Б. Юмсуновой и др. Вариантность в русских переселенческих, островных, говорах Одесщины ещё никем не исследовалась.

В исследуемых русских островных говорах выделяются разнообразные типы фонетических вариантов слова: акцентные – различающиеся местом ударения (*но́вина* – *новина́*, *хо́лодно* – *холодно́*, *хочу́* – *хо́чу*, *ку́хонный* – *кухонный́*, *сто́ляр* – *столя́р*) и фонематические, раз-

личающиеся: а) гласными фонемами (*дрóбный – дрíбный, пéпел – пóпел – пóпил, ржа – иржа, льняно́й – альняно́й, пéвник – пíвник*); б) согласными фонемами (*кубга́н – кумга́н – куба́н* ‘большой глиняный кувшин’, *ро́дственник – срóдственник, ды́хатъ – дыши́тъ, зéмчуг – жéмчуг, верхолёт – вертолёт, патладжа́н – патлажа́н* ‘помидор’); в) гласными и согласными фонемами одновременно (*серберíна* ‘шиповник’ – *сербали́на – свербарíна*); г) порядком следования фонем (*кир-ни́ца – крини́ца, корва́тъ – крова́тъ, сы́воротка – сырова́тка*) и т. п.

Повышенная акцентуационно-фонематическая вариантность в русских говорах, функционирующих в разноязычном окружении, обуславливается различными причинами: 1. явлением поликонтактности (наличием нескольких контактирующих языков и говоров – источников заимствования), 2. интерференцией различных контактирующих фонетических систем, 3. наличием вариантности в самом передающем языке или говоре, 4. неравномерной акцентуационно-фонетической адаптацией заимствованных слов в русских говорах, 5. устной формой существования диалектов.

Все фонетические варианты, весьма разнообразные в русских говорах Одесщины, могут свободно употребляться один вместо другого в одном говоре, в одной диалектной микросистеме, взаимно заменяя друг друга зачастую в речи одного диалектоносителя. Конечно, на избирательность фонетических вариантов в каждом конкретном случае не могут не влиять сфера и ситуация общения, а также возраст и уровень образования носителей говоров. Наблюдения показывают, что в речи представителей старшего поколения преобладают «свои», диалектные, варианты, в речи молодежи – литературные, в непринужденной беседе друг с другом местные жители употребляют диалектные варианты, в разговоре с горожанами – литературные. В общении с украинцами, болгарями, молдаванами предпочтение отдается собственно украинским, болгарским, молдавским фонетическим вариантам заимствованных слов. Таким образом, с социолингвистической точки зрения, в русских говорах Одесщины можно выделить два типа фонетических вариантов

слова: стратификационные и ситуативные. Первые, как отмечает Л. Б. Никольский, «связаны с ... возрастными группами, группами, выделяемыми по уровню образования, вторые коррелируют с ситуациями общения» [8: 25].

Обилие фонетических вариантов – яркая специфическая особенность русских островных говоров, функционирующих в полиязычном окружении.

Итак, специфическими особенностями, характеризующими русские островные говоры Юга Украины как лингвофеномен, интегрирующими для всех исследуемых говоров и одновременно дифференцирующими в пределах основного русского языкового и диалектного массива являются: 1. сохранение многих архаических лексем, сем и семем, особенно значительное в старообрядческих говорах; 2. наличие большого количества иноязычных заимствований, разная степень и неодинаковый характер лексических заимствований в говорах представителей разных конфессий: старообрядцев и нестарообрядцев; 3. структурные и семантические трансформации иноязычных и исконно русских слов, обусловленные заимствованием, не отмеченные в русских говорах материкового массива; 4. параллелизм, пронизывающий всю систему островных говоров; 5. широкая разветвленная вариантность на всех уровнях диалектной системы; 6. активизация образования синонимии, омонимии, полисемии, гиперо-гипонимии в результате заимствования разных по происхождению, по языковой и диалектной отнесенности лексем; 7. развитие контаминированных форм на базе изначально различных по языковой и диалектной принадлежности слов и морфем; 8. большое количество инноваций, словообразовательных и семантических, возникающих как на основе исконно русских, так и заимствованных из соседних языков и говоров корнеслов.

Исследование русских островных говоров Одесщины, продолжительное время функционирующих в разноязычном (разнодиалектном) окружении, дает возможность выявить разнообразные формы межъязыкового и междиалектного контактирования, отметить общее и специфическое, характерное для частных диалектных систем, показать различ-

ное и своеобразное в контактировании говоров разной степени родства, разных конфессий, изучить проблемы заимствований из окружающих языков и диалектов в русских старообрядческих и нестарообрядческих говорах, подтвердить положение об устойчивости лексической диалектной системы, ибо несмотря на длительную изоляцию от основного языкового и диалектного массива русские сохранили свой язык, свою исконную южнорусскую диалектную основу, свои обряды и обычаи, духовную и материальную культуру.

Русские островные говоры Юга Украины, несомненно, феноменальны в лингвистическом, этнографическом, культурологическом отношении.

Они поистине интереснейшая живая исследовательская языковая лаборатория как для лингвистов, так и для историков, этнографов, культурологов, фольклористов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранникова Л. И. К проблеме классификации говоров территорий позднего заселения // Говоры территорий позднего заселения, – Вып. 1. – Саратов, 1977. – С. 3-23
2. Батюшков Н. П. Бессарабия. Историческое описание. – СПб., 1892. – 348 с.
3. Диалектологический атлас русского языка. – Вып. 1. – Москва, 1986. – 318 с.
4. История городов и сёл Украинской ССР. Одесская область. – Киев: Главная редакция Украинской советской энциклопедии, 1978. – С. 492.
5. Кабузан В. М. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Кишинев, 1974. – 158 с.
6. Лённгрен Тамара. Лексика русских старообрядческих говоров (на материале, собранном в Латгалии и на Житомирщине). – Uppsala, 1994. – 175 с.
7. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. – Москва, 1993. – 187 с.
8. Никольский Л. Б. Понятие инварианта и варианта в социолингвистике / Вариантность как свойство языковой системы. – Ч.2. – Москва: Наука, 1982.
9. Одесский областной государственный архив, фонд №1, опись 214, дело №12, л. 96, 150.
10. Пригарин А. А. Культурно-бытовые особенности этноконфессиональных групп русских Одесщины // Историчне краєзнавство Одещини. – Одеса, 1995. – №6.
11. Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака. – Аккерман, 1889.

ЛЕКСИКА РУССКИХ ОСТРОВНЫХ ГОВОРОВ ЮГА УКРАИНЫ: СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Русские говоры степного Юга Украины – Одесщины – являются вторичными, переселенческими, островными. Длительное время (более 200 лет) они функционируют в разноязычном, разнодиалектном окружении (украинском, болгарском, молдавском, гагаузском и др.), в отрыве от основного русскоязычного и материнского, южнорусского, массива. На территории Одесской области находится около 50 русских островных говоров, которые продолжительное время бытуют в окружении других языков и диалектов. Русские переселенческие говоры Юга Украины представляют собой по существу настоящий лингвофеномен, своеобразную «живую лабораторию языка»: в них можно наблюдать контакты между различными говорами одного диалекта, между разными диалектами одного языка и между разными языками как близкого, так и отдалённого родства. Характеризуются они массовостью и относительной одновременностью переселения на новую территорию, изолированностью от материнских диалектов, сложностью иноязычного и инодиалектного окружения разной степени родства, лингвистическим, этнокультурным, а также конфессиональным своеобразием их носителей.

Сопоставление лексики русских переселенческих говоров Одесской области с южнорусской (курской, орловской, донской) показывает, что, несмотря на долгое пребывание в иноязычном окружении, в них функционирует большое количество материнских слов.

Круг понятий, выражаемых сохранившимися в переселенческих говорах южнорусизмами, чрезвычайно широк. Это наименования предметов сельскохозяйственного обихода, утвари, одежды, пищи, домашних животных, построек, растений, различных природных явлений, важнейших трудовых процессов, действий, признаков, качеств и свойств.

Большинство южнорусских слов, употребляемых в говорах русских сёл Одесской области, несмотря на длительное функционирова-

ние в отрыве от говоров основного диалектного массива, не подверглось семантическим изменениям, бытует с прежней семантикой. В различных лексико-тематических группах семантическая устойчивость не одинакова. Наиболее устойчивы в семантическом отношении такие лексико-тематические группы, как названия семейных, родственных отношений, наименования людей в зависимости от качеств, свойств их характера, пола и возраста, обрядовая лексика, термины, выражающие значения времени, слова, связанные с природой, растительным и животным миром. Семантическая стабильность подобных слов объясняется неизменностью предметов, явлений, понятий, обычаев, которые они обозначают. Сохранение традиционного южнорусского типа жилища, надворных построек, отдельных старинных предметов домашнего обихода, утвари, посуды, одежды и обуви, головных уборов, обычаев, обрядов благоприятствовало тому, что в говорах удержались без семантических изменений многие южнорусизмы. Особой семантической устойчивостью отличаются слова, обозначающие действия, процессы, признаки, качества предметов и явлений, различные обстоятельства. Семантическая стабильность этих слов понятна: они обозначают действия, состояния, качества, обстоятельства, которые на протяжении столетий остаются неизменными.

Однако в некоторых южнорусских словах произошли семантические изменения. Наблюдения над изменением семантики слов в изучаемых говорах показывает, что эти изменения обуславливаются, в основном, общеязыковыми причинами, а также господствующей в говорах тенденцией к лексической детализации, дифференциации наиболее общих понятий. Действием этой тенденции в исследуемых говорах обусловлено сужение, специализация значений многих диалектных слов (ср.: *зату́лок* в говорах основного языкового массива ‘ограда, защита, закрышка, убежище, приют, скривище’, в переселенческих – ‘печурка в печке для сушки рукавиц и других мелких вещей’; *лётник* в южнорусских говорах ‘верхняя одежда, летняя лёгкая одежда’, в говорах Одесской области ‘лёгкий хлопчатобумажный мужской костюм или пиджак’; *годові́к* в родственных говорах основ-

ного массива ‘всякое годовалое животное’, в русских сёлах Одесщины ‘годовалый жеребец’).

Семантические изменения обусловлены и тенденцией к устранению дублетов, появившихся вследствие активного проникновения в говоры литературных русских лексем. Лексические дублеты в переселенческих говорах возникают также в результате заимствований из соседних языков: украинского, молдавского, болгарского. Устранения дублетности нередко происходит путём семантической дифференциации дублетных компонентов. Дублеты семантически дифференцируются в основном в результате сужения первоначального значения одного или обоих слов дублетной пары.

При столкновении диалектного слова с литературным нередко происходит сужение значения первого. Например, южнорусское *писклёнок*, вступив в синонимическую связь с литературным *цыплёнок*, сузило своё значение. Слово *писклёнок* в наших говорах употребляется только для наименования маленького, недавно вылупившегося цыплёнка (для наименования подросшего цыплёнка употребляется украинское *курча́*). В южнорусских говорах *писклёнок* является обозначением всякого цыплёнка вообще. Ср. также *бу́льба* в материнских говорах ‘всякий картофель вообще’, в переселенческих – ‘картофель особого рода, предназначенный на корм скоту’ и т.п.

Первоначальные значения слов, унаследованные из южнорусских говоров, нередко изменяются вследствие взаимодействия их с синонимами, заимствованными из других языков. Так, южнорусское *яр* ‘овраг’, вступив в новых условиях в контакт с молдавским эквивалентом *ры́па*, стало обозначать не всякий овраг вообще, как в материнских говорах, а только большой, поросший кустарником. Семантически видоизменился и молдаванизм *ры́па*. В изучаемых говорах *ры́па* служит наименованием оврага, поросшего травой.

Иногда дублетность устраняется в результате конкретизации на русской почве значения заимствованного компонента дублетной пары. Так, например, украинизм *кві́ты* в результате столкновения с русским соответствием *цветы* сузил свою семантику, стал употреб-

ляться в исследуемых переселенческих говорах только для наименования искусственных цветов из воска или бумаги.

Итак, взаимодействуя с эквивалентами и синонимами из русского, украинского, болгарского, молдавского языков, местные слова претерпевают различные изменения в своей семантике. Это вполне закономерно, ибо, как отмечает В. В. Виноградов, «...значение слова зависит... от конкретных лексических связей его с другими словами... от семантического соотнесения этого слова с синонимами и вообще с близкими по значению и оттенками словами» [2: 6].

Первоначальная же причина изменений значений исконно южно-русских лексем в русских переселенческих говорах Одесской области кроется в новых условиях жизни носителей русских говоров, в усилении разного рода взаимных контактов с иноязычными соседями – украинцами, молдаванами, болгарам. М. М. Покровский отмечал: «Нужно искать первоначальную причину изменения значений слов в соответствующем изменении условий жизни и в реальном окружении, в котором находятся данные предметы и люди, и если принимать систематически эту причину в соображение, можно открыть в изучаемых явлениях довольно тонкие оттенки, которые иначе могли бы остаться незамеченными» [3: 44].

В связи с глубокими изменениями в общественной, производственной и культурной жизни русских переселенцев многие старые слова вышли из активного употребления и в настоящее время встречаются лишь в речи представителей старшего поколения как историзмы.

Исчезли из употребления все слова, обозначающие старые орудия труда и их части (*соха́, подóшва, рассóхи* – названия частей сохи; *клевцы́* ‘деревянные зубья бороны’; *отрэз, лемéш* – части старого плуга), наименования старинных мер площади, земельных участков (*огрэх* ‘ошибочно не испаханый или не засеянный участок поля’, *деля́нка* ‘старинная мера площади, равная десятине с четвертью’, *полуделя́нка, пятóк* ‘участок земли в пять сажень’), названия укладок хлеба, сена,

соломы (*одóнья* ‘большой стог необмолоченного хлеба’, *крестéц* ‘небольшая укладка снопов, крестообразно положенных друг на друга’) и др.

Из обиходно-бытового лексикона ушли наименования старинных женских украшений, названия устаревших видов одежды и обуви (*бахíлки*, *постолы́* ‘старинные башмаки’, *блошнiца* ‘домотканая ночная женская рубашка’, *кiчка* ‘старинный головной убор замужней женщины’, *поддúшник* ‘женское украшение в виде бархатной ленты, расшитой бисером, повязываемой на шею’, *подзатыльник* ‘нарядная, расшитая повязка на кичку’, *сайн* ‘широкий длинный сарафан на узких лямках’ и др.); наименования некоторых предметов домашнего обихода, утвари, убранства дома (*каганéц* ‘светильник в виде черепка, в который наливали сало или растительное масло и клали фитиль’, *стáвец* ‘плоское деревянное блюдо для пирогов’, *рубчáтка* ‘бельевой катальный валёк’ и др.); названия некоторых приусадебных построек (*ворóк* ‘постройка для крупного рогатого скота’, *клéтка* ‘крытая пристройка к дому для хранения вещей’); наименования старинных обычаев, игр (*карагóт* ‘хоровод’, *танóк* ‘хоровод’; *отвóды* ‘посещение родителей молодой родителями молодого спустя несколько дней после свадьбы’ и др.)

Наряду с архаизмами к пассивному словарю следует отнести устаревающие слова. В отличие от архаизмов они называют сохраняющиеся в современной деревне явления, предметы, действия. К устаревающим принадлежат слова, обозначающие некоторые употребляющиеся до сих пор в быту русских переселенцев предметы домашнего обихода, утвари, убранства дома (*дежá* ‘небольшая деревянная кадка для приготовления теста’, *дежнiк* ‘холщёвое покрывало на дежу’, *емкi* ‘ухват’, *кубгáн* ‘большой глиняный кувшин с широким горлом для хранения молока, масла, солений’ и др.); названия одежды старого типа, которую ещё носят старики (*зипúн* ‘верхняя зимняя одежда из толстого сукна’, *полбурмúзик* ‘старинное женское полу-

пальто с широким запахом, без пуговиц'), наименования продуктов питания (*жа́мка* 'пряник', *кала́бушка* 'небольшая пресная лепёшка, которую пекут в пост'); слова, обозначающие развлечения, действия, связанные с ними (*играть песни* 'петь песни', *скака́ть* 'плясать, танцевать'). Перестают активно употребляться местные слова, обозначающие некоторые действия (*заку́тать* (о двери) 'закрыть', *отку́тать* 'открыть', *засто́ять* 'отстоять, защитить, заступиться'), признаки, качества (*жа́ровый* 'ярко-красный', *моло́ковый* 'розовый').

Нетрудно заметить, что устаревшая лексика многочисленна, охватывает все тематические сферы местного словаря. Она ещё сохраняется в говорах, но употребительность её постепенно сокращается. Молодёжь эти слова заменяет литературными эквивалентами. Таким образом, для выражения одних и тех же значений в говорах употребляются разные слова: старшим и средним поколением преимущественно местные, диалектные слова, молодёжью – литературные. Подобное явление отмечается и в русских говорах основного языкового и диалектного массива.

Примечательно, что наиболее интенсивно сужается сфера употребления диалектных слов, имеющих одинаковые корни с вытесняющими их литературными эквивалентами: *апосла́* – *после*, *взбочь* – *сбоку*, *на́добить* – *надо*, *супроті́в* – *против*, а также местных слов, совпадающих с литературными в звучании, но различающихся по семантике: *заку́тать* (о двери) 'закрыть', *отку́тать* (о двери) 'открыть', *разбирáться* 'раздеваться', *виски́* 'волосы'.

Диалектизмы в русских островных говорах Одесщины вытесняются не только словами русского литературного языка, но и заимствованиями из контактирующих языков – украинского, болгарского, молдавского. Так, южнорусизмы *потоло́к*, *толока́* в исследуемых говорах уступили место украинизмам *горі́ще*, *стен*; *горо́д* в значении 'большой огород за селом' заменилось болгарским *граді́на*, *сапа́ть* – молдавским *прашева́ть*.

В русских говорах Юга Украины, однако, продолжает активно функционировать довольно большое количество лексем, общих с

южнорусскими, охватывающих все сферы местного словаря. Это, как правило, слова, не имеющие лексических параллелей, точных дублетов в литературном языке (*ма́тица* ‘балка, поддерживающая потолок’, *весёлочка* ‘очищенная от коры палочка для помешивания жидкого теста’, *нові́на* ‘первый сбор нового урожая, первое зерно, первые овощи, фрукты’ и т.п.) Активно употребляются и диалектные слова, отличающиеся от литературных соответствий особой эмоциональной насыщенностью, ярко выраженной коннотацией: *букáтый* – толстый, *вахла́тый* – неповоротливый, нерасторопный, ленивый, *забесіть* – запрятать и др. Широкому употреблению диалектных слов нередко способствует перенос старых названий на новые предметы, сходные по форме и функции со старыми (ср. *гле́чик* ‘кринка для молока’ и ‘большая стеклянная банка’).

Многие русские диалектные слова, бытующие в русских сёлах Одесской области, являются общими с украинскими, нередко генетически восходят к одному для русского и украинского языков источнику – древнерусскому языку: *бо́рошно*, *будя́к*, *во́лна*, *горо́дина*, *дежа́*, *ко́чет*, *кут*, *нові́на*, *рога́ч*, *рыпе́ть*, *сига́ть*, *сюды́*, *толока́*, *череда́* и др. Сохранению и активному употреблению подобных слов в русских говорах Одесщины, несомненно, способствует соседство с украинским языком, в котором они являются литературными.

За время длительного пребывания в отрыве от материнских южнорусских говоров в разноязычном окружении словарный состав русских переселенческих говоров Одесской области пополнился большим количеством заимствований из украинского, болгарского, молдавского, румынского и немецкого языков.

Анализ заимствований показывает, что большинство их воспринято из близкородственного украинского языка и его говоров. Украинизмы проникли во все группы бытовой и сельскохозяйственной лексики, а также в словарь, связанный с природой, с местным ландшафтом, с растительным и животным миром. Помимо слов с предметным значением, в русские говоры из соседних украинских вошло большое

количество глаголов, прилагательных, наречий, обозначающих трудовые и физиологические процессы, действия, ощущения, состояния, качества, свойства, признаки, обстоятельства, а также переживания и волевые импульсы.

Воздействие молдавского языка проявилось в названиях пищи, одежды и производственной терминологии, связанной с животноводством, садоводством и полеводством. Влияние болгарского языка охватило главным образом лексику, относящуюся к овощеводству, огородничеству. Непосредственно из немецкого языка в русские говоры попали лишь отдельные названия кулинарных изделий, хозяйственных построек, средств перевозки грузов. Румынский язык внёс в русские говоры Одесской области ряд терминов, в основном связанных с экономическим и административно-политическим устройством боярской Румынии 1918-1940 гг. Все они давно вышли из активного употребления.

В последние годы усилилось влияние на русские говоры украинского языка. Русские освоили украинскую общественно-политическую, административно-хозяйственную и техническую терминологию: *громадяны* 'граждане', *Верхóвна Ра́да*, *держáва*, *молотáрка* 'молотилка', *косáрка* 'косилка' и т.п.

Заимствованные слова по характеру их употребления в русских переселенческих говорах занимают далеко не одинаковое место. Все словарные заимствования по степени их употребительности в русских говорах Одесщины можно разделить на две группы. В первую группу входят активно употребляемые слова. Вторую составляют лексемы, находящиеся на периферии словарного состава говоров. Первую группу заимствований представляют главным образом слова, принесшие с собой новые для русских переселенцев реалии. Они являются в говорах наименованиями предметов, явлений, понятий, усвоенных русскими уже после переселения из России. Сюда относятся лексемы, обозначающие особенности быта украинцев, молдаван, румын, немцев, с которыми русские познакомились, переселившись в Бессарабию, названия специфически местных предметов сель-

скохозяйственного производства, окружающей природы. Среди них выделяются украинские: *варені́цы, вечерні́цы, галу́шки, га́рбуз, гонт, грóна, гру́ба, драні́ца, дро́гва, кулі́ш, ру́шанка* и т.п.; болгарские: *каларма́, мага́рь, ма́нджя, патлажа́ны* и т.п.; молдавские: *бурде́йка, верту́та, гуту́ля, мамальы́га, марабе́лька*; румынские: *парна́йка, парна́я, цыга́йка, цыга́я*; немецкие: *бендю́г, ку́ха, ну́дли, штру́дли*. Обозначая жизненно важные предметы и явления, эти слова составляют активный запас каждого жителя русских сёл Одесской области. Для них нет семантических эквивалентов, синонимов в русских говорах.

В первую группу входят также слова, вытеснившие в силу различных причин равнозначные русские соответствия. Это, в основном, лексемы, заимствованные из близкородственного украинского языка: *блі́зко* (ср. русское *около, приблизительно*), *вині́ться* (ср. русское *извиняться*), *вы́смоктать* (ср. русское *высосать*), *геть* (ср. русское *прочь, вон, долой*), *голі́ть* (ср. русское *брить*), *десь* (ср. русское *где-то*), *ма́буť* (ср. русское *может быть*), *ниха́й* (ср. русское *пусть, пускай*), *ре́паный* (ср. русское *треснутый*), *сма́женный* (ср. русское *опалённый*), *сма́чный* (ср. русское *вкусный*), *тре́ба* (ср. русское *надо, нужно*), *ша́рпать* (ср. русское *драть, скрести*) и др.

К активно употребляемым относятся также украинизмы, которым в русском языке соответствуют только словосочетания: *оле́я* – подсолнечное масло, *грама́дить* – сгребать сено, *гуртовáться* – сбиваться в гурт, *дивувáть* – быть незамужем, *кисля́к* – кислое молоко, *óранка* – вспаханная земля, *парубкува́ть* – быть холостяком, вести холостую жизнь.

Повсеместное распространение в русских сёлах имеют также иноязычные заимствования, дифференцирующие, конкретизирующие некоторые общие понятия в местных говорах. Сюда относятся названия людей по их занятиям: *вака́рь* ‘пастух, пасущий коров’, *чаба́н* ‘пастух, пасущий овец’; детализированные наименования животных: *гуч* ‘жеребёнок в возрасте двух лет’, *лоши́ца* ‘молодая кобылица’,

пéрвосточка ‘впервые отелившаяся корова’, *неля́почка* ‘корова, отелившаяся раньше трёхлетнего возраста’; названия растений: *каба́* ‘салатный лук’, *рабажѹ́ика* ‘мелкий семенной лук’; предметов быта: *карпéтки* ‘вязаные носки’, *кві́ты* ‘искусственные цветы из воска или бумаги’, *бары́жик* ‘четырёхугольный цветной головной платок из тонкой шерсти’ и др.

Бытуют в русских островных говорах также заимствованные слова, отличающиеся от соответствующих местных некоторыми оттенками значений, т.е. заимствования, не имеющие абсолютных синонимов в словарном составе русских переселенческих говоров: *коха́ть* ‘любить кого-нибудь’ (ср. русское *любить*), *му́лить* ‘натирать, давить (об обуви, о глазе, когда в него попадает что-нибудь)’ (ср. русское *натирать, давить*), *натра́пить* ‘случайно найти, встретить’ (ср. русское *найти, встретить*) и т.п.

Для носителей русских говоров перечисленные слова – такие же близкие, свои, как и исконно южнорусские. Входя в активный словарный запас каждого местного жителя, они не уступают по употребительности в повседневном общении наиболее употребительным «своим».

К заимствованиям, находящимся на периферии словарного состава русских переселенческих говоров, относятся, во-первых, слова-историзмы, являющиеся единственными наименованиями, вышедшими из употребления, устарелых предметов быта и сельскохозяйственного производства (*верéття, ло́жник, чипѹ́цы, черевѹ́ки, сошо́ны, монѹ́сты, кварта, óка, фáльча, фу́ра*), во-вторых, слова, которые употребляются гораздо реже русских эквивалентов и осознаются русскими как чуждые родному языку (*баты́г, га́нок, каби́ца, лан; бо́нда, ро́тъя, царѹ́ина; ка́птур, фу́рки* и др.), в-третьих, слова, на время вошедшие в обиход из румынского языка в период господства в Бессарабии румынского боярства (1918 – 1940 гг.): *ба́ни* ‘мелкие деньги’, *прѹ́марь* ‘сельский староста’, *примарѹ́я* ‘сельская управа’ и т. п.

Русские говоры воспринимают иноязычные лексические элементы отнюдь не пассивно. В них постоянно происходит отбор получаемого из других языков и говоров лексического материала. С одной стороны, активно усваиваются иноязычные слова, которые являются жизненно необходимыми в повседневном общении. Обозначая новые для русских предметы, понятия, явления, передавая тончайшие оттенки того или иного значения, эти слова обогащают словарный состав говоров. С другой стороны, русские переселенческие говоры теряют те иноязычные лексемы, которые обозначают понятия и предметы, вышедшие из употребления, утратившие свою коммуникативную значимость.

Наблюдения показывают, что заимствования, как правило, входили в лексическую систему русских говоров вместе с «предметными новшествами», с новой вещью, реалией, новыми понятиями. Такого рода заимствования представляют собой ценный материал, по которому можно судить об особенностях взаимоотношений одного этноса с другим, о специфике и степени влияния одного языка на другой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батюшков Н. П.* Бессарабия. Историческое описание. – СПб., 1892. – 348 с.
2. *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3-30.
3. *Покровский М. М.* О методах семасиологии // Избранные труды по языкознанию. – М., 1959. – С. 27-32, 44.

РУССКИЕ ОСТРОВНЫЕ ГОВОРЫ ЮГА УКРАИНЫ В ПОЛИЯЗЫЧНОМ ОКРУЖЕНИИ (ДИНАМИКА ЛЕКСИКИ)

Лексический состав русских островных говоров дает ценные сведения об особенностях динамики их лексико-семантической системы в полиязычной среде, о специфике контактов на лексическом уровне как близкородственных языков и диалектов, так и языков и говоров более отдаленного родства.

Анализируемая нами лексико-тематическая группа наименований женской одежды и головных уборов позволяет выявить ряд ха-

рактрных процессов, свойственных лексико-семантической системе островных русских говоров, длительное время функционирующих в полиязычном окружении. Исследователи неоднократно отмечали, что специфику лексики этой тематической группы (ТГ) составляет её тесная связь с наиболее изменчивыми элементами материальной культуры, что, в свою очередь, обуславливает её неустойчивость и подвижность. Эта ТГ в гораздо большей степени, чем лексика иных ТГ, отражает особенности трудовой деятельности, быта, культуры, межъязыковых контактов того или иного этноса, ввиду чего является надежным источником сведений об эволюции словарного состава. Изучение словаря одежды в плане его эволюции, развития, несомненно, заслуживает особого внимания.

В значении ‘одежда вообще’, ‘верхняя одежда’ в русских островных говорах Одесщины функционируют слова *одѣжа, одеянье, одяг, обряд, обрядья, убор, наряд*, отличающиеся друг от друга оттенками значений, коннотацией, сферой употребления. Наиболее распространено в исследуемых говорах слово *одѣжа*; лексемы *обряд, обряда, обрядье, убор, наряд* употребляются, как правило, в речи представителей старшего поколения, причем *обряд, обрядье, обряда* обозначают всякую одежду вообще, а *убор, наряд* – чистую хорошую одежду (преимущественно женскую). Характерно, что подобная дифференциация общих наименований одежды свойственна и говорам материкового южнорусского диалектного массива [11: 108-109].

Заимствованное русскими переселенцами из украинского языка *одяг* на русской почве сузило свою семантику, стало обозначать не всякую одежду вообще, а только готовую одежду фабричного производства. Семема ‘старая, плохая одежда’ в русских островных говорах передаётся эмоционально-экспрессивными апеллятивами *лохмотья, гўни, лáхи*. Слова *гўни, лáхи* заимствованы из соседних украинских говоров. Характерны они и для западноукраинского ареала [3: 76]. Для наименования грубой одежды в русском говоре села Чапаевка Котовского р-на употребляется локализм *грубїна*, не зафиксированный ни одним из использованных нами словарей.

В словарном составе русских островных говоров Одесщины до сих пор удерживаются старинные южнорусские названия женской одежды и головных уборов. Очевидно, немаловажную роль в этом сыграло бережное отношение русских переселенцев к своим традициям. Память о старинном типе одежды жива. Старинный женский наряд южнорусского типа используется на свадьбах, гуляньях, концертах художественной самодеятельности. Все записанные нами южнорусские слова, обозначающие различные виды старинной женской одежды, головных уборов, употребляются в переселенческих говорах с первоначальной семантикой.

В русских сёлах Одесской области, основанных переселенцами из Обоянского уезда Курской губернии, удерживается слово *сая́н* для обозначения старинного сарафана на лямках (*мы́шках*). С таким же значением слово *сая́н* как смоленское, тверское включено в «Опыт» и «Толковый словарь живого великорусского языка» (Д., IV: 139); пометой «кур.» у Даля отмечено *сая́нка* «род сарафана, высокой юбки с помочами». В Смоленской губернии *сая́н* 'шерстяной сарафан' фиксирует Добровольский (Добр.: 813), в Курской – Резанов и Резанова (с семантикой 'ситцевый сарафан' (Рез. Вл.: 71; Рез. Е.: 102), Машкин в значении 'женская одежда в роде сарафана' (Машк.-4: 53). Саяны в прошлом столетии были широко распространены в Курской губернии. Описывая одежду обоянских крестьянок, Машкин указывает, что саяны носили все, и пожилые женщины, и молодые, и девицы: «Саяны носятся пожилыми женщинами более китайчатые, а молодыми девицами – ситцевые и красные штофенные» (Машк.-1: 10). В XIX в. и в начале XX в., *сая́н* у курянок отмечают также К. А. Авдеева [2: 58], Н. Добротворский [8: 209], И. С. Абрамов [1: 206], Б. А. Куфтин [10: 109] и другие исследователи народного быта. Спорадически в речи стариков в русских островных говорах встречается слово *шубка* 'особый вид старинного сарафана с широкими проймами' («Насили шупки широкие, как саяны, только на проймах»). А. С. Машкин пишет: «Шубка – старинная русская одежда в

роде сарафана, украшенная металлическими пуговицами от груди до подола в один ряд» (Машк.-2: 500). Уже в 50-60-е гг. XIX в. *шубка* в Обоянском уезде считалась «самою старинною одеждою» [14: 11]. Бытование *шубки* в Курской губернии отмечают также К. А. Авдеева [2: 57] и М. Г. Халанский [16: 5]. В рассказах старожилов о прошлом встречается слово *блошница* ‘ночная женская рубашка’ («Блошницу на начь надивали, рубашку ат блох: блох была многа»). Лексема *блошница* с данной семантикой бытовала у южнорусов XIX в. (О-Д-1:9), известна была и другим русским говорам, что позволило Далю включить её в свой словарь без ограничительных помет (Д., I: 99).

В русских говорах Одесщины для наименования частей женской рубашки в пассивном словаре сохраняются лексемы *стан*, *станушка* и *подставка*, *подставушка*. *Стан*, *станушка* – верхняя часть женской сорочки, *подставка*, *подставушка* – нижняя её часть. В словаре Даля *подставка рубахи*, *подстава* – «исподняя часть от пояса, из более грубого холста» (Д., III: 205). О неодинаковом значении *стан*, *стануха* сообщают этнографы: «У южных великороссов «станом», «станушкой» обычно называется верхняя часть (рубахи, составленной из двух частей), а нижняя – «подставкой», у северных великороссов, наоборот, «станом» чаще называется «нижняя часть», а верхняя – «рукавами, воротушкой» [13: 602].

В русских сёлах Одесщины и сейчас старые женщины носят *бурму́з* (ум.-ласк. *бурму́зик*), который представляет собой вид длинного тёплого пальто без застежки, с расширенными книзу полукруглыми полами. Диалектное *бурму́з* восходит к слову арабского происхождения *бурну́с*. Оно зафиксировано в ТСУ (т. 1: 207). В «Словаре иностранных слов» *бурну́с* «род женского пальто в старину» (СИС: 125). Производными от *бурму́з*, *бурму́зик* в исследуемых говорах являются исконные курские: *полбурму́з*, *полбурму́зик*, которые не встречаются ни в одном из использованных нами словарей, но упоминаются К. А. Авдеевой в «Записках о старом и новом русском быте»: «Зимой надевают коротенькую шубу (*полбурму́зик*) или длинную (*бурму́зик*),

смотря по погоде» [2: 59]. *Полбурму́зик* – это тёплая зимняя женская одежда без застежки, до бёдер длиной. В русских сёлах Одесщины зафиксировано также слово французского происхождения *сак* (ум.-ласк. *сачок*) ‘женское пальто свободного покроя’ (СИС: 618). В донских говорах *сак* – ‘тёплое женское пальто’ (Мирт.: 281). Для наименования полупальто в исследуемых говорах употребляются местные дериваты от *сак*: *полтусáк, полтисáк, пальтисáк*.

Для наименования глухого тёмного платья русские употребляют заимствованные у соседей-болгар слова *рóкля (рóття)* [7: 85-89]. Лексамы *рóкля, рóття* бытуют в речи представителей старшего поколения, причем, как правило, в рассказах о прошлом или о болгарях. В русских говорах болгарское *рóкля* сузило, конкретизировало своё значение (ср. болг. *рóкле* ‘всякое женское платье вообще’ (БТР: 797; Чук.: 785), в русских говорах *рóкля, рóття* ‘платье особого покроя, строгое, глухое, обычно тёмного цвета’. Абсолютным синонимом к общеизвестному *платье* в исследуемых островных говорах выступает заимствованное из украинского языка *плáття*. Думается, по аналогии с *плáття* в некоторых русских поселениях говорят не *рóкля*, а *рóття*.

В исследуемых островных говорах встречается несколько наименований юбок: *понёва, кумáч, лeníчка, подиспóдник*. Из них только *понёва* ‘женская клетчатая или полосатая запашная юбка’ фиксируется в словарях. Даль отмечает распространение *понёвы* «в губерниях акающих: пен., тмб., вор., частью кур., орл.» (Д., III: 15). *Кумáч, лeníчка, подиспóдник* являются узколокальными образованиями. *Кумáч* ‘нижняя юбка’ и *ленíчка* ‘юбка из льняного полотна’ мотивированы наименованиями ткани, из которых сшиты: *кумáч* ‘простая бумажная ткань, обычно алого, иногда синего цвета, на сарафан’ (Д., II: 217), *ленíчка* шьётся из льна. Слова *кумáч* и *ленíчка* бытуют лишь в речи старшего поколения, *подиспóдник* ‘нижняя женская юбка’ употребляется довольно широко. Внутренняя форма этого слова весьма прозрачна.

Особый синонимический ряд в русских говорах Одесщины составляют диалектные названия кофты. В логико-понятийном отношении эту микрогруппу организуют семемные оппозиции "вид ткани" – "вид покроя" – "способ изготовления" – "предназначение": *бабёшка* 'женская блузка с лифом в мелкие складочки-защипы', *ба́ска* 'короткая, в талию, женская кофта', *въязанка*, *въязаночка* 'вязаная кофта, обычно из шерстяных ниток', *плетёнка* 'вязаная кофта, то же, что *взяёнка*' (Плетёнка – вязаная кофта, плитёнку сами плили), *батистовочка* 'блузочка из батиста', *бумазейка* 'легкая женская кофта из бумазеи' (У Даля *бумазея* 'бумажная ворсистая ткань' (Д., I: 141), *ли́фик* 'летняя кофта без рукавов' (Летам мы любили лифик адивать: лёхка, ни жарка). Все эти наименования, за исключением слова *ба́ска*, которое фиксируется как в севернорусских, так и в южнорусских говорах (СРНГ, вып. 2: 131), являются узколокальными. Они свидетельствуют о развитии лексики островных говоров за счёт своих, исконных, диалектных ресурсов, как словообразовательных, так и семантических. Показательно, что слово *ба́ска*, помимо значения 'женская кофта', в русских островных говорах развило ряд других ЛСВ: 'верхняя мужская рубашка', 'детская рубашка' (Русская Ивановка, Павловка), 'вышитый кусок материи, который надевают поверх юбки' (Павловка), 'четырёхугольный женский платок' (Баски на галаве носят. Русская Ивановка, Сергеевка, Успенковка), 'мужская маленькая шапочка в виде тюбетейки' (Павловка). Широко распространено в русских говорах Одесщины ум.-ласк. образование от *ба́ска* – *ба́сочка* в значении 'женская блузочка' (Все бабы у ба́сачках), а также в значении 'мужская маленькая шапочка' (Коля, адень ба́сачку, а то голаву напекёш. Вознесенка, Введенка, Павловка). Как видно из примеров, в одной и той же частной диалектной системе, в лексико-семантической системе одного говора, длительное время функционирующего в отрыве от основного языкового и диалектного массива, возможно развитие несколько новых значений у исконно русских лексем. Причем процесс возникновения инноваций, как словообразо-

вательных, так и семантических, в русских островных говорах проходит очень активно, в качестве исходного материала выступают не только исконно русские слова, но и заимствованные.

Диалектологи считают, что изменение семантики слов в говорах вызывается, главным образом, господствующей в них тенденцией к лексической детализации, дифференциации общих понятий. Новые значения, появившиеся обычно в результате разного рода переносов наименований, как правило, сосуществуют с первоначальными, и таким образом слова, приобретая новые ЛСВ, становятся многозначными. Так, например, в говоре села Вознесенка Арцизского района зафиксировано два разных слова в значении ‘воротник’ – *блин* и *кóмир* (Блин к кохти пришит, кóмир – михавой – на пальте чи на шуби). Слово *блин* в значении ‘воротник’ не отмечено ни одним из использованных нами словарей; это узколокальная семантическая инновация: здесь налицо перенос наименования с одного предмета на другой по внешнему сходству. Слово *кóмир* заимствовано русскими из украинского языка с целью детализации более общего понятия *воротник вообще*. Как свидетельствуют приведенные контексты, *блин* – это ‘плоский воротник кофты’, *кóмир* – ‘ меховой воротник шубы или пальто’. Семантическое изменение метафорического характера претерпело в говоре села Вознесенка также литературное слово *лягушечка*. В речи вознесенцев слово *лягушечка* употребляется не только в общеизвестном значении, но и в узколокальном – ‘разноцветная вставка между бретельками сарафана на спине’ (Вóлну разноцветную для фасона вставляли, лягушичкой называли). Слово *лягушечка* в этом значении в словарях не зафиксировано. Ср. аналогичное семантическое новообразование в говоре села Петропавловка Саратовского района, где для наименования блестящей, расшитой бисером вставки на блузке или платье употребляется слово *жабочка*. Наблюдения показывают, что диалектные значения у литературного слова обычно возникают в говорах на базе общеизвестного значения, зачастую по принципу метафоризации или метонимии, и сосуществуют вместе с ним. Так рождаются диалектные семантические экспрессивы с ярко

выраженной коннотацией. Примером метонимических местных инноваций могут служить слова *ба́ска* в знач. ‘кофта’, *ли́фик* – ‘кофта без рукавов’, *жакет (жукёт)* – ‘костюм’, *бахрома́* – ‘платок с кистями’, *клеёнка* – ‘плащ’ и др. Примером диалектных экспрессивов, возникших в результате метафоризации, кроме уже отмеченных *лягушечка* и *жабочка*, являются локализмы: *барáшки* ‘волнистые украшения на женском платье’, *грыбы́ (грибы́)* ‘круглые волнистые оборки на платье, по внешнему виду напоминающие грибы волнушки’, *ды́мка*, *ды́мочка* ‘кружево’, *тру́бы* ‘штанины’ и др. Аналогичные изменения общеизвестных слов наблюдаются в лексико-семантических системах русских говоров основного диалектного массива [15: 156-190].

Ряд литературных слов в русских говорах Одесщины имеют лишь общее звучание с соответствующими диалектными и выступают по отношению к ним как омонимы. *Шу́бка* – ‘уменьш. к *шуба*: короткая и лёгкая шуба (обычно женская или детская)’, в исследуемых говорах – ‘старинный женский сарафан’. *Грудíнка* – ‘мясо из грудной части туши’, в говорах – ‘верхняя часть женского фартука’. *Плю́шка* – ‘небольшая сдобная булочка обычно плоской формы’, в говорах – ‘женское полупальто из плюша’.

Интересны и разнообразны в русских говорах Одесщины наименования женских головных уборов. В пассивном словаре старух удерживается слово *сбо́рник* ‘старинный головной убор замужней женщины в виде шапочки, собирающий волосы на затылке и закрывающий их’. *Сбо́рник* ‘женский головной убор’ в Обояни отмечен А. Машкиным (Машк.-2: 501), в Смоленской губернии – Добровольским (Добр.: 814). Замужние женщины носили, в отдельных случаях носят и теперь *очи́пки* ‘головные уборы в виде чепчиков’. В словаре Даля слова *очи́пок* и *очёпок* ‘сборник, головной женский убор; исподний чепец под платок’ снабжены пометой “южн”. (Д., II: 776). Ср. укр. *очи́пок* ‘головной убор замужней женщины в виде чепчика’. В старину замужние женщины поверх очепка надевали *ки́чку*. По сви-

детельству А. С. Машкина, кички носили замужние женщины-обоянки. (Машк.-1: 12). Подробное описание кички, важнейшей детали южнорусского головного убора, находим у Н. П. Гринковой [5: 280].

Дифференцированы в русских островных говорах наименования женских головных платков: *атлас* ‘большой шелковый платок яркого цвета’, *махра́* (*махры́*) ‘шелковый платок с бахромой, обычно коричневого или черного цвета’, *подкрывка* ‘полукруглый головной платок из кружева’, *хустка* ‘лёгкий платок’ (ср. укр. *хустка*), *косяк*, *косячо́к*, *коси́нка* ‘косынка’, *шуша́лька* ‘теплый платок в клетку’. *Шуша́лька* – узкоместный дериват от *шаль*, *шалька*. К узколокальным относится также *козипуховый платок* ‘платок из козьего пуха, козепуха’. У Даля находим только словосочетание *козий пух* – «подшерсток, самый мягкий, тонкий вид шерсти, из которой ткутся дорогие ткани» (Д., II: 132).

Сохраняя вот уже два столетия свою культуру, обычаи и язык вдали от метрополии, русские поддерживают активные тесные бытовые, хозяйственные и культурные контакты с представителями других этносов, живущих на территории Одесщины, что приводит к появлению в словарном составе русских говоров многих заимствований, среди которых выделяются локальные лексические интернационализмы, имеющиеся во всех разноязычных диалектах этого многонационального ареала. Наличие таких локальных интернационализмов в соседних украинских говорах отмечает П. Е. Гриценко [6: 64]. К такого рода интернационализмам в русских островных говорах следует отнести заимствованное, видимо, у молдаван наименование тонкого шерстяного платка *бары́жик* (*бары́сик*, *барéжик*). Ср. молд. *барéж*, *бары́ш*, *бары́з* в этом же значении (МРС: 74). Слово *бары́жик* и его варианты прочно укоренились в русских островных говорах, на русской почве возникли его уменьшительно-ласкательные дериваты: *бары́зочка*, *бары́шечка*, *бары́сочка*. Это свидетельствует о полном усвоении данного лексического заимствования русскими. Характер-

но, что слова *бары́жик*, *барéжик* известны также в соседних украинских и болгарских говорах. Эти слова, как и *ро́кля*, *ро́ття*, *ху́стка*, являются на территории Одесщины интернациональными регионализмами, они активно употребляются во всех говорах этого полиязычного региона: русских, украинских, болгарских, молдавских, гагаузских.

Анализ наименований женской одежды в русских островных говорах Одесщины показал, что лексико-семантическая система русских говоров, функционирующих более двухсот лет в полиязычном окружении, весьма динамична. Уходят вместе со старыми реалиями многие слова, появляются в результате заимствования из соседних языков и говоров новые. Заимствованные слова активно усваиваются русской лексической системой и меняются фонетически, морфологически и семантически под ее влиянием. Происходят различные изменения в семантике диалектизмов, появляется разветвленная вариативность в названиях женской одежды, возникают многочисленные ряды синонимов, образуются полисемантические слова. На базе литературных, диалектных и заимствованных слов в островных говорах рождаются многочисленные инновации, локальные образования, как правило, эмоционально-экспрессивные. Всё это свидетельствует о динамике лексико-семантической системы русских говоров Одесщины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов И. С.* О курских саянах. Этнографический очерк // Живая старина, вып. III, год XV. – СПб., 1906. – С. 203-223.
2. *Авдеева К. А.* Записки о старом и новом русском быте. – СПб., 1842. – 170 с.
3. *Бичко Зиновій.* Діалектна лексика Опілля. – Львів, 1997. – 160 с.
4. *Будде Е. Ф.* О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследования и словарь // Сборник ОРЯС, т. 76, № 3, – СПб., 1904. – 245 с.
5. *Гринкова Н. П.* Материалы по южновеликорусской и поволжской одежде // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. X. – Л., 1947.
6. *Грищенко П. Ю.* Болгарські лексичні елементи в українських говірках // Українсько-болгарські культурні взаємини ХХ ст. – Київ: Наукова думка, 1988.
7. *Державинъ И. С.* Болгарскія колоніи въ Россіи (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губерніи). – София: Българска академия на наукитъ, 1914. – 260 с.

8. *Добротворский Н.* Саяны. Историко-этнографический очерк // Вестник Европы, т. V. – СПб., 1888. – С. 197-213.
9. *Зеленин Д. К.* Женские головные уборы восточных (русских) славян. – Прага, 1927. – № 3. – С. 536-556.
10. *Куфтин Б. А.* Материальная культура русской Мещеры // Труды государственного музея Центрально-промышленной области, Вып. 3. – М., 1926. – 164 с.
11. *Лыжова Л. К.* Лексико-семантическая характеристика группы слов со значением "одежда", "одеваться" в народных говорах // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1978.
12. *Манаенкова А. Ф.* Лексика русских говоров Белоруссии. – Минск, 1973. – 183 с.
13. *Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник. Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – т. XXXI. – М., 1956. – С. 543-757.
14. *Машкин А. С.* Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник, вып. 5. – СПб., 1862. – С. 8-13. – В сокр. – Машк.-1.
15. *Оссовецкий И. А.* Лексика современных русских народных говоров. – М.: Наука, 1982. – 195 с.
16. *Халанский М. Г.* Народные говоры Курской губернии (Заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии). – СПб., 1904. – 382 с.

Список сокращений

- БТР* – Български тълковен речник / Сост. Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчевъ и др. – 3 изд. – София, 1973. – 1133 с.
- Гр.* – Б. Гринченко. Словарь украинского языка, тт. I-IV. – Киев, 1907-1909. – Репринтне видання. – К.: Лексикон, 1996.
- Д.* – В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I-IV – Москва, 1955.
- Добр.* – В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. – Смоленск, 1914. – 1022 с.
- Машк.-2* – А. Машкин. Обычай и обряды простонародья в городе Обояни // Труды Курского губернского статистического комитета, вып. I. – Курск, 1863. – С. 500-506.
- Машк.-3* – Песни, собранные в городе Обояни и его уезде А. С. Машкиным // Курский сборник. Изд-е Курского губернского статистического комитета. – Вып. III. Материалы по этнографии Курской губернии. – Курск, 1902. – С. 1-69.
- Машк.-4* – Сборники А. С. Машкина // Курский сборник. Изд-е Курского губернского статистического комитета, вып. IV. Материалы по этнографии Курской губернии. – Курск, 1903.

- Мирт.* – А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов-на-Дону, 1929. – 416 с.
- МРС* – Молдавско-русский словарь. – Москва, 1960. – 780 с.
- О-Д-1* – Дополнение (первое) к "Опыту областного великорусского словаря". Изд-е Академии наук. – СПб., 1858. – 640 с.
- Оп.* – Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852. – 275 с.
- Пр.* – Этимологический словарь русского языка / Сост. А. Г. Преображенский. – М., 1958. – 1284 с.
- Рез. Вл.* – В. В. Резанов. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губернии // Отдельный оттиск из "Русского филологического вестника", т. XXXVIII. – № 3. – Варшава, 1897. – 71 с.
- Рез. Е.* – Этнографические материалы, собранные в дер. Саломыковой Обоянского уезда учительницей Е. И. Резановой // Курский сборник. Изд-е Курского губернского статистического комитета, вып. III. – Курск, 1902.
- СИС* – Словарь иностранных слов / Под редакцией И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова. Изд-е пятое, стереотипное. – Москва, 1955. – 853 с.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. – Вып. 1-36. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965-2003.
- ССРЛЯ* – Словарь современного русского литературного языка, тт. 1-17. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952-1965.
- СУМ* – Словник української мови: В 11 т. – Київ: Наукова думка, 1970-1980. – Т. 1-11.
- ТСУ* – Толковый словарь русского языка / Под редакцией Д. Н. Ушакова, тт. I-IV, 1935-1940.
- Чук.* – Сава Чукалов. Българско-руски речник. – София, 1957. – 1191 с.

ВАРИАНТНОСТЬ СЛОВА В РУССКИХ ОСТРОВНЫХ ГОВОРАХ ЮГА УКРАИНЫ

Проблема варианта слова тесно связана с проблемой тождества слова, т.е. выяснением того, являются ли данные лексемы разновидностями одного и того же слова или разными словами. При этом возникают две сложные, не до конца решенные в лингвистике проблемы, разграничение многозначности слова и омонимии и разграничение вариантов слова и разных слов. Последняя является одной из центральных проблем диалектной лексикологии. Она представляет особую трудность для диалектного языка, поскольку в нём варианты образования наиболее многочисленны и продуктивны, что объясняется устной формой существования говоров, спецификой диа-

лектной нормы, отсутствием в ней кодификации, влиянием литературного языка, взаимодействием говоров с инодиалектным и иноязычным окружением. Проблема тождества и варьирования слова в литературном языке разрабатывалась в трудах В. В. Виноградова, О. С. Ахмановой, А. И. Смирницкого, Ф. П. Филина, В. Г. Гака, К. С. Горбачевича, Л. Б. Никольского, В. М. Солнцева, Р. П. Рогожниковой, Е. А. Иванниковой, Л. К. Граудиной и др. Вариантность слова в русских диалектах России исследовалась в работах Л. И. Баранниковой, О. И. Блиновой, Т. С. Коготковой, И. А. Оссовецкого, А. Г. Гецовой, О. М. Соколова, Л. В. Сахарного, Т. Б. Юмсуновой и др. Вариантность слов в украинских диалектах явилось предметом фундаментального исследования П. Е. Гриценко «Ареальные варьирования лексики» [3].

Вариантность лексики в русских островных говорах Юга Украины ещё никем не исследовалась. В этой статье делается попытка рассмотреть и определенным образом классифицировать фонетические варианты диалектных, общерусских и заимствованных слов в русских островных говорах Одесщины.

Русские говоры Одесщины, функционирующие около 200 лет в разноязычном, разнодиалектном окружении, характеризуются повышенной вариантностью. Особенно велика вариантность на уровне лексики, так как лексика – открытая, подвижная система. В лексической системе русских говоров Юга Украины широко представлены разнообразные типы вариантов слов: фонетические, морфологические словообразовательные, семантические. Наиболее частотны и многообразны фонетические варианты слов. Как известно, «варианты слова – это регулярно воспроизводимые видоизменения одного и того же слова, сохраняющие тождество морфолого-словообразовательной структуры лексического и грамматического значения и различающиеся либо с фонетической стороны (произношением звуков, составом фонем, местом ударения или комбинацией этих признаков), либо формообразовательными аффиксами (суффиксами, флексиями)» [2: 38].

Под вариантом слова подразумевается модификация слова без утраты им его тождества. Две или более модификации слова можно назвать вариантами в том случае, если они сохраняют тождество морфолого-словообразовательной структуры, лексического и грамматического значения и вследствие этого альтернативны, т.е. могут употребляться один вместо другого в адекватных контекстах.

Мы рассматриваем варианты слова, функционирующие, как и варианты слова литературного языка, в пределах одной системы, которую представляют собой русские островные говоры Одесщины. Необходимо отметить, что анализируемые русские говоры Юга Украины представляют собой определенное языковое единство, одну диалектную систему, поскольку им присуще единство решающих звеньев фонетического и грамматического строя, а также общность основного словарного фонда.

Предметом нашего внимания являются акцентные и фонетические варианты слова в русских островных говорах Одесщины, длительное время (около 200 лет) функционирующих в отрыве от материнского диалектного южнорусского массива в разноязычном окружении: украинском, болгарском, молдавском, гагаузском.

О. С. Ахманова определяет фонетическое варьирование слова в литературном языке как «видоизменение его звуковой оболочки без утраты им его тождества» [1: 195]. Это определение приемлемо и для фонетического варианта слова в диалекте. Следует отметить, что фонетическое варьирование – это такое видоизменение звуковой оболочки слова, при котором различие в составе и качестве звуков «стоит вне пределов и морфологических чередований и закономерных парадигматических изменений слова» [12: 130]. К диалектным фонетическим вариантам относятся регулярно воспроизводимые изменения в звучании слова, связанные с фонетическими закономерностями диалекта, с ситуацией общения, с темпом речи, с возрастом и уровнем образования диалектоносителей.

Наша задача – определить типы фонетических вариантов слова в русских говорах Одесщины, выявить причины и закономерности их

возникновения, рассмотреть особенности их функционирования в системе исследуемых говоров, соотнести фонетические варианты слова в островных говорах с фонетическими вариантами слова в материнских, южнорусских диалектах.

Материалом для анализа послужили многолетние личные наблюдения автора над русскими островными говорами Юга Украины, а также двухтомный «Словарь русских говоров Одесщины» [11].

По своему происхождению фонетические варианты слова в исследуемых говорах делятся на две большие группы: варианты слова, унаследованные русскими переселенческими говорами от материнских, южнорусских диалектов (*анады́сь* – *нады́сь*, *да́веча* – *да́вча*, *сра́м* – *стра́м* и др.) и варианты слова, появившиеся в новых языковых условиях, после переселения русских из центральных губерний России в буджакские степи. Среди них выделяются: а) литературно-диалектные варианты, возникшие в связи с влиянием на говоры русского литературного языка: *верхолёт* – *вертолёт*, *телевизир* – *телевизор* и т.п.; б) диалектно-иноязычные: *пóпел* – *пóпил*, *отты́ль* – *отты́ля* – *отту́ль* – *видты́ль* – *видты́ля* – *видту́ль*; в) иноязычные, инодиалектные, появившиеся в результате длительного взаимодействия русских переселенческих говоров с иноязычными соседними диалектами: украинскими, молдавскими, болгарскими: *але́я* – *али́я* – *оли́я* ‘подсолнечное масло’, *пéвник* – *пíвник* ‘петух’, *ка́птур* – *каптúр* ‘женский головной убор’, *на́пор* – *на́пур* – *на́пура* ‘камышовое растение’, *бамба́к* – *банба́к* – *бунба́к* – *бумба́к* ‘хлопок’, *лампа́ч* – *лимпáч* – *ланпа́ч* – *лымпа́ч* ‘сырцовый кирпич’ и т.п.; г) смешанные, литературно-диалектно-иноязычные: *пéпел* – *пóпел* – *пóпил* и т.п.

Весьма многочисленную группу в исследуемых русских островных говорах составляют пары слов, различающиеся местом ударения, акцентные варианты: *бала́нда* – *баландá*, *бе́рда* – *берда́* ‘часть ткацкого стана’, *божни́чка* – *бо́жничка* ‘полочка для икон’, *ве́рба* – *верба́*, *жни́ва* – *жнивá*, *жни́тва* – *жнитва́*, *го́лодно* – *голодно́*, *за́пон* – *запо́н*

‘фартук’, *загорóда* – *за́города* ‘ограда’, *забра́тый* – *за́брaтый*, *за́ворот* – *заворóт*, *здале́ка* – *зда́лека*, *дереву́шка* – *дерéвушка* ‘дерево’, *де́жник* – *дежнiк* ‘покрывало на дежу’, *жеребíться* – *же-ре́бiться*, *свя́сло* – *свяслó*, *ски́рда* – *скирдá*, *обух* – *обу́х*, *пóдруга* – *подру́га*, *осо́ка* – *осокá*, *сто́ляр* – *столя́р*, *га́нок* – *ганóк* ‘крыльцо’ и др. В отдельных случаях наблюдаются ряды, включающие несколько акцентных вариантов одного слова: *гараба́* – *га́раба* – *гара́ба* ‘арба’.

Колебания в ударении характерны как для «своих», исконных, южнорусских и общерусских слов, так и для заимствованных, причем в последних они преобладают. Зачастую колебания в ударении объясняются влиянием близкородственного украинского языка, в котором слова, аналогичные по фонематическому составу русским, отличаются от русских соответствий только местом ударения: *верба́*, *ко-ро́мысло*, *сто́ляр*, *пóдруга*, *холодно́*, *хо́чу* и мн. др.

Фонетические варианты слова в русских переселенческих говорах Одесщины весьма многообразны, что даёт возможность их определённым образом классифицировать. Выделяются фонетические варианты, различающиеся гласными фонемами (вокалические) и согласными (консонантные).

Среди вокалических вариантов большую группу составляют слова, различающиеся ударными гласными. Это, как правило, пары слов с ударением на одном и том же слоге, но с меной ударного гласного, причем мена ударного корневого гласного наблюдается как у собственно диалектных слов, так и у заимствованных, а также в парах диалектное – литературное, диалектное – заимствованное слово. Больше всего случаев чередования в корне слова отмечено для коррелятивных гласных **е – и** и **е – о**: *де́жка* – *ди́жка*, *де́жечка* – *ди́жечка*, *де́жник* – *ди́жник*, *ве́нтур* – *ви́нтурь*, *жне́вни* – *жни́вни*, *скéрд* – *ски́рд*, *лек* – *лик* ‘лекарство’, *пе́вник* – *пи́вник* ‘петух’, *и́сть* – *е́сть*; **е – о**: *вече́рний* – *вечёрный*, *зем* – *зём*, *подзе́м* – *подзём*, *здале́ка* – *здалёка*, *далéконько* – *далёконько*, *загне́тка* – *загнётка*, *наше́стка* – *нашёстка*, *двэ́рка* – *двёрка*, *хребéт* – *хребёт* и др.; отмечена также мена **о – у**: *бе-*

го́нка – бегу́нка ‘небольшая повозка’, *барабо́ля – барабу́ля*; **о – а**: *гу-та́рить – гутóрить*, *толчо́нка – толча́нка* ‘картофельное пюре’, *до-ёнка – доя́нка*, *времёнка – вре́мянка*, *дубро́ва – дубра́ва*; **о – и** после мягких согласных: *задрёпáть – задри́пать*, *задрёпаннýй – задри́паннýй*, *дёсны – д́сны*; **о – ы**: *но́нче – ны́нче*; **ы – у**: *глы́боко – глúбоко*, *глы́бь – глúбь* и т.п.

Примечательно, что, кроме пар такого типа, встречаются и более сложные цепочки: *де́жка – д́жка – дёжка* (**е – и – о**), *докéль – до-кúль – докы́ль* (**е – у – ы**), *куру́шка – куры́шка – курáшка* ‘квочка’ (**у – ы – а**), *баты́г – батíг – батóг – батáг* ‘кнут’ (**ы – и – о – а**). Наличие в русских говорах Юга Украины фонетических вариантов слова с меной ударного гласного зачастую можно объяснить влиянием украинского языка и его говоров, носители которых являются непосредственными соседями русских переселенцев.

Выделяется большая группа слов как «своих», так и заимствованных, различающихся безударными гласными. Наиболее частотными являются:

1. варианты с соотношением **о – у**, **а – у**, вызванные лабиализацией гласных [а], [ъ] в безударном положении:

а) в первом предударном слоге: *б[а]жóра – б[у]жóра* ‘пион’, *б[а]бóчек – б[у]бóчек* ‘звено на старообрядческих четках в виде шарика или бусины’, *б[а]я́рин – б[у]я́рин* ‘старший дружка на свадьбе’, *б[а]мбáк – б[у]мбáк* ‘хлопок’, *б[а]ка́нчи – б[у]ка́нчи* ‘грубые солдатские ботинки’, *ж[а]кéт – ж[у]кéт*, *г[а]ту́ля – г[у]ту́ля* ‘айва’ и др.;

б) во 2-м предударном слоге: *б[а]равóк – б[у]равóк* ‘дымоход’, *г[а]ркунóк – г[у]ркунóк* ‘голубок’, *к[а]рагóд – к[у]рагóд* ‘хоровод’ и др.;

в) в заударных слогах: *во́р[а]х – во́р[у]х*, *за́п[а]х – за́п[у]х*, *за́с[а]в – за́с[у]в*, *ма́б[а]ть – ма́б[у]ть* ‘может быть’, *му́т[а]рно – му́т[у]рно* 1. ‘трудно, тяжело’, 2. ‘тошно’, *о́в[ъ]д – о́в[у]д*, *па́р[ъ]сник – па́р[у]сник* ‘поросль’ и т.п.

Варианты, вызванные лабиализацией гласных [о], [а], [ъ] в безударном положении, характерны для диалектной речи представителей старшего и среднего поколения жителей русских селений Одесщины.

2. Варианты с соотношением **у – а** употребляются в речи представителей старшего и среднего поколения носителей русских островных говоров Юга Украины, как в предударных слогах: *к[у]черя́вый* – *к[а]черя́вый*, *м[у]раве́ль* – *м[а]раве́ль* ‘муравей’, *с[у]матóшный* – *с[а]матóшный*, *с[у]сéк* – *с[а]сéк*, *хл[у]бы́стать* – *хл[а]бы́стать* ‘много пить’, так и в заударных: *ба́б[у]шка* – *ба́б[а]шка*, *де́д[у]шка* – *де́д[а]шка*, *вза́м[у]ж* – *вза́м[а]ж* и т.п.

Подобные варианты отмечены в современных южнорусских брянских говорах [7: 36]. Описывая генезис вариантов с соотношением **у – а** в брянских говорах, В. А. Козырев отмечает: «Гласный у, обычно сохраняющий в безударном положении свои различительные признаки, в некоторых случаях (как правило, во 2-м предударном слоге), ослабляясь, теряет лабиализацию и приближается по звучанию к редуцированному **ъ** в результате продления и прояснения которого появляется **а**» [7: 36]. Зафиксированные в русских говорах Одесщины примеры также подтверждают эту особенность, приводящую к фонетическому варьированию слов.

3. Варианты с соотношением **ы – у**, вызванные лабиализацией гласного [ы], наблюдаются в речи всех возрастных групп русских переселенцев как в предударных (*б[ы]ва́ть* – *б[у]ва́ть*, *ж[ы]ва́ть* – *ж[у]ва́ть*), так и в заударных слогах (*ма́б[ы]ть* – *ма́б[у]ть*, *до́н[ы]шка* – *до́н[у]шка*, *гне́зд[ы]шко* – *гне́зд[у]шко*, *поскре́б[ы]шек* – *поскре́б[у]шек* ‘поздний ребёнок в семье’, *воро́б[ы]шек* – *воро́б[у]шек*, *ка́м[ы]шек* – *ка́м[у]шек*, *око́н[ы]шко* – *око́н[у]шко* и т.п.).

4. Варианты с соотношением **ноль звука – а (о)** или **е**. Вставные гласные наблюдаются:

а) в конечных группах согласных: *ви́хрь* – *ви́хорь*, *журавль* – *жура́вель*, *ко́рм* – *ко́ром*, *ру́бль* – *ру́бель*, *мо́лния* – *мо́лонья*, *те́рн* – *те́рен*;

б) в начальных группах согласных: *нра́вится* – *нара́вится*, *пшенó*

– *пашенó, пше́ни́ца* – *паша́ни́ца*, *сжéчь* – *сажéчь*, *сши́ть* – *соши́ть* и др.

Здесь нашло отражение так называемое второе полногласие, которое широко распространено в западной части севернорусских говоров и является в них более или менее закономерным явлением. В южнорусских в своей основе говорах Одесщины слова, в которых отражается второе полногласие, немногочисленны (*мо́лонья* – *мо́лния*, *те́рен* – *те́рн*, *ко́ром* – *ко́рм* и т.п.). Они являются реликтовыми лексико-фонетическими вариантами общеизвестных русских слов в системе русских островных говоров Юга Украины.

В русских говорах Одесщины активно функционируют консонантные фонетические варианты слов, обусловленные изменением характера согласных, как в исконно русских, так и в заимствованных словах. Среди них выделяется несколько моделей.

1. Варианты по месту образования: а) варианты с соотношением [м] – [н], возникшие в результате процесса диссимиляции по месту образования: *а[мб]áр* – *а[нб]áр*, *бо́[мб]а* – *бо́[нб]а*, *ко[мб]áйн* – *ко[нб]áйн* и др. б) единичны примеры соотношения вариантов [б] – [г]: *[б]ума́га* – *[г]ума́га*, *[б]ума́жник* – *[г]ума́жник*.

2. Варианты, связанные с разным способом образования: а) варианты с соотношением **в** – **м** (**в'** – **м'**): *да[м]но́* – *да[в]но́*, *да́[м]ношнй* – *да́[в]ношнй*, *[в]едме́дь* – *[м]едме́дь* и др.; б) варианты с соотношением **р** – **л** (**р'** – **л'**): *[р']есóрка* – *[л']есóрка*, *балах[р]ы́ст* – *балах[л]ы́ст* ‘лентяй, разгильдяй’, *про́[р]убь* – *про́[л]убь*; **р** - **н**: *я́рма[р]ка* – *я́рма[н]ка* и др.; в) варианты с соотношением **х** – **к**: *[х]оровóд* – *[к]орого́д*, *[х]рестéц* – *[к]рестéц*, *[х]во́рост* – *[к]во́рост* и др.; г) варианты с соотношением **х** – **γ** (фрикативное): *ко́ря[х]а* – *ко́ря[γ]а*, *[х]арма́н* – *[γ]арма́н* (молд. *хе́рма́н* ‘ток’: МРС), *[х]азма́н* – *[γ]азма́н* (болг. диал. *хазма́н* ‘холощёный баран’); д) единичны варианты с соотношением **б** – **м**: *ку[б]га́н* – *ку[м]га́н* ‘большой глиняный кувшин’; е) варианты с соотношением **вн** – **мн**, обусловленные регрессив-

ной ассимиляцией согласных. Произношение [мн] на месте [вн] носит в исследуемых говорах лексикализованный характер, распространяется на ограниченный круг слов: [вн]у́к – [мн]у́к, [вн]у́чка – [мн]у́чка, гу[вн]о́ – гу[мн]о́, да[вн]о́ – да[мн]о́, да́[вн]ошнй – да́[мн]ошнй и др.

3. Варианты по месту и способу образования: а) варианты с соотношением **в** – **г**: [в]оробéй – [г]оробéй, [в]оробчик – [г]оробчик, коро[в]о́д – коро[г]о́д; б) варианты с соотношением **в** – **л**: каварма́ (болг. кавърма: БТР) – каларма́ ‘мясное кушанье с острыми приправами’, с[в]обода́ – с[л]обода́, с[в]ободный – с[л]ободный, ос[в]ободить – ос[л]ободить (ос[л]обонить), к[в]охтать – к[л]охтать, к[в]охту́нья – к[л]охту́нья ‘курица-наседка’ и др.; в) единичны примеры соотношения вариантов с **г** – **ж**: спуг[г]а́ться – спуг[ж]а́ться, напу[г]а́ть – напу[ж]а́ть.

4. Варианты с меной свистящих и шипящих согласных: **с** – **ш**, **з** (**з'**) – **ж**: [с]корлупа́ – [ш]корлупа́ ‘кожура, чешуя’, [з]ёмчуг – [ж]ёмчуг, [з]елéзо – [ж]елéзо, [з']эбры – [з']абры – [ж]абры, дра[з']нить – дра[ж]нить. Мена свистящих и шипящих свойственна многим южнорусским говорам: курским, орловским, воронежским, рязанским, тульским, смоленским, донским [8: 94-101]. Неразличение мены свистящих и шипящих согласных зафиксировали в говоре русских старообрядцев, живущих в США, в штате Орегон Л. Л. Касаткин и Р. Ф. Касаткина [6: 328-361].

5. Варианты с соотношением мягкие переднеязычные согласные в сочетании с [j] – двойные мягкие переднеязычные согласные: сви[н'j]а́ – сви[н'н'j]а́, мо́ло[н'j]а – мо́ло[н'н'j]а ‘молния’, распя́[т'j]е – распя́[т't'j]е, сме[т'j]ё – сме[т't'j]ё ‘мусор’, верé[т'j]я – верé[т't'j]я ‘рядно’, пла́[т'j]я – пла́[т't'j]я, трé[т'j]а – трé[т't'j]а и др.

Произношение двойного мягкого согласного на месте сочетания переднеязычных согласных с [j] характерно для старшего и среднего поколения русских переселенцев Одесщины. Произношение двойно-

го мягкого согласного на месте сочетаний переднеязычных согласных с [j] наблюдается в русских говорах Западной диалектной зоны, такое же явление свойственно и некоторым говорам северного наречия (в виде отдельных, но довольно значительных островов) [4: карта 74]. Несомненно, произношение двойного мягкого согласного на месте сочетания переднеязычных согласных с [j] поддерживается в русских островных говорах Юга Украины влиянием украинского языка, для которого оно является нормативным.

Нередко различия в звуковом составе тождественных по значению лексем связаны с изменением числа звуков как в исконно русских, так и в заимствованных словах. Отмечается афереза – усечение начальных гласных и согласных звуков: [a]нады́сь – нады́сь, [a]посля́ – посля́, [a]гудина́ – гудина́, [u]звэ́стка – звэ́стка, [u]ржа́ть – ржа́ть, [u]рва́ть – рвать, [u]го́лка – го́лка, [u]зво́лить – зво́лить, [ɣ]екта́р – екта́р, [ɣ]ерги́на – ерги́на, [ш]карпéтки – карпéтки ‘носки’ и др.; апокопа – отпадение звука в конце слова: тяс[к] – тяс ‘давильный пресс для винограда’ (ср. молд. тяск: МРС), гор[с’т’] – гор[с’]; синкопа – выпадение слабого южнорусского фрикативного [ɣ] в середине слова на стыке с взрывными согласными [б], [д]: куб[ɣ]а́н – куба́н, завсе[ɣ]да́ – завседа́, и[ɣ]де́ – иде́ и др.; сокращение групп согласных: [бдж]ола́ – [бж]ола́ (ср. укр. [бдж]ола́), изве[стк]а – зве[ск]а; эпентеза [д], [т], [н], [в]: срам – с[т]рам, нрав – н[д]рав, этот – э[н]тот, это – э[н]то, безумие – без[в]умие, задаток – за[в]даток, зама́ть – за[й]ма́ть, выма́ть – вы[й]ма́ть, на́ут – на[ɣ]у́т ‘сорт гороха’ (ср. молд. нэут: МРС); протеза [в]: о́ранка – [в]о́ранка, утка – [в]утка, утак – [в]утак, уголь – [в]уголь, острый – [в]острый, он – [в]он, удочка – [в]удочка, улица – [в]улица, утро – [в]утро, заму́ж – [в]заму́ж, жени́ться – [в]жени́ться и мн. др.

Употребление [в] протетического перед начальным [о] и [у] – живое фонетическое явление русских островных говоров Юга Украины. Оно характерно представителям всех поколений. Это явление свойственно также материнским, южнорусским говорам, причем со-

средоточено на Юго-Западе территории ДАРЯ в ареале, примыкающем к территории украинского и белорусского языков [5: 15-20]. В русских островных говорах Одесщины протеза [в] перед о и у поддерживается влиянием украинского языка, случаи же употребления в исследуемых говорах [в] протетического перед другими гласными, а также перед согласными зачастую объясняются непосредственным влиянием украинского языка и его диалектов на русские говоры. Формы с начальным [и] ([и]рвать – рвать, [и]ржать – ржать и т.п.) свойственны речи старшего поколения носителей говоров Юга Украины. Это явление роднит исследуемые говоры с материнскими, южнорусскими. Оно широко распространено в русских материковых говорах Юго-Западной диалектной зоны.

Многочисленны в русских островных говорах Одесщины фонетические варианты, связанные с меной твердых – мягких согласных перед гласными и в конце слова. Варьируются парные по твердости – мягкости согласные р – р', н – н', м – м', д – д', т – т' причем преобладают фонетические варианты, различающие [р] и [р']: к[р]ы́нка – к[р']ы́нка, ст[р]ыгуно́к – ст[р']ыгуно́к, ск[р]ы́п – ск[р']ы́п, г[р']э́бовать – г[р]э́бовать, пры́ма[р] – пры́ма[р'] 'сельский староста' (ср. рум. *primär*: РумРС), вака́[р] – вака́[р'] 'пастух, пасущий коров' (ср. молд. *вака́р*: МРС), го[р']ы́ще – го[р]ы́ще (ср. укр. *горы́ще*: Гр.), [р]э́ли – [р']э́ли; [д] и [д']: [д']ю́же – [д]у́же (ср. укр. *ду́же*: Гр.); [т] и [т']: про[с]ты́ня – про[с'т']ы́ня; [м] и [м']: [м]ы́сочка – [м']ы́сочка; [н] и [н']: па[н']э́ра – па[н]э́ра (ср. болг. *панэ́ра*: Чук.).

Как показывают примеры, фонетическое варьирование слов за счет р – р', д – д', м – м', н – н' в русских говорах Одесщины является, как правило, следствием взаимодействия разноязычных, разнодиалектных консонантных систем: с одной стороны русской, с другой – украинской, болгарской, молдавской, румынской.

Следует отметить, что некоторые фонематические и фонетические явления, живые и активные в контактирующих инодиалектных системах, не заимствуясь в русские говоры как регулярные, закономерные, служат источником возникновения фонетических вариантов слова в

системе русских говоров. Таковыми, например, являются: а) проникший из украинского языка и его говоров звук [ы] передне-среднего образования в ряде слов, заимствованных русскими переселенцами: [γ]а[р]ы́ще (рус. диал. [γ]а[р']и́ще), [γ]а[р]ы́ть (рус. диал. [γ]а[р']и́ть); б) факультативное отвердение звука [р] под влиянием украинского языка: в[р]э́мя (рус. в[р']э́мя), по[р]э́панный (рус. диал. по[р']э́панный), бу[р]а́к (рус. диал. бу[р']а́к); в) звонкая болгарская аффриката [дж], нередко субституирующаяся русским одиночным [ж] (патла[дж]а́н – патла[ж]а́н ‘баклажан’ и ‘помидор’, ма́н[дж]а – ма́н[ж]а ‘густой соус из баклажанов, помидоров и лука’, арпа[дж]и́к – арпа[ж]и́к ‘мелкий семенной лук’ (болг. арпаджик: БТР).

Наблюдения показывают, что в русских переселенческих говорах фонетически варьируются не только слова, заимствованные из соседних языков и говоров, но и свои, исконно русские, общенародные и диалектные. Это вызвано тем, что возможность фонетического варьирования слов в диалекте шире, чем в литературном языке. Убедительное объяснение причин этого явления даёт И. А. Оссовецкий: «Контур нормативности в диалекте не определены, поэтому в нём создаётся благоприятная почва для возникновения вариантов различного типа, в равной мере нормативных; количество вариантов в диалекте может быть значительно большим, чем в литературном языке» [10: 83]. И далее: «...фонетические варианты могут быть вызваны условиями речи: отсутствие орфоэпических норм в диалекте, а также незакреплённость одного из таких вариантов на письме делает все их в равной мере приемлемыми... вариантность в диалекте может создаваться и в диахронном аспекте сосуществованием фактов разновременных систем, а также под влиянием литературного языка» [10: 85].

Сопоставление с материнскими южнорусскими диалектами показывает, что в русских островных говорах, функционирующих в разноязычном, разнодиалектном окружении, фонетические варианты слова представлены шире и многообразнее, чем в говорах основного языкового и диалектного массива. Долговременное функционирова-

ние русских говоров в иноязычном, инодиалектном окружении способствовало появлению в них не только многочисленных вариантных пар, но и многочленных вариантных пучков, рядов, цепочек. В русских островных говорах Юга Украины практически каждое слово является своеобразным «пучком вариантов» [10: 84].

Повышенная акцентно-фонетическая вариантность в русских переселенческих говорах, функционирующих в разноязычном окружении, обуславливается многими причинами: 1. явлением поликонтактности (наличием нескольких контактирующих языков и говоров – источников заимствования), 2. интерференцией различных контактирующих фонетических систем, 3. наличием вариантности в самом передающем языке или говоре, 4. неравномерной акцентно-фонетической адаптацией заимствованных слов в русских говорах, 5. устной формой существования диалектов и устным путем проникновения заимствованных слов в русские говоры, 6. отсутствием в говорах кодифицированной нормы, 7. сохранением в традиционном слое фонетических явлений, унаследованных от материнских южно-русских диалектов.

Все фонетические варианты, весьма разнообразные в русских говорах Одесщины, могут свободно употребляться один вместо другого в одном говоре, в одной диалектной микросистеме, взаимно заменяя друг друга зачастую в речи одного диалектоносителя. Конечно, на избирательность фонетических вариантов в каждом конкретном случае не могут не влиять сфера и ситуация общения, а также возраст и уровень образования носителей говоров. Наблюдения показывают, что в речи представителей старшего поколения преобладают «свои», диалектные, варианты, в речи молодежи – литературные, в непринужденной беседе друг с другом местные жители употребляют диалектные варианты, в разговоре с горожанами – литературные. В общении с украинцами, болгарами, молдаванами предпочтение отдается собственно украинским, болгарским, молдавским фонетическим вариантам заимствованных слов. Таким образом, с точки зрения социолингвистической, в русских говорах Одесщины можно выделить

два типа фонетических вариантов слова: стратификационные и ситуативные. Первые, как отмечает Л. Б. Никольский, «связаны с возрастными группами, группами, выделяемыми по уровню образования, вторые коррелируют с ситуациями общения» [9: 25].

Обилие фонетических вариантов, их продуктивность, избирательность употребления – яркая специфическая особенность русских островных говоров, длительное время функционирующих в разноязычном окружении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957. – 295 с.
2. *Горбачевич К. С.* Варианты языковые// Русский язык. Энциклопедия/ Гл. ред. Ф. П. Филин. – М., 1979. – С. 38-39.
3. *Гриценко П. Ю.* Ареальне варіювання лексики. – К.: Наукова думка, 1990. – 269 с.
4. *ДАРЯ* – Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. – В 3-х вып./ Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. – Вып. 1. Фонетика. – М., 1986. – 318 с.
5. *Калнынь Л. Э.* Протетические согласные перед лабиализованными гласными// Восточнославянские изоглоссы. – 1998. – Вып. 2. – М., 1998. – С. 9-28.
6. *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. – М., 1999. – 528 с.
7. *Козырев В. А.* Вариантность диалектного слова// Диалектная лексикология и лексикография: брянские говоры. К 90-летию проф. В. И. Чагишевой. – СПб, 1999. – С. 36.
8. *Кузнецова О. Д.* *Зелесо, земчуг* в говорах русского языка// Диалектная лексика. 1975. – Л., 1978. – С. 94-101.
9. *Никольский Л. Б.* Понятие инварианта и варианта в социолингвистике// Вариантность как свойство языковой системы. Тезисы докладов. – Ч. 2. – М.: АН СССР, 1982. – С. 25.
10. *Оссовецкий И. А.* О составлении региональных словарей (некоторые вопросы русской диалектной лексикографии)// Вопросы языкознания. – № 4. – 1961. – С. 75-85.
11. *Словарь русских говоров Одесщины.* – В 2-х тт. – Т. 1. – Одесса: Астропринт, 2000. – 376 с.; Т. 2. – Одесса: Астропринт, 2001. – 296 с.
12. *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (проблема “тождества слова”)// Труды Института языкознания АН СССР. – Т. 4. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 130.

Список сокращений

БТР – Български тълковен речник/ Сост. Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчевъ и др. – 3 изд. – София, 1973. – 1133 с.

Гр. – Б. Гринченко. Словарь украинского языка, тт. I-IV. – Киев, 1907-1909. – Репринтне видання. – К.: Лексикон, 1996.

МРС – Молдавско-русский словарь. – Москва, 1960. – 780 с.

РумРС – Румынско-русский словарь (составили Н. Г. Корлегану и Д. Е. Михальчи). – М., 1953.

Чук. – Сава Чукалов. Българско-руски речник. – София, 1957. – 1191 с.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРАХ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

Словарь русских переселенческих говоров Одесщины, длительное время функционирующих в отрыве от основного языкового массива в разноязычном окружении, пополняется и обновляется за счёт трёх основных источников: 1) освоения слов и значений русского литературного языка, 2) освоения заимствований из контактирующих языков и диалектов, 3) новообразований в лексико-семантической системе говоров, возникающих в результате деривационных процессов, словообразовательных и семантических.

Словообразовательные и семантические инновации в русских островных говорах являются неизбежным следствием их жизнестойкости, динамики и длительных тесных контактов с соседними языками и говорами.

Наша задача – проанализировать локальные субстантивные новообразования, имена существительные со значением лица или предмета, развившие в русских островных говорах Одесской области новые ЛСВ, образованные в результате семантической деривации общенародных, диалектных и заимствованных слов путём метафоризации.

Метафоризация – одно из действенных средств пополнения лексических запасов русских островных говоров, удалённых от основного языкового и диалектного массива и в силу своей изолированности

принужденных обращаться к внутренним резервам и возможностям своей лексической системы.

Материалом для анализа послужили вышедший в 2001 году двухтомный «Словарь русских говоров Одесщины» и личные многолетние наблюдения автора над лексикой исследуемых говоров.

Словарь русских говоров Одесщины составлен по дифференциальному принципу, в нём отражены все типы диалектных слов, диалектные значения общерусских слов, а также освоенные русскими переселенцами заимствования из соседних языков и говоров (украинских, болгарских, молдавских и др.), их словообразовательные и семантические дериваты, возникшие в системе русских островных говоров Одесской области. В Словаре нашли отражение различного рода новообразования, специфические местные слова с общерусскими диалектными и иноязычными корнями, фонетико-словообразовательные и семантические варианты литературных, диалектных и заимствованных слов, не зафиксированные в «материнских» русских говорах. В Словаре русских говоров Одесщины они сопровождаются пометами «СРНГ: нет» или «СРНГ: в этом знач. нет».

Пласт семантических дериватов в русских островных говорах Одесской области весьма объёмен. По своему происхождению они неоднородны. Среди них выделяются:

1. слова, противопоставленные общенародным эквивалентам по значению, совпадающие по звучанию и морфемному составу с русскими литературными и просторечными словами, но имеющие другое значение или другую предметную соотнесенность;

2. слова, противопоставленные исконно южнорусским, «материнским», по своей семантике – семантические инновации, образованные на базе русских диалектных лексем;

3. семантические инновации, возникшие на базе заимствований из соседних языков и говоров.

Новые ЛСВ существительных в лексике русских говоров часто представляют собой результат переноса наименования с одного предмета на другой на основе их сходства по характерному признаку,

свойству, качеству, т.е. на основе метафорических связей, образных ассоциаций между основным и вспомогательным субъектами метафоры. По Максу Блэку, в семантическом механизме метафоры участвуют четыре компонента: основной и вспомогательный субъекты метафоры и некоторые свойства каждого из них [3: 153-172].

Метафора является одним из продуктивных способов создания языковой картины мира. В современных отечественных и зарубежных теориях метафора предстаёт как «вербализованный приём мышления о мире», подчёркивается тесная связь с познавательной и оценочной деятельностью человека как видами разумного видения мира.

Метафора отражает «способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов» [1: 15].

Имена существительные – самые древние объекты метафоризации в диалекте и языке. Объясняется это, в частности, тем, что у них наиболее резкая контрастность при метафорическом переносе наименований с одного объекта на другой. Это способствует созданию яркого, экспрессивного образа, лежащего в основе переносного ЛСВ. Наиболее ярки и образны новообразования, обозначающие человека, ибо при этом наименования предметного мира (названия животных, насекомых, растений, блюд, одежды и др.) переносятся на человека и его сферу (характеристика и оценка человека по физическим, психическим, интеллектуальным, морально-этическим, социальным и др. признакам).

Издrevле человек проявлял способность к переносному употреблению слов, связанных с фауной. Отношения метафоричности в лексике, связанной с животным миром (*осёл* ‘животное’ и ‘упрямый человек’), известны многим индоевропейским языкам и диалектам.

Обнаруживают активную способность к переносному употреблению в сфере ‘человек’ слова, связанные с фауной, и в русских говорах Одесщины. Среди них выделяются общерусские лексемы: *баран, козел, бугай, бык, корова, тёлка, жук, змея, лиса, медведь* и т.п. и узколокальные, возникшие, во-первых, на базе общерусских лексем

(*карасик* перен. ‘человек невысокого роста’ (Кады дюжы малинький, то карасик *ҫаварють* (Демидово), *клоп* перен. ‘человек с толстым красным лицом’ (Клоп – то у нас на красналицава, талстамордава, сытава *ҫаворють* (Старая Некрасовка); во-вторых, на основе «материнских», диалектных (так, например, диалектное *вѣкша* ‘всякая белка вообще’, сузив в говоре Павловка Арцизского района свою первоначальную семантику (в Павловке *вѣкша* ‘осенняя белка’), приобрело новое переносное, образное значение ‘непоседливый человек, ребёнок’ (У их дитёнак – векша пряма); в-третьих, на базе слов, заимствованных из соседних языков и говоров (например, *лѣха* в русских говорах Одесщины не только ‘свинья’, как *льо́ха* в украинском языке (Гр., т.2: 385), но и ‘неповоротливая, ленивая, полная женщина’ (Ана лѣха толстая и лядачая); *гуч* в украинских говорах только ‘двухгодовалый жеребёнок’ [7: 232; 8: 239], в русских говорах Павловки, Вознесенки, Введенки *гуч* также ‘молодой крепкий парень’; в молдавских говорах *неля́пкэ* ‘корова, которая впервые отелилась несвоевременно, на сезон раньше’ [8: 239; 5: 27], в русских говорах *неля́пка* также переносное экспрессивное ‘девушка, родившая ребёнка вне брака’ (1. Ниля́пка – эта карова, катора рана привила тилёнка. 2. Ниля́пка – девка с рибёнкам (Вознесенка, Введенка, Павловка).

Как показывают приведенные примеры, субстантивные метафоры, связанные с фауной, образны, экспрессивны, оценочны, они дают яркую характеристику человека, положительную или (чаще) отрицательную оценку. Отрицательный смысл метафоры, связанной с характеристикой человека – языковая универсалия. Психологи объясняют это тем, что отрицательные смыслы отражают отклонения от нормы и требуют некоторых действий по исправлению этого положения. Информативно они более значимы и поэтому более четко выражены [2: 31].

Несут яркие оценочные коннотации локальные метафоры типа *предмет* → *человек и его сфера*, образованные в исследуемых говорах от общенародных слов: *ва́лик* ‘толстый, ленивый, неповоротливый че-

ловек' (Валик – вахла́тый, бука́тый, спить тока мноуа (Вознесенка), лом и местное лома́ка 'неповоротливый глуповатый человек высокого роста' (Ламáка – здоровый да неба, а вазьми в работу – как мидведь за уарапца́ми (Старая Некрасовка) и др., от диалектных слов: лубьё́ и лубьё́ 'старые ненужные вещи' и перен. 'старый немощный человек' (Я уже лубьё́ старая (Старая Некрасовка), жо́рны (жу́рны) 'жернова' и перен. 'морщины' (Я старая, лицо фсе́ в жу́рнах (Успеновка), намы́ка 'кудель' и перен. намы́ки 'нечесанные волосы' (Распустил свои намыки) и др., от заимствованных лексем (например, в говоре Старой Некрасовки лобода́ не только 'лебедя', как в украинском языке (Гр., т. 2: 373), но и перен., презрит. 'никчемный человек'; в Вознесенке гу́ля, как и в украинском языке 'нарост, шишка' (Гуля у мене на шеи зделаицца) (Гр., т. 1: 339), а также перен. 'женская прическа из длинных волос, уложенных клубком'; в Александровке Котовского р-на молд. кару́цэ (МРС), освоенное русскими как кару́ца (ср. Д., I: 94 – каруца нврс. молд.) означает, как и в молдавском, 'телега, повозка', а также перен. 'толстая женщина с покачивающейся походкой' (Доня – толстая, как кару́ца, идёт. Вон какая кару́ца пашла (показывает на полную женщину); в Анатольевке заимствованное у соседей-болгар гринда́ (гринда́) означает не только 'бревно', как в болгарских диалектах (РСБКЕ, т. 3: 394; Мич.), но и перен., экспрессивное 'высокий, крепкий человек' (Дед мой гринда́ такой).

При метафоризации существительных, где обозначения исходного субъекта-предмета и его физических признаков переносятся на метафорический субъект – человека и его физические, интеллектуальные и социальные свойства, возникают оценочные коннотации. Е. М. Вольф подчеркивает: «...оценка возникает в любых случаях, если денотат метафорического обозначения включается в целостную картину мира. Это чаще всего происходит, если денотатом – объектом оценки оказывается человек или сфера человека» [4: 62].

Посредством образных оценочных метафор происходит воплощение языковыми (семантическими) средствами эмотивного образа

мира, включающего в себя человека как его составляющую часть. Образные метафоры отражают «новое видение» человеком знакомых объектов, реалий. Об этом свидетельствует, в частности, появление в русских островных говорах разнообразных ЛСВ, указывающих на новые значения, отсутствующие в русском литературном языке и его диалектах, а также в соседних языках и говорах.

Экспрессивны и образны в русских говорах Одесщины метафорические существительные, обозначающие одушевленные и неодушевленные объекты, образованные по типу *названия животных → названия сходных с ними по внешнему виду предметов и явлений*. Так, например, *буга́й* в Успеновке не только ‘бык-производитель’, но и перен. ‘большая грозовая туча’ (Дош буде: он какие буга́й па небу идуть), а в Николаевке – перен. ‘паровоз’ (Ехали на бугаю́. Буга́й – ну ды паравос); *гуса́к* в Большом Плоском ‘двухлитровая бутылка, в которой обычно держат самогон’ (Што ты уостя чаем поиш, давай гусака́); *лягу́шечка* ‘разноцветная вставка между бретельками сарафана на спине’ (Во́лну разноцветную для фасона фставляли, лягушычка называли (Вознесенка); *жа́бочка* ‘блестящая, расшитая бисером вставка на блузке или платье’ (Петропавловка), *кочеткі́* ‘петушки, цветы ирисы’ (Ср.: южнорус. *ко́чет* ‘петух’), *барáшки* ‘волнистые украшения на женском платье’ и т.п. Любопытно зафиксированное в говоре Русской Ивановки метафорическое наименование божьей коровки – *ванька-встанька*, образованное по типу *предмет → животное* (Ва́нькаф-фстанькаф уйма литаить. Ва́нька-фстанька – па-вашаму божья карофка). Ср.: лит. *Ванька-встанька* ‘детская игрушка, куколочка без ног...’ (МАС, т. 1: 131). Характерно, что название *божья коровка* старые жители Русской Ивановки не знают вообще.

Весьма значителен в русских говорах Одесщины пласт слов, метафоризация которых осуществляется по типу переноса наименований по сходству внешних признаков *с предмета на предмет*. Наиболее часто такой метафоризации подвергаются в русских говорах общеизвестные слова: *аршин* не только ‘линейка в 0,71 м.’ (МАС, т. 1:

47), но и ‘дощечка для штукатурки стен примерно такой же длины, как аршин’, *блин* ‘большой плоский воротник кофты или блузки’, *воронка* ‘горлышко бутылки’, *опушка* ‘резное деревянное украшение сельского дома’ (Апушка хату красить. С апушкой дом, как картинка (Большое Плоское), *жёлоб* (ум.-ласк. *желобок*) ‘долблёное продолговатое корытце, из которых поят лошадей’; *маковочка* ‘кувшинка’ и ‘тюльпан’; *кубышка* в Муравлёвке Измаильского р-на не только ‘глиняный сосуд с узким горлом и широкими боками’, как в литературном языке (МАС, т. 2: 144), но и ‘огородное растение – кабачки’ (Прашували кубышки) и т.п.

Вовлекаются в процесс подобной метафоризации также диалектные слова. Например, в Вознесенке и Введенке *бабышка*, как и в говорах «материнских», курско-орловских – ‘хлеб, испечённый в круглой форме’, а также ‘большой нарыв, чирей’, *жаровничка* не только ‘ребристая форма для выпечки хлеба’, но и ‘металлическая крышечка для закрывания бутылок с водой или пивом’.

Новые метафорические значения, отсутствующие в языке-источнике, приобретают в лексико-семантической системе русских островных говоров и укоренившиеся в ней заимствования. Например, заимствованное из украинского языка двузначное слово *вагань* ‘деревянное корытце для приготовления еды, теста’ и ‘корыто для стирки белья’ (Гр., т. 1: 120) приобрело в исследуемых говорах новое значение ‘большая лохань для утят’ (Ва дваре вагань для вутенят (Успеновка, Вознесенка). Украинское *голка* ‘иголка’ (Гр., т. 1: 301) развило на русской почве два новых метафорических значения ‘вязальная спица’ и ‘деревянная или железная палка для детской игры в казаны’, болгарское *каварма* ‘мясное кушанье с острыми приправами’ [б: 93] получило в русском говоре Спасское, помимо исконного значения, новое – ‘студень’ (Мяса варять, пака ни атстанеть ат касьтей. Палучаицца каварма, па-нашаму халадец), немецкое *Kuchen* ‘сдобный свадебный пирог, ромовая баба’ (PDW) приобрело в говоре села Вознесенка новое метафорическое значение ‘торт’ (Сичас кúхи в магазинах прадають).

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что метафорическое значение является не только средством оценки, но и выполняет номинативную функцию, называя новые предметы и понятия старыми, знакомыми носителям говоров лексемами.

Н. А. Лукьянова подчеркивает: «Основные критерии, на которые можно опереться при оценке значений, как лексико-семантических неологизмов, это новизна и социальная значимость реалии, называемой данным словом, а также показания языковой компетенции носителей говоров» [9: 70]. Бесспорными неосемантами в русских говорах Одесщины являются следующие слова: *виски́* в значении ‘парик’ в говоре села Александровка Котовского р-на (Наша Манька сваму малому *виски́* купила). Ср.: *виски́* в «материнских» южнорусских говорах ‘волосы на голове’ и ‘волосы на теле человека’, *вේер* в значении ‘вентилятор’ в говоре села Троицкое (Этат *вේир* фчирась купила (показывает на вентилятор), *лю́лька* – ‘коляска мотоцикла’, *ма́йк* ‘солнечные часы’, *визі́тка* ‘поздравительная открытка’, *карта* ‘монтаж из нескольких фотографий в одной рамке под стеклом’ и т.п. Такие метафоры более нагружены не в эмоционально-экспрессивном, оценочном плане, а в когнитивном, так как служат наименованиями новых реалий. Они соотносятся с ценностной картиной мира диалектоносителей, имеющей во многих случаях национально-специфическую окраску.

Наблюдения показывают, что метафорические переносы возникают в лексико-семантической системе русских островных говоров постоянно, особенно заметны они в тех тематических группах лексики, которые включают наименования жизненно важных, актуальных предметов и понятий для сельских жителей.

Лексико-семантической системе русских островных говоров Одесщины свойственны те же модели субстантивной метафоризации, что и литературному языку: животное → человек, предмет → человек, животное → предмет, предмет → животное, предмет → предмет. В результате метафоризации образуются новые собственно номинативные и образно-экспрессивные значения. Образные

метафорические диалектные значения развиваются в частных диалектных системах на основе конкретно-наглядных, чувственных образов, находящих опору в жизненном опыте носителей говоров.

Специфика диалектных метафорических ЛСВ с точки зрения функциональной заключается в том, что система значений полисемантических слов в народных говорах находится в прямой зависимости от возрастной дифференциации носителей говоров. Так, например, только в речи стариков сохраняются старые метафорические наименования земельных участков: *клетка* ‘часть поля равная 10 десятинам’, ‘участок поля, отведенный одному хозяину’ (Типерича паля бальшыи, а ф старину клетки, па частям разбиты паля были. Клетка – эта десить диситин (Большое Плоское), *полоса* ‘участок поля, занимаемый одной жнеей’ и т.п. Молодежь таких архаичных ЛСВ не знает.

Анализ метафорических существительных в русских островных говорах Одесской области показал, что лексико-семантическая система русских говоров, функционирующих в полиязычном окружении, весьма динамична, в ней постоянно происходит метафоризация общенародных, диалектных и заимствованных слов. В результате рождаются многочисленные семантические инновации, лексико-семантические неологизмы локального характера, как правило, эмоционально-экспрессивные.

Семантические инновации метафорического характера в русских переселенческих говорах более разнообразны и многочисленны, чем в говорах основного языкового массива, так как в качестве исходного материала для метафоризации используются не только исконно русские (общенародные и диалектные) слова, но и заимствованные из соседних языков и говоров.

В диалектных семантических инновациях отражается психология сельских жителей, их взгляд на окружающий мир, проявляются их нравственные ценности и понятия, тонкая наблюдательность и образность мышления, специфическое видение и понимание картины мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс// Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
2. Батыршин И. З., Шустер В. А. Структура семантического пространства словесных оценок поступков// Принципиальные вопросы теории знаний: труды по искусственному интеллекту. – Тарту, 1984. – С. 20-38.
3. Блэк М. Метафора// Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153-172.
4. Вольф Е. М. Метафора и оценка// Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 52-65.
5. Гриценко П. Ю. Моделювання системи діалектної лексики. – К.: Наукова думка, 1984. – 227 с.
6. Державинъ И. С. Болгарскія колоніи въ Россіи (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губерніи). – София, 1914. – 260 с.
7. Дзензелівський Й. О. Українські говори Нижнього Придністров'я. Канд. дисертація (рукопис). – Ч. 1. – Одеса, 1951. – С. 232.
8. Дроздовський В. П. Спостереження над сільськогосподарською лексикою українських говірок Татарбунарського, Тузлівського і Саратського районів Одеської області// Праці Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова. – Т. 148. – Вып. II. – Одеса, 1958. – С. 233-245.
9. Лукьянова Н. А. Лексика современных говоров как объект изучения. – Новосибирск, 1983. – 79 с.
10. Москаленко А. А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. – Одеса, 1961. – 78 с.
11. Словарь русских говоров Одесщины. – Т. 1-2. – Одесса: Астропринт, 2000-2001. – Т. 1. – 376 с.; Т. 2. – 296 с.

Список сокращений

- Гр.* – Гринченко Б. Словарь украинского языка, тт. I-IV. – Киев, 1907-1909. – Репринтне видання. – К.: Лексикон, 1996.
- Д.* – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I-IV – Москва, 1955.
- Мич.* – Мичатек Л. А. Дифференциальный болгарско-русский словарь. – СПб., 1910. – 778 с.
- МАС* – Словарь русского языка, т. I-IV. – М.: Русский язык, 1981-1984.
- МРС* – Молдавско-русский словарь. – Москва, 1960. – 780 с.
- РСБКЕ* – Речник на съвременния български книжовен език. – Т. I-III. – София, 1955-1959.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров/ Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. – Вып. 1-36. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965-2003.
- PDW* – Hermann Paul. Deutsches Wörterbuch. Achte Verlag: Halle (Saal), 1961.

ЛЕКСИКА РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Сейчас ни у кого из лингвистов не вызывает сомнения то, что язык – это «дом бытия духа народа». О. А. Корнилов подчеркивает: «...язык – этоместилище души, духа народа, это коллективный продукт национального творчества... Каждый этнический язык – это уникальное коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексии, самопознания и самовыражения национальной культуры» [7: 133].

Слова, передающие «дух народа», национальный колорит, национальную специфику, свойственны любому языку во всех формах его проявления, как надтерриториальных, так и территориально закрепленных – диалектных. В лексическом значении этих слов присутствует национально-культурный компонент. Он реализуется, во-первых, в признаках, обусловленных спецификой самой жизни этноса – носителя языка, во-вторых, в признаках, вызванных различным «членением» действительности представителями разных этносов. Первая группа признаков, обусловленная внеязыковой действительностью, содержится в названиях предметов, понятий, явлений, характерных для природной среды, материального быта, культуры, общественно-исторических особенностей какого-либо этноса, и вследствие этого являющихся носителями местного, культурного, исторического или национального колорита. Эти признаки и составляют компонент значения слова, который отражает духовную, историко-культурную и материальную, экономико-хозяйственную сторону жизни конкретного этноса. Национально-культурный компонент содержится в наименованиях предметов, явлений, реалий, специфических для жизни говорящих на определенном языке или диалекте. Он является неотъемлемой частью так называемой безэквивалентной лексики, лексических единиц, не имеющих однословных соответствий в

другом языке (диалекте) либо в силу отсутствия в общественной практике его носителей соответствующих реалий, либо из-за отсутствия в нём лексем, обозначающих соответствующие понятия.

Термин национально-культурный компонент появился в XX веке. Понятие культурный компонент семантики ввёл в научный оборот Н. Г. Комлев в 1969 году в своей монографии «Компоненты содержательной структуры слова». Он подчеркивает, что в культурном компоненте слов выражена «зависимость семантики языка от культурной среды индивидуума» [6: 117]. Исследованию национально-культурного компонента в лексике посвящены труды Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, А. А. Брагиной, Ю. А. Бельчикова, В. И. Шаховского, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, В. М. Телии, С. М. Прохоровой и др. Согласно концепции Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова семема состоит из понятийных сем и непонятийных, или фоновых, которые выходят за границы языковых значений и отражают особенности референта, обусловленные национальной спецификой культуры, истории, мировосприятия [3:26]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделяют общечеловеческие, или интернациональные семы и национально-культурологические, фоновые семы, которые потенциально присутствуют в сознании носителей языка [4]. Ю. А. Бельчиков анализирует социально-исторический, национально обусловленный коннотативный культурный компонент смысловой структуры слова [1: 30]. В. И. Шаховский разграничивает «идеологические и национально- специфические коннотации» [18: 14]. З. Д. Попова и И. А. Стернин указывают на национальную специфику семантики слова [12: 69]. В. М. Телия выделяет культурную коннотацию [16: 245] и анализирует особенности проявления национально-исторического компонента в присущих социуму национально-культурных стереотипах [17: 44].

Благодатный, обширный и разнообразный материал для изучения диалектов в национально-культурологическом аспекте и, в частности, безэквивалентной национально-специфической лексики представляют

островные русские говоры Одесской области Украины, которые отделились от основного русского языкового и диалектного массива в конце XVIII – начале XIX вв. Русские говоры Одесщины длительное время (свыше 200 лет) находятся в отрыве от материнских, южнорусских диалектов, функционируя в условиях полиязычного окружения: украинского, болгарского, молдавского, гагаузского, немецкого (до 1940 г. соседями русских были немецкие колонисты).

История возникновения русских селений на территории нынешней Одесской области тесно связана с историей заселения Бессарабии. Возникли они в южной части Бессарабии, известной под названием Буджак. Буджаком (по-турецки *буджак* – угол) этот край называли татары и турки, господствовавшие здесь в XV-XVIII вв. В результате освободительных войн России с Турцией в 1812 г. по Бухарестскому миру Бессарабия была присоединена к России.

По мере освобождения буджакских земель из-под власти турок и татар-ногайцев происходило их быстрое планомерное заселение украинцами и русскими, переселившимися из южных и центральных губерний России (Курской, Орловской, Воронежской, Тульской и др.), старообрядцами, бежавшими от преследований с Дона и Кубани, а также молдаванами, цыганами, гагаузами и иностранными колонистами: болгарскими, сербами, немцами, швейцарцами и др. Вследствие этого Буджак приобрел своеобразную национальную пестроту, в значительной мере сохранившуюся и до наших дней.

Русские переселенцы оказались в разноязычном окружении. По соседству с ними находились украинские, болгарские, молдавские, гагаузские сёла, а также немецкие колонии. Изолированность от материковых материнских южнорусских говоров, тесные длительные хозяйственные, бытовые и культурные непосредственные контакты между представителями разных национальностей, населяющих Одесщину, распространенный здесь билингвизм и полилингвизм способствовали, с одной стороны, обогащению заимствованиями лексической системы русских островных говоров, с другой, сохранению в них самобытного архаического исконного южнорусского

пласта безэквивалентной лексики, слов с ярко выраженным национально-культурным компонентом лексического значения.

Предметом нашего анализа является национально-специфическая материнская лексика русских островных говоров Одесщины и заимствованная из соседних языков и диалектов. Материалом послужили многолетние личные наблюдения автора, двухтомный «Словарь русских говоров Одесщины», а также магнитофонные записи диалектологических экспедиций Одесского национального университета разных лет (с 1959 по 2008 гг.)

Наши задачи: 1. на основании сопоставления лексики русских переселенческих говоров Одесщины с материнской выделить традиционный, южнорусский национально-культурный пласт словарного состава исследуемых говоров; 2. выявить наиболее стабильные в семантическом отношении лексико-тематические группы южнорусизмов с национально-культурным компонентом; 3. выяснить причины их устойчивости, степень их распространения в островных говорах; 4. выделить лексические заимствования с национально-культурным семантическим компонентом, воспринятые русскими переселенцами из соседних языков и говоров, распределить их по лексико-тематическим группам; 5. установить причины их заимствования; 6. выявить особенности их функционирования в лексико-семантической системе русских островных говоров Юга Украины.

Сопоставление словарного состава исследуемых русских островных говоров с данными региональных словарей, этнографических и диалектологических работ по курским, орловским и другим южнорусским говорам XVIII-XIX – начала нынешнего столетия показывает, что в русских говорах Одесщины активно функционирует большое количество слов, характерных для южнорусского наречия. Наиболее богата южнорусизмами с национально-культурным компонентом местная бытовая лексика. Наибольшее количество специфических южнорусских лексем отмечается в лексико-тематической группе названий одежды и обуви,

украшений, затем следует группа наименований хозяйственных построек, дома и его частей, далее – названия утвари, предметов домашнего обихода, посуды, пищи, обрядовая лексика, наименования игр, развлечений и т.п. Функционирование большого количества слов, характерных для южнорусского наречия, в речи русских переселенцев, свидетельствует об устойчивости словарного состава переселенческих говоров, долгое время бытующих в отрыве от материнского южнорусского массива. Степень устойчивости данной лексики определяется не только количеством южнорусских слов, но и тем, что они, за немногими исключениями, не подверглись смысловым изменениям, употребляются с прежней семантикой. Семантическая стабильность этих слов объясняется неизменностью реалий, предметов, явлений, понятий, обычаев, которые они обозначают, наличием исконно русского национально-культурного компонента в лексических значениях этих слов. Бережное сохранение в русских сёлах Юга Украины традиционного южнорусского типа жилища, надворных построек, старинных предметов домашнего обихода, утвари, посуды, пищи, одежды и обуви, головных уборов, обрядов и обычаев способствует тому, что в русских островных говорах удерживаются, например, такие унаследованные от материнских, южнорусских диалектов лексемы: *ха́та* ‘дом и комната в доме’, *воро́к* ‘крытый загон для скота’, *полове́нь* ‘постройка для хранения половы’, *кле́тка* ‘кладовая’; *насто́льник* ‘скатерть’, *скры́ня* ‘сундук’, *поставе́ц* ‘шкафчик для посуды’, *кубга́н* ‘большой кувшин для хранения молока, масла, солений’, *махо́тка* ‘небольшой глиняный горшок для приготовления каши’, *коре́ц* ‘ковш’, *емки́* ‘ухват’; *сая́н* ‘широкополый сарафан на узких лямках’, *ки́чка* ‘старинный головной убор замужней женщины’, *подду́шник* ‘женское украшение в виде ленты, расшитой бисером, повязываемой под шею’; *жа́мка* ‘пряник’, *драче́на* ‘блюдо из яиц, пшеничной муки и масла’, *ку́рник* ‘свадебный пирог’; *бесе́да* ‘вечеринка, гулянка’, *у́лица* ‘гулянье молодежи на улице по вечерам’, а также этимологически прозрачные с ярко

выраженной внутренней формой слова, обозначающие составные части южнорусского свадебного обряда: *глядѣнки* ‘смотрины’, *пропóй* ‘сватание в доме невесты накануне свадьбы’, *свóды* ‘гулянье невесты, жениха, их родителей и знакомых накануне свадьбы’ и мн. др.

За время длительного существования в полиязычном окружении словарный состав русских островных говоров пополнился заимствованиями из украинского, болгарского, молдавского и немецкого языков. Этому способствовал активный обмен материальными и духовными ценностями культуры между этносами, контактирующими на территории Одесщины.

В. В. Мартынов справедливо подчеркивает: «Заимствование предполагает в качестве необходимого условия культурное влияние и экспорт-импорт реалий (новые орудия и средства производства, новые понятия общественной жизни)» [9: 7]. Благоприятным экстралингвистическим фактором, способствующим распространению иноязычных слов в русских островных говорах, явилось также, несомненно, положительное, доброжелательное отношение носителей русских говоров к соседним инациональным культурам и языкам. Еще А. С. Пушкин отметил, что русский язык «...переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам» [13: 341].

Чаще всего заимствования проникали в русские говоры Одесщины вместе с новыми предметами и понятиями, ранее неизвестными русским переселенцам. Заимствования вместе с новыми реалиями нередко называют «культурными» (Ж. Вандриес, А. И. Соболевский, И. И. Огиенко) [2; 15; 10]. Такого рода заимствования «особенно легко переходят из языка в язык вместе с предметами, ими обозначаемыми; предмет несет их вместе с собой, иногда увлекает их очень далеко: слова следуют за вещами» [2: 212]. «Культурные» заимствования представляют собой ценный материал, по которому можно судить об особенностях взаимоотношения одного этноса с другим, о национально-культурной специфике и степени влияния одного языка на другой. К заимствованиям такого рода в

наших говорах относятся названия новых актуально важных предметов, явлений, понятий, прочно вошедших в быт русских переселенцев уже в период их жизни за пределами России. Это слова, обозначающие предметы и явления, связанные со спецификой местных природных условий, сельскохозяйственного производства, быта, материальной и духовной культуры. Большую часть этих слов составляют заимствования из генетически и типологически близкородственного украинского языка. Украинизмы проникли во все группы бытовой и сельскохозяйственной лексики, а также в словарь обозначений, связанных с природой, с растительным и животным миром. Отметим, к примеру, названия разнообразных украинских национальных блюд: *галу́шки, варени́цы, вареники, кулі́ш, капустня́к, конде́р, пампу́шки, узва́р* ‘компот из сухофруктов’ и др.; наименования одежды, обуви, женских украшений, характерных для Украины: *моні́сты, вишива́нка, ху́стка, че́боты, череві́ки* и т. п.; названия строительных материалов, домашнего и сельскохозяйственного инвентаря: *пац, це́гла, драни́ца, гонт, перерезка, коса́рка, молота́рка, сива́лка* и др.; наименования народных украинских танцев, игр, музыкальных инструментов: *банду́ра, гона́к, казачо́к, вечерни́цы, шканды́бки* – ‘детская игра’ и др.; названия растений и их сортов, деревьев, характерных для юга Украины: *арнау́тка, гі́рка, ву́лька* (сорта пшеницы), *га́рбуз, рыпа́к, шелко́вица* и др.

У своих соседей-болгар русские заимствовали прежде всего слова, связанные с разведением и обработкой огородных культур – болгары издавна славились как умелые огородники, овощеводы: *граді́на* ‘большой колхозный огород’, *градина́р* ‘огородник’, *калисти́рка* ‘небольшая мотыга’, *дула́п* ‘приспособление в виде большого колеса для полива огородов’, *каба́* ‘салатный лук’, *рабажі́ка* ‘мелкий семенной лук’, *патлажса́н, патладжса́н* ‘помидор’ и др., а также специфических болгарских блюд и напитков: *ма́нджа* ‘густой постный

соус из баклажанов, помидоров, перца и лука’, *каларма́* ‘мясное кушанье с острыми приправами’, *пастрома́* ‘вяленое мясо’, *ракия́* ‘сливовая водка’ и др.

Из молдавского языка русские переселенцы заимствовали слова, обозначающие реалии, характерные для молдаван: названия типичной для молдаван пищи (*бры́нза*, *мамалы́га*, *плаци́нда*, *верту́та*), одежды, обуви (*бары́жик* ‘женский головной платок из тонкой шерсти’, *бо́нда* ‘душегрейка из овчины’, *сошо́ны* ‘женские боты с суконным верхом’ и др.), лексемы, связанные с животноводством (*неля́почка* ‘рано отелившаяся корова’, *ту́рма* ‘большое стадо овец’, *вака́рь* ‘пастух, пасущий коров’, *чаба́н* ‘пастух, пасущий овец’ и др.), садоводством и полеводством (*гуту́ля* ‘айва’, *пру́ня* ‘мелкая желтая слива’, *мирабе́ля* ‘круглая красноватая слива’, *папушо́й* ‘кукуруза’, *тараку́цка* ‘декоративная тыквочка’, *гарма́н* ‘ток’, *прашева́ть* ‘сапать, окучивать’ и др.). Вместе с неизвестными ранее русским переселенцам кулинарными изделиями у немецких колонистов русские заимствовали слова *ку́ха* ‘кулич из сдобного теста’ (ср. нем. *Kuchen*), *штрúдли* ‘слоеный пирог с яблоками, вареньем или другой начинкой’ (ср. нем. *Strudel*).

Большинство иноязычных слов было заимствовано русскими переселенцами устно и подверглось на русской почве фонетической и грамматической адаптации. Среди лексических заимствований, бытующих в русских островных говорах, выделяются ассимилированные и неассимилированные слова. Неассимилированные слова отличаются от ассимилированных ощущаемой русскими звуковой, грамматической и семантической чужеродностью. Неассимилированные заимствования носители русских говоров воспринимают как «чужие», ассимилированные – как «свои».

В русских островных говорах широко употребляются такие заимствования, которые относятся к категории жизненно необходимых в повседневном общении. Обозначая специфически местные, новые для русских реалии, эти слова необходимы в говорах,

они обогащают их словарный состав. В лексико-семантической системе русских островных говоров отсутствуют эквиваленты подобных заимствованных слов.

Вследствие длительного влияния одного языка или диалекта на другой слово может быть воспринято из внешнего источника без прямой необходимости в появлении нового наименования, а как второе обозначение уже получившего в языке или диалекте словесное выражение явления или предмета. Это неоднократно отмечалось в работах многих русских, украинских и зарубежных ученых: И. А. Соболевского [15], Л. П. Якубинского [19], А. М. Селищева [14], Ж. Вандриеса [2], И. А. Оссовецкого [11], Тамары Лённгрен [8], П. Е. Гриценко [5] и др.

В основном, заимствование иноязычных слов, «не связанных с предметными новшествами», обусловлено большей их экспрессивностью в сравнении с русскими эквивалентами, ярко выраженной внутренней формой, национально-специфической коннотацией и оценочностью. Оценка, как известно, является одним из конкретных проявлений субъективно-национальной природы языка. Такие заимствования в островных говорах Одесщины, как украинизмы *ганьба́*, *дзы́га*, *в́исмоктать*, *запротóрить*, *катова́ть*, *охля́ть*, *пу́трить*, молдаванизмы *га́та*, *мамалы́га* в значении ‘размазня (о человеке)’ воспринимаются носителями исследуемых говоров как слова с яркой эмоционально-экспрессивной окраской по сравнению с их русскими семантическими соответствиями.

Наблюдения показывают, что национально-специфическая лексика русских островных говоров Юга Украины весьма многообразна. Она представляет собой отражение унаследованных от материнских, южнорусских диалектов материальных и духовных ценностей, выработанных русскими на протяжении столетий, а также приобретенных инонациональных духовных ценностей и артефактов, заимствованных у иноязычных соседей в результате продолжительных социально-экономических, бытовых и культурных контактов в новых лингво- и этнокультурных условиях. Заимствование – один из важных

факторов развития русских переселенческих говоров, постоянно увеличивающее их лексикон. Обогащая и развивая словарь русских островных говоров, заимствованная лексика благоприятствует превращению его в более гибкое, совершенное средство коммуникации диалектоносителей между собой и с иноязычными соседями. Несомненно, русские островные говоры Одесщины представляют большой научный интерес не только в плане исследования устойчивости исконно русского национально-специфического словарного состава изолированных от основного языкового массива русских диалектов, но и с точки зрения теории межъязыковых, междиалектных контактов, тех проблем, в которых наиболее очевидно история языка переплетается с историей и культурой народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бельчиков Ю. А.* О культурном коннотативном компоненте лексики// *Язык: Система и функционирование.* – М., 1988. – С. 30-35.
2. *Вандриес Ж.* *Язык.* – М., 1937. – 410 с.
3. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* *Лингвострановедческая теория слова.* – М., 1980. – 320 с.
4. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* *Язык и культура: Лингвострановедение и преподавание русского языка как иностранного.* – М., 1990. – 1308 с.
5. *Гриценко П. Е.* *Ареальные вариации лексики.* – К., 1990. – 272 с.
6. *Комлев Н. Г.* *Компоненты содержательной структуры слова.* – М., 1969. – 192 с.
7. *Корнилов О. А.* *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов.* – М., 2003. – 349 с.
8. *Лённгрен Тамара.* *Лексика русских старообрядческих говоров (на материале, собранном в Латгалии и Житомирщине).* – Uppsala, 1994. – 174 с.
9. *Мартынов В. В.* *Становление праславянского языка по данным славяно-иноязычных контактов.* – Минск, 1982. – 186 с.
10. *Огиенко И. И.* *Иноземные элементы в русском языке.* – К., 1915. – 44 с.
11. *Оссовецкий И. А.* *Лексика русских народных говоров.* – М., 1982. – 195 с.
12. *Попова З. Д., Стернин И. А.* *Лексическая система языка.* – Воронеж, 1984. – 172 с.
13. *Пушкин А. С.* *О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»// Полное собрание сочинений: В 10 т. – Т. 7. – Л.: Наука, 1978. – С. 334-343.*
14. *Селищев А. М.* *Славянское население в Албании.* – София, 1931. – 352 с.

15. *Соболевский И. А.* Несколько замечаний о словарном заимствовании. – СПб., 1891.
16. *Телия В. М.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 288 с.
17. *Телия В. М.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. – 141 с.
18. *Шаховский В. И.* Эмотивный компонент значения и методы его описания. Учебное пособие к спецкурсу. – Волгоград, 1983.
19. *Якубинский Л. П.* Несколько замечаний о словарном заимствовании// Язык и литература. – Л., 1926. – Т. 1. – Вып. 1-2.

УКРАИНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛЕКСИКУ РУССКИХ ОСТРОВНЫХ ГОВОРОВ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

На Юге Украины, в Одесской области, расположено свыше сорока русских селений, основанных переселенцами из южных губерний России, в основном, Курской и Орловской, в конце XVIII – начале XIX вв.

За время длительного пребывания в отрыве от основного языкового массива, от “материнских”, южнорусских говоров в полиэтничном и разноязычном окружении словарный состав русских островных говоров Одесщины пополнялся большим количеством заимствований из украинского, болгарского, молдавского, румынского, гагаузского и немецкого языков.

Анализ заимствований показывает, что большинство их воспринято из близкородственного украинского языка и его говоров. Украинизмы проникли во все группы бытовой и сельскохозяйственной лексики, а также в словарь, связанный с природой, с местным ландшафтом, с растительным и животным миром. Помимо слов с предметным значением, в русские говоры из соседних украинских вошло большое количество глаголов, прилагательных, наречий, обозначающих важнейшие трудовые и физиологические процессы, действия, ощущения, состояния, качества, свойства, признаки, обстоятельства, а также эмоциональные и волевые импульсы. Примечательно, что для других языков, контактирующих с русскими островными говорами, за исключением редких случаев, непредметный словарь русских переселенцев оказался непроницаемым.

Украинизмы усваиваются русскими не только устным, но и книжным путем (через газету, радио, телевидение, школу и т. п.). В школах русских сел Одесщины преподается украинский язык, местные жители читают украинские газеты, слушают украинское радио. Все это, несомненно, способствует интенсивному проникновению украинизмов в близкородственную систему южнорусских говоров не только из соседних украинских говоров, но и из украинского литературного языка.

В русских говорах Одесщины выделяется большая группа слов, общих с украинскими и другими южнорусскими: *будя́к, бо́рошно, во́лна, горóдина, дежа́, кичка, кут, коре́ц, новина, рогáч, свита, скры́ня, толокá, сигáть, сюды́, чередá* и др., генетически восходящих к одному для русского и украинского языков общеславянскому источнику. Сохранению и активному употреблению подобных слов в русских говорах Юга Украины, несомненно, способствует непосредственное соседство с украинском языком, в котором они являются литературными. Характерно, например, что из словарных дублетов *рога́ч – емки́* более употребительным в русских селениях является первый, широко известный и в украинском языке. Его южнорусский эквивалент *емки́*, неизвестный украинцам, выходит из употребления: он встречается только в речи стариков.

Включаясь в лексико-семантическую систему русских говоров, все украинизмы претерпевают фонетические, морфологические и смысловые изменения в соответствии с внутренним строем русских говоров, наблюдается фонетико-морфологическая и семантическая ассимиляция украинских заимствований на русской диалектной почве.

Освоение украинизмов происходит в русских говорах не только в планах формальном и семантическом, но и функциональном.

Заимствованные слова по характеру их употребления в русских переселенческих говорах занимают далеко не одинаковое место. Одни из них вошли в широкое повседневное употребление, другие в настоящее время стали архаизмами, т.е. находятся на периферии словарного со-

става русских говоров. Все словарные заимствования по степени их употребительности в наших говорах можно разделить на две группы. В первую группу входят активно употребляемые слова. Вторую составляют лексемы, находящиеся на периферии словарного состава говоров. Первую группу заимствований представляют главным образом слова, обозначающие новые для русских переселенцев реалии. Они являются в говорах наименованиями предметов, явлений, понятий, усвоенных русскими уже после переселения из России. Сюда относятся лексемы, обозначающие особенности быта украинцев, с которыми русские познакомились, переселившись в Бессарабию, названия специфически местных предметов сельскохозяйственного производства, окружающей природы: *ва́нна, гонт, кре́йда, дра́ни́ца, галу́шки, капу́сн'як, кулі́ш, шкварки, га́рбуз, грóна, гру́ба, дро́гва, ру́шанка, вечерні́цы, шканды́бки, яр, ровча́г* и т.п. Обозначая жизненно важные предметы и явления, эти слова составляют активный запас каждого жителя русских сел Одесской области. Для них нет семантических эквивалентов, синонимов в исследуемых русских говорах.

К активно употребляемым украинизмам относятся заимствования, которым в русском языке соответствуют только словосочетания: *оле́я* – *подсолнечное масло*, *грома́дити* – *сгребать сено*, *гуртова́тися* – *сбиваться в гурт*, *дивува́ти* – *быть незамужем*, *кисля́к* – *кислое молоко*, *бра́нка* – *вспаханная земля*, *парубкува́ти* – *быть холостяком*, *вести холостяцкую жизнь*, *по́ратися* – *заниматься хозяйством*, *шкварки* – *зажаренные кусочки сала* и др., а также украинские слова, дифференцирующие, конкретизирующие актуально важные понятия в исследуемых говорах. Сюда относятся, например, детализированные наименования животных: *гуч* ‘жеребёнок в возрасте двух лет’, *лоши́ца* ‘молодая кобыла’, *невóрка* ‘овца по второму году’, *пе́рвосточка* ‘первые отелившаяся корова’; посуды, предметов быта: *рушні́к* ‘вышитое полотенце’, *карпе́тки* ‘вязаные носки’, *кви́ты* ‘искусственные цветы из воска или бумаги’, *маки́тра* ‘большой продолговатый глиняный горшок для хранения масла или солений’ и др.

Употребительны в русских островных говорах украинизмы, отличающиеся от русских соответствий некоторыми оттенками значений, не имеющие абсолютных синонимов в словарном составе русских переселенческих говоров: *коха́ть* ‘любить кого-нибудь’ (ср. русск. *любить*), *му́лить* ‘натирать, давить’ (об обуви, о глазе, когда в него попадет что-нибудь) (ср. русск. *натирать, давить*), *натра́пить* ‘случайно найти, встретить’ (ср. русск. *найти, встретить*) и т. п.

Для носителей русских говоров перечисленные слова – такие же близкие, свои, как и исконно южнорусские.

Большая генетическая и структурно-типологическая близость украинского языка и южнорусских диалектов способствует свободному проникновению украинских лексических элементов в русские островные говоры на уровне речи, так как их чужеродность русскими слабо ощущается, вследствие совпадения многих языковых черт и общих тенденций развития в обеих близкородственных лексико-семантических системах.

Активно усваиваются русскими переселенцами не только украинские элементы номинативного словарного фонда, но и экспрессивного. И это вполне закономерно. Ещё Л. П. Якубинский заметил: «в категории выразительных и изобразительных слов... постоянно имеют тенденцию возникать новые слова, которые либо более свежо и энергично удовлетворяют выразительным заданиям речи, либо по-новому отражают данное представление. В этих категориях слов происходит перманентное обновление, которое может осуществляться и за счет своего материала, и, в условиях взаимодействия с иноязычным населением, за счет иноязычного» [4: 15].

Лексическая система русских островных говоров активно впитывает украинские слова, обладающие экспрессией, так как они создают образное, живое представление об уже известных ранее русским предметам, явлениях, процессах окружающей действительности: *разгар-дия́ш* – беспорядок, *вытребе́ньки* – причуды, *ледацю́га* – лентяй, *перебе́ндя* – привередливый человек, *неоха́йный* – неаккуратный и мн. др. В результате в русских островных говорах появляется большое количе-

ство синонимических рядов. Особенно показательны в этом плане глаголы. Ср., например: *втя́мить* – *растелóпить* – *понять*, *пыта́ть* – *спра́шивать*, *вы́кохаться* – *вырасти*, *заплéнтаться* – *запутаться*, *зраде́ть* – *обрадоваться*, *жури́ться* – *печалиться* – *грустить*, *майну́ть* – *исчезнуть*, *подóбаться* – *нравиться*, *лушпа́рить* – *бить* (кого-либо), *шанова́ть* – *уважать* и т.п.

Наблюдения показывают, что заимствование экспрессивных слов из украинского языка и его говоров является одним из основных источников обогащения активного экспрессивного фонда русских островных говоров Юга Украины.

К заимствованиям, находящимся на периферии словарного состава говоров, относятся, во-первых, слова-историзмы, являющиеся единственными наименованиями вышедших из употребления, устарелых предметов быта и сельскохозяйственного производства (*верéття*, *ло́жник*, *чипи́цы*, *череві́ки*, *квάρта*, *о́ка* и др.), во-вторых, слова, которые употребляются гораздо реже русских эквивалентов и осознаются русскими как чуждые родному языку (*баты́г*, *га́нок*, *каби́ца*, *лан* и т. п.)

Русские островные говоры воспринимают украинские лексические элементы отнюдь не пассивно. В них постоянно происходит отбор получаемого из украинского языка и его говоров лексического материала. С одной стороны, активно усваиваются украинизмы, которые являются жизненно необходимыми в повседневном общении. Обозначая новые для русских предметы, понятия, явления, передавая тончайшие оттенки того или иного значения, эти слова обогащают словарный состав говоров. С другой стороны, русские островные говоры утрачивают те украинские элементы, которые отжили своё время в связи с выходом из употребления реалий, ими обозначаемых.

В русских островных говорах Юга Украины наблюдается не только функциональное, но и семантическое взаимодействие лексических единиц близкородственных контактирующих языков: русского и украинского.

Т. К. Черторижская справедливо подчёркивает: «Семантическое и функциональное взаимодействие лексических единиц двух или нескольких контактирующих языков относится к явлениям лексической интерференции в одном языке под влиянием другого в условиях межъязыковых связей» [3: 125].

«Явлениями лексической интерференции, – отмечает Ю. А. Жлуктенко, – следует считать все вызванные межъязыковыми связями изменения в составе лексического инвентаря, а также в функциях и употреблении лексико-семантических единиц, в их смысловой структуре» [2: 129]. Ю. А. Жлуктенко выделяет три основных типа лексической интерференции: заимствование, калькирование и семантическое изменение лексических единиц, которое «совершается полностью в плане содержания» [2: 152]. Этот тип лексической интерференции Ю. А. Жлуктенко называет семантической интерференцией. В русских островных говорах юга Украины широко представлены два типа лексической интерференции: заимствование и семантическое изменение лексических единиц, как иноязычных, так и исконных.

В русских островных говорах Одесщины значения слов, унаследованных из южнорусских говоров, нередко изменяются вследствие взаимодействия их с близкими по семному составу украинизмами. Так, расширение значения курского *ботві́на* ‘свекольная ботва’ (Халанск.: 14; Кард.: 245) в исследуемых говорах произошло под влиянием украинских соответствий, *ботві́на* ‘листья корнеплодов’ (Гр., т. 1: 39), *бутві́ння* ‘зелень, которую кладут в борщ: петрушка, лук, укроп и др.’ (Гр., т. 1: 116). Под воздействием более широкой семантики украинского слова изменилось значение южнорусского: *ботві́на* в исследуемых островных говорах не только стебли, ботва свеклы, но и картофеля, моркови, петрушки, укропа и т. п.

Семантическая интерференция способствует развитию в островных говорах синонимических отношений между заимствованными и исконно русскими словами.

Многочисленны в исследуемых говорах синонимы, образованные за счёт сближения по значению местных, общенародных и заимство-

ванных слов. Среди них выделяются синонимические пары, состоящие из украинского и русского слова: *обу́риваться* (укр. *обу́риватися*) – *возмущаться*, *тя́мить* (укр. *тя́мити*) – *понимать*, *охля́ть* (укр. *охля́ти*) – *похудеть*, *катова́ть* (укр. *катува́ти*) – *бить* и др. Стилистически нейтральными в таких синонимических рядах выступают русские слова, украинизмы отличаются не только большей степенью проявления признака, но и особой эмоционально-экспрессивной насыщенностью, присутствием коннотативных сем (ср.: *охля́ть* ‘очень похудеть’ – *похудеть*, *катова́ть* ‘сильно бить’ – *бить*) и т.п.

Взаимодействуя с семантическими эквивалентами и синонимами из украинского литературного языка и его говоров, русские слова, местные и общеизвестные, претерпевают различные изменения в своей семантике. Это вполне закономерно, ибо, как отмечает В. В. Виноградов, «...значение слова зависит... от конкретных лексических связей его с другими словами... от семантической соотнесенности этого слова с синонимами и вообще с близкими по значению и оттенками словами» [1: 6].

Заимствования из украинского литературного языка и его говоров играют существенную роль в лексико-семантической системе русских островных говоров Юга Украины. Они обогащают диалектную синонимику, позволяют конкретизировать отдельные жизненно важные понятия, разграничить оттенки значений южнорусских слов.

Наблюдения показывают, что влияние близкородственного языка на лексику русских островных говоров юга Украины многогранно. Оно заключается в том, что украинский язык способствует, во-первых, сохранению в них южнорусской лексики, общей с украинской, во-вторых, проникновению в активный словарный состав русских говоров значительного количества украинских литературных и диалектных слов номинативного и экспрессивного фонда, в-третьих, семантическому изменению отдельных южнорусских слов, в-четвертых, появлению в русских островных говорах заметного пласта дублетных и синонимических рядов, включающих исконно русские и украинские компоненты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова// Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3-30.
2. *Жлуктенко Ю. А.* Лексические аспекты двуязычия. – К.: Вища школа, 1974. – 176 с.
3. *Черторижская Т. К.* Взаимодействие русской и украинской лексики в русских произведениях Т. Г. Шевченко. – К.: Наукова думка, 1981. – 256 с.
4. *Якубинский Л. П.* Несколько замечаний о словарном заимствовании// Язык и литература. – Т. 1. – Вып. 1-2. – Л., 1926. – С. 7-15.

Список сокращений

- Гр.* – Гринченко Б. Словарь украинского языка. – Т. I-IV. – К., 1907-1909.
- Кард.* – Кардашевский С. М. Курско-орловский словарь// Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. – Т. 35. – Вып. 3. – М., 1956.
- Пр.* – Этимологический словарь русского языка/ Сост. А. Г. Преображенский. – М., 1958. – 1284 с.
- Халанск.* – Халанский М. Г. Сведения и заметки о говорах русского языка в северной части Путивльского уезда Курской губернии// Русский филологический вестник. – Т. XVI. – № 4. – СПб., 1886.

БОЛГАРИЗМЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

На территории Одесской области, в её юго-западной части, находится более 50 болгарских селений. История возникновения этих сёл тесно связана с историей заселения южной части Бессарабии, известной под названием Буджака (по-турецки Буджак – угол). Так этот край называли татары и турки, господствовавшие здесь в XV-XVIII вв. В результате освободительных войн России с Турцией Буджак в 1812 г. был присоединен к России.

По мере освобождения буджакских земель из-под власти турков и татар-ногайцев происходило их быстрое заселение украинцами и русскими, переселявшимися из внутренних губерний России, молдаванами, цыганами, гагаузами, а также иностранными колонистами: болгарскими, сербскими, немецкими, швейцарскими и др.

Первое массовое переселение болгар в эти края засвидетельствовано в 1769-1791 гг. В эти годы в освобожденных русской армией

крепостях Измаиле, Килии, Бендерах, Аккермане, в городах Кишиневе и Рени, а также в бывших татарских кишлаках и усадьбах Буджака поселилось до 2000 болгар, бежавших сюда от татарского гнёта [13: 5]. Наиболее значительное водворение болгар в эти края произошло между 1806 и 1812 гг. в результате победоносной войны России с турками.

В Буджаке в 1812 г. было уже около 2800 семейств болгар [13: 13], основавших здесь свои колонии и округа. Массовое переселение болгар в буджакские степи отмечалось также в 30-х гг. XIX в. В 1848 г. в 5 болгарских округах Бессарабии насчитывалось уже 92 колонии болгар, в которых проживало 87 864 человека [13: 39].

После присоединения Бессарабии к России царское правительство предприняло планомерное заселение пустующих бессарабских земель. В Бессарабию стали прибывать, кроме болгар, другие иностранные колонисты – сербы, поляки, немцы, швейцарцы. Одновременно в буджакские степи двинулись русские крестьяне из центральных областей России, а также украинцы, молдаване, гагаузы, цыгане.

Вследствие этого Буджак быстро приобрел своеобразную национальную пестроту, в значительной мере сохранившуюся и до наших дней.

Русские переселенцы, поселившись в Буджаке в начале XIX в., оказались в разноязычном окружении. По соседству с ними находились украинские, болгарские, молдавские, гагаузские села, а также немецкие колонии.

Между русскими, с одной стороны, и украинцами, болгарями, молдаванами, а также представителями других национальностей, с другой, имели место разного рода длительные контакты, экономические и культурные. Особенно тесными были контакты между славянами – русскими, украинцами и болгарями. Русские, украинцы и болгары активно торговали друг с другом, завязывали дружественные, а нередко и родственные взаимоотношения, обменивались опытом в выращивании хлебных и огородных культур, в разведении скота. Все это не могло не отразиться на славянских говорах, особенно на их

лексике, ибо она является «самым подвижным и проницаемым аспектом языка» [8: 247].

За время пребывания в отрыве от основного языкового и диалектного массива в разноязычном окружении словарный состав русских переселенческих говоров пополнился большим количеством заимствований из украинского, болгарского, молдавского и других языков.

Анализ заимствованных слов показывает, что большинство их воспринято из близкородственного украинского языка и его говоров, а также из родственного болгарского языка.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выделить в лексическом составе русских переселенческих говоров слова, заимствованные из болгарского языка, выяснить причины усвоения болгарских слов, исследовать особенности их семантического освоения, определить сферы их употребления, степень распространенности в русских переселенческих говорах, а также отметить некоторые особенности взаимодействия болгарских слов с русскими в системе говоров.

Долговременное непосредственное общение русских переселенцев с болгарскими способствовало в основном обогащению сельскохозяйственного словаря русских. Болгары, издавна занимающиеся огородничеством, передали русским следующие термины, связанные с возделыванием овощей: *градина* ‘большой колхозный огород’ (болг. *градина*), *градина́р* ‘огородник’ (болг. *градина́р*), *дула́п* ‘приспособление в виде большого колеса с сосудами из жести для полива огорода, водочерпалка’ (болг. *долáп*), *чарк* ‘колесо дулапа’ (болг. *чарк*), *калисти́рка* ‘небольшая мотыга’ (болг. *калисти́рка*), *каба́* ‘салатный лук’ (болг. *каба́ лук*), *рабажѝка* ‘мелкий семенной лук’ (болг. *арпаджѝк*), *красный патлажáн* ‘помидор’, *патлажáн* ‘баклажан’ (болг. *патладжáн*) и др.

Из болгарского языка русские говоры восприняли также ряд слов, относящихся к животноводству: *коч* ‘баран, оставленный на племя’ (болг. диал. *коч*), *мага́рь* ‘осёл’ (болг. *мага́ре*), *о́вен* ‘баран’ (болг. *овен*) и др.

Русские переселенцы заимствовали у болгар и некоторые бытовые термины: *каларма́* ‘мясное кушанье с острыми приправами’ (болг. *кавърма́*), *ма́нджя* ‘соус из баклажан, помидоров, перца и лука’ (болг. *ма́нджа*), *пастрома́* ‘вяленое, сушеное мясо’ (болг. *пастърма́*), *дува́р* ‘каменная стена’ (болг. *дувар*), *со́ба* ‘печь, отапливаемая со стороны сеней’ (болг. *со́ба*), *коли́ба* ‘собачья конура’ (болг. *коли́ба*), *гарафе́н* ‘графин’ (болг. *гара́фа*), *заку́ска* ‘завтрак’ (болг. *заку́ска*), *ро́кля* ‘длинное глухое платье тёмного цвета’ (болг. *ро́кля*), *запа́лка* ‘зажигалка’ (болг. *запа́лка*), *изво́р* ‘ключ, источник’ (болг. *и́звор*), *пане́ра* ‘широкая плетёная корзина для овощей или фруктов’ (болг. *пане́р*), *чипи́цы* ‘старинные женские башмаки’ (болг. *чепи́ци*) и др.

Слова болгарского языка, попадая в русские говоры, подвергались разнообразным видоизменениям в звуковом, морфологическом и смысловом отношении в соответствии с внутренним строем говоров, в говорах происходила фонетико-морфологическая и семантическая ассимиляция заимствований.

Процессы ассимиляции лексических заимствований заслуживают большого внимания. На это неоднократно указывал А. А. Потебня, подчеркивая, что дело не столько в том, что и от кого заимствуется на определенном этапе исторической жизни народа, сколько в том, во что заимствующий творчески перерабатывает заимствованное, что нового прибавляет, создает в процессе усвоения заимствования [3: 7].

Попадая устным путем в русские говоры, болгаризмы подвергались фонетическим изменениям, приспособляясь к фонетике воспринимających говоров. Фонетическое освоение болгаризмов выразилось в оформлении их по фонетическим нормам говоров, в замене некоторых специфических звуков сходными в акустико-артикуляционном отношении южновеликорусскими, в изменении гласных фонем в безударном положении и т. д.

Нередко слова болгарского языка усваивались русскими без особых фонетических изменений. Это объясняется акустико-артикуляционным сходством звуков русского и болгарского языков.

Лишь отдельные звуки болгарского языка отличаются от соответствующих русских, что и обуславливает фонетическую адаптацию болгарских слов русскими переселенческими говорами.

Для болгаризмов при переходе из языка-источника в исследуемые говоры характерны следующие основные субституты в области гласных:

1. Несвойственный русскому языку гласный заднего ряда среднего подъема [ɤ] замещается близким в акустическом отношении русским звуком [a]: *търга́* – *та́рга*, *кавърма́* – *каларма́*, *търпа́н* – *та́рпа́н* и др.
2. Болгарский неударный [o], приближающийся в произношении к гласному [y], субституируется русскими [y] или [o], произносимым как [a], так как русским говорам Одесской области свойственно полное аканье: болг. *коли́ба* – рус. гов. *кали́ба*, болг. *дола́п* – рус. гов. *дула́п*.
3. Безударный болгарский [e], приближающийся в произношении к [u], заменяется русским [u]: болг. *чепи́ци* – рус. гов. *чипи́цы*.
4. В болгарских словах, освоенных русскими, происходит изменение гласной фонемы <o> в безударном положении под влиянием характерного для наших говоров аканья: болг. *коли́ба* – рус. гов. *кали́ба*, болг. *чорба́* – рус. гов. *чарба́*.

В области консонантизма наблюдаются следующие субституции:

1. Болгарские «полумягкие» согласные перед гласными переднего ряда [e], [u] заменяются соответствующими мягкими: болг. *па[не́]р* – рус. *па[н'э́]ра*; болг. *пе[те́]л* – рус. *пе́[т'е]л*; болг. *о[ве́]н* – рус. *о́[в'е]н*; болг. *че[ни́]ци* – рус. *чи[n'и́]цы*.
 2. Аффриката [ц], бывающая в болгарском языке и твердой, и мягкой, замещается всегда твердой русской [ц]: болг. *чепи́ци* – рус. гов. *чипи́цы*.
 3. Звонкая болгарская аффриката [дж] нередко субституируется одиночным русским [ж]: болг. *патладжа́н* – рус. гов. *патлажа́н*.
- Морфологическое освоение болгаризмов заключается в их

оформлении по нормам грамматики русских говоров: в приобретении ими грамматических категорий, форм словоизменения и словообразования, характерных для этих говоров.

Из болгарского языка заимствовались, как правило, имена существительные. Как известно, для болгарских существительных характерно отсутствие падежных флексий и выражение падежных отношений аналитически, с помощью предлогов.

Попадая в русские говоры, существительные, заимствованные из болгарского языка, утрачивали аналитизм, приобретали парадигмы южновеликорусского склонения, начинали изменяться по падежам, получали южновеликорусские падежные окончания.

Распределение болгарских слов в говорах по родовой принадлежности осуществлялось в зависимости от их звуковой оформленности: существительные с основами на гласный – женского рода, с основами на согласный – мужского. Как правило, болгаризмы при переходе в русскую морфологическую систему не меняли своей родовой принадлежности. Исключение составляют слова *магáре* и *арпаджíк*. *Магáре*, являющееся в языке-источнике существительным среднего рода, переоформившись на русской почве в *магáрь*, стало существительным мужского рода; болгарское *арпаджíк* – существительное мужского рода, трансформировавшись в говорах в *рабажíка*, стало существительным женского рода.

Иногда при переходе имён существительных в новую языковую систему наблюдалось преобразование категории числа. Так, существительное *чепíк*, имеющее в болгарском языке единственное и множественное число, в русских говорах освоено только в форме множественного числа – *чипíцы* – превратилось в *pluralia tantum*.

Входя в грамматическую систему русских переселенческих говоров, болгаризмы, как правило, не изменяют своей принадлежности к той или иной части речи. Это не противоречит языковым законам.

В большинстве случаев заимствование происходит так, что при усвоении поступающее из другого языка слово обыкновенно остается

той частью речи, какой оно было на своей родной почве, – отмечает Л. А. Булаховский [4: 123]. Однако иногда при заимствовании слова всё же переводятся из одной части речи в другую. Так, болгарское прилагательное *каба́* (Чук.: 299) при переходе в русские переселенческие говоры субстантивировалось, стало употребляться как существительное женского рода *каба́* для наименования салатного лука (ср. в болг. *каба́ лук* ‘испанский лук’ (Чук.: 299)).

Анализ болгаризмов показывает, что большая часть их освоена русскими переселенцами с той же семантикой, в том же семантическом объёме, что и в языке-источнике. Это, в основном, однозначные слова, часто, выступающие в говорах в роли терминов, обозначающие бытовые и сельскохозяйственные реалии: *пастрома́* ‘вяленое, сушеное мясо’ (болг. *пастърма́*: Чук.), *кашкава́л* ‘овечий сыр’ (болг. *кашкава́л*: БТР; РСБКЕ), *чарба́* ‘похлёбка’ (ср. болг. *чорба́*: Мич.; БТР; РСБКЕ), *гарафе́н* ‘графин’ (ср. болг. *гара́фа*: Мич.; Чук.), *дува́р* ‘каменная стена’ (ср. болг. *дува́р*: Мич.; БТР; СС: 35; Чук.), *пане́ра*, *пане́рка* ‘большая широкая плетёная корзина для фруктов, овощей’ (ср. болг. *пане́р*, *пане́рка*: БТР; РСБКЕ; Мич.; Чук.), *ове́н* ‘баран’ (ср. болг. *ове́н*: Чук.; БТР), *пéтел* ‘петух’ (болг. *петéл*: СС: 36; ЭИЗ: 88), *рабажѝка* ‘мелкий семенной лук’ (ср. болг. *арпаджѝк*: БТР; Мич.; РСБКЕ), *тарпа́н* ‘серп для срезывания кукурузы, камыша’ (СС: 42; ЭИЗ: 98; болг. диал. *търпа́н*), *чаму́р* ‘смесь глины и соломенной резки, служащая для изготовления сырцовых кирпичей при постройке стен’ (болг. диал. *чаму́р*: ИКБ: 60; ЭИЗ: 130) и др.

Без изменения в семантике заимствовались, как правило, однозначные слова, в редких случаях двузначные, обладающие двумя близкими значениями: *наху́т* ‘1. бобовое растение, особый сорт мелкого гороха с тонкими продолговатыми стручьями; 2. плоды этого растения’ (ср. болг. *наху́т*: БТР; РСБКЕ; Чук.); *зарза́ла* ‘1. плодовое дерево, абрикос мелкоплодный; 2. плод этого дерева’ (ср. болг. *за́рзала*: БТР, РСБКЕ; Мич.).

Определенная часть заимствований из болгарского языка претерпела на русской почве семантические изменения. Наблюдения показывают, что в заимствованиях происходят те же изменения значений, что и в словах исконных, а именно: сужение и расширение значений. Это вполне закономерно, ибо, как отмечает Р. А. Будагов, «...в языке процессы сужения и расширения значений наблюдаются всегда, выступают как общий закон его семантики» [2: 112-113]. Однако необходимо отметить, что в заимствованных словах расширение значений происходит реже, чем сужение. «В подлинных заимствованиях наиболее замечательное семантическое явление – это специализация значения» [6: 138].

Весьма характерным процессом, наблюдаемым при семантической ассимиляции иноязычных слов, является вхождение многозначных в языке-источнике слов в заимствующий язык только в одном из своих значений, причем в самом конкретном. Ю. С. Сорокин так говорит об этой особенности заимствованных слов: «заимствованные слова часто характеризуются смысловой одноплановостью, однозначностью. Они склонны к терминологизации, т. е. выступают в заимствующем их языке как прямые знаки известных предметов и понятий. Вовлекаясь в орбиту другого языка, они отрешаются от того широкого круга разнообразных значений, который присущ им в языке-источнике, оказываются лишенными «внутренней формы», уединяются в одном особом специфическом значении» [16: 59].

Из болгарских говоров только в одном из своих значений в русские говоры вошли многозначные слова: *магáре*, *петéл*, *сóба*, *закúска*, *íзвор* и др. В наших говорах *магáрь* ‘осёл’, в болгарских – *магáре* не только ‘осёл’, но и переносное пренебрежительное ‘тупица, болван (о человеке)’, а также ‘кобылка на скрипке’ и ‘козлы для пиления дров’ (Чук.; Мич.).

Слово *пéтел* (болг. *петéл*) служит в русских переселенческих говорах для наименования петуха. В болгарском *петéл* не только ‘петух’, но и ‘тетерев’. Кроме того, болгары употребляют слово *петéл* в переносном смысле, синонимичном русскому ‘глухая тетеря (о чело-

веке)’, *петёл* функционирует также у болгар как наименование строптивного человека (БТР).

Болгарское *запáлка* ‘1. зажигалка; 2. воен. приспособление, служащее для взрыва мины или снаряда’ (БТР, РСБКЕ) – усвоено переселенцами лишь в значении ‘зажигалка’. Болгарское *заку́ска* ‘1. завтрак; 2. действие по значению глагола закусить; 3. кушанья, употребляемые перед обедом для возбуждения аппетита или для заедания выпитого вина, водки’ (БТР; РСБКЕ) – заимствовано только в значении ‘завтрак’; болг. *íзвор* ‘1. ключ, родник, источник; 2. начало реки; 3. перен. научные, художественные и др. произведения, откуда берёт материал для своих исследований ученый’ (БТР) – у русских переселенцев *изво́р* только ‘ключ’, ‘родник’.

Приведенный материал свидетельствует, что полисемантические болгаризмы входили в русские переселенческие говоры лишь в одном из своих значений, причем первичном, номинативном, переносные, специальные значения не усваивались. Не усваивались и те значения, для которых в русских говорах были свои слова, ср.: болг. *мага́ре* в значении ‘приспособление для пиления дров’ – рус. *ко́злы*.

Наряду с сужением смыслового объёма полисемантических слов, с закреплением их в русских говорах лишь в одном из своих значений происходило, правда, гораздо реже, сужение семантики в результате конкретизации в русских говорах понятий, обозначенных этими словами. Болгаризмы, обозначающие в языке-источнике общие понятия, более или менее широкие, начинали употребляться в русских говорах в конкретном, более определённом значении. Так, в болг. гов. *хазма́н* ‘всякое кастрированное животное’ [17: 96], в рус. гов. только ‘холощёный баран’, болг. *ма́нджа* ‘кушанье вообще’ (Чук.; Мич.; БТР; РСБКЕ), в рус. гов. *ма́нджа* ‘особый вид кушанья: густой постный соус из помидоров, баклажанов, перца и лука’, болг. *раки́я* ‘всякая плодовая водка’ (Мич.; БТР), в рус. гов. *раки́я* только ‘сливовая водка’, болг. *ро́кля* ‘всякое женское платье вообще’ (БТР; РСБКЕ; Чук.), в рус. гов. *ро́кля* ‘платье особого покроя, строгое, глухое, обычно

тёмного цвета’, болг. *чепи́ци* ‘всякие башмаки, полуботинки вообще’ (Чук.), у русских *чипи́цы* ‘особого вида старинные женские башмаки с резиновыми ушками’.

Нередко в процессе заимствования болгарские лексемы претерпевали на русской почве и «двойное» сужение семантики: слово усваивалось не в полном объёме значений, а только в одном из них, причем это значение в свою очередь сужалось, конкретизировалось. Например, многозначное болгарское *градина*, употребляемое в языке-источнике и его говорах в значениях: ‘1. сад’; ‘2. огород’ (Мич.; РСБКЕ; ТВШ); ‘3. городской сад’ (РСБКЕ), освоено русскими только в одном, при этом суженном значении как название большого колхозного огорода за селом (огород возле дома именуется южнорусским термином *город*). Болгаризм *коли́ба*, обладающий в языке-источнике значениями ‘1. хижина, шалаш, домишко, лачуга; 2. навес из жердей, покрытых соломой, тростником и т. п.’ (РСБКЕ; Мич.) воспринят лишь в первом и к тому же суженном значении: служит наименованием собачьей конуры. Слово *со́ба*, являющееся в болг. гов. наименованием всякой печи вообще и, кроме того, комнаты с печью, употребляется русскими только для обозначения особого вида печи, служащей для отапливания соседней комнаты.

Иногда отмечалось заимствование лишь одного значения, одной семантики, без заимствования звучания, формы слова, вследствие чего русские слова обогащались семантически. Происходило это в том случае, если в русских говорах имелось адекватное по звучанию с болгарским слово. Так, русским переселенцам издавна известно слово *заку́ска* в значениях: ‘1. действие по значению глагола закусить; 2. кушанья, употребляемые перед обедом для возбуждения аппетита или для заедания выпитого вина, водки и т. п.’ В болгарском адекватное по звучанию русскому *заку́ска* более объёмно по значению, ибо, помимо значений, известных в русском языке, оно употребляется как наименование завтрака. Русские переселенцы заимствовали это значение для своего слова *заку́ска* у соседей-болгар.

По характеру употребления в говорах заимствованные из болгарского языка слова неодинаковы. Одни из них вошли в широкое повседневное употребление, другие – в настоящее время уже стали архаизмами, периферийными в словарном составе русских говоров. По степени употребительности в исследуемых говорах болгаризмы делятся на две группы. В первую входят активно функционирующие слова. Вторую составляют заимствования, находящиеся на периферии словарного состава переселенческих говоров.

Первую группу представляют в основном болгаризмы, не имеющие соответствий в русском языке, обозначающие особенности быта и хозяйства болгар. Это так называемые «заимствования, связанные с предметными новшествами» (по терминологии А. М. Селищева [12]), слова, принесшие с собой новые для русских переселенцев понятия. Сюда относятся: *нахút*, *зарзáла*, *патлажáн*, *мáнджя*, *калармá*, *пастрамá*, *кашкавáл*, *магáрь* и др.

Повсеместное распространение в русских сёлах имеют также болгаризмы, дифференцирующие, конкретизирующие определенные понятия, издавна известные русским: *градíна* ‘большой колхозный огород’ (детализированное название огорода), *коч* ‘баран, оставленный на племя’, *газмáн* ‘холощёный баран’ (детализированное название животного), *рабáжика* ‘мелкий семенной лук’, *кабá* ‘салатный лук’ (детализированное наименование лука), *сóба* ‘печь, отапливаемая из сеней’ (детализированное название печи), *панéра* ‘большая широкая корзина для овощей и фруктов’ (детализированное наименование корзины) и т. п.

Для носителей говоров все перечисленные слова – такие же близкие, «свои», как исконно южновеликорусские. Входя в активный словарный запас каждого местного жителя, они не уступают по употребительности в повседневном общении наиболее употребительным местным. Обозначая новые для русских предметы, понятия, явления, передавая тончайшие оттенки того или иного значения, эти слова обогащают словарный состав говоров.

К болгаризмам, находящимся на периферии словарного состава русских говоров, принадлежат слова-историзмы, являющиеся единственными наименованиями уже вышедших из употребления, устаревших предметов быта и сельскохозяйственного производства. Например, *дула́н* ‘поливная машина в виде большого колеса с подвешенными к ней вёдрами, используемая ранее для полива больших огородных участков’, *чарк* ‘колесо дулапа’, *читі́цы* ‘старинные башмака с резиновыми ушками’, *тарпа́н* ‘серп для срезывания кукурузы, камыша’ и др.

Заимствования из болгарского языка чаще всего проникали в русские говоры Одесской области вместе с новыми предметами и понятиями, ранее неизвестными русским переселенцам. В. Г. Белинский писал: «Изобретать свои термины для выражения чужих понятий очень трудно, и вообще этот труд редко удаётся. Поэтому с новым понятием, которое один (народ – Л. Б.) берёт у другого, он берёт и самое слово, выражающее это понятие. В этом действии видна справедливость: как бы в награду за понятие, рождённое народом, переходит к другим народам и слово, выражающее это понятие» [1: 60].

Заимствования вместе с новой вещью, новым явлением, понятием часто называют „культурными“ заимствованиями [5: 213; 15: 18; 11: 2]. К заимствованиям такого рода из болгарского языка в наших говорах относятся названия новых предметов, явлений, понятий, вошедших в быт русских переселенцев в период их жизни в тесных дружеских контактах с соседями-болгарами. Поселившись в новых краях, русские заимствовали у болгар прежде всего слова, связанные с разведением и обработкой огородных культур. Болгары издавна славились как умелые огородники, овощеводы. Переселившись в Буджак, они стали выращивать овощи на больших орошаемых массивах. А. Скальковский, известный этнограф и статистик Новороссийского края, в 1853 году писал: «Лет 20 назад во всей Новой-России капуста и другие огородные овощи были столь же редки, как георгины или китайские розы. Теперь, благодаря болгарам, рынки Одессы и других городов полны отличною зеленью: и не одни арбузы, дыни да

огурцы являются на базарах Новороссии, а капуста огромных размеров, двух или трёх фунтовые свеклы, помидоры, патлажаны, разного рода нежные тыквы, прас, толщиной в вершок и т. п. [...] От Одессы на сто вёрст кругом, на всякой болке, над всяким почти родником, видишь высокое колесо и от него многими лучами тянущиеся желоба: это египетские сакие, устроенные болгарами для поливки баштанов и огородов» [14: 21-22].

Болгары щедро делились богатым опытом по возделыванию овощей со своими соседями – русскими, украинцами, молдаванами. Естественно, что в русские говоры стали проникать болгаризмы, связанные с обработкой и выращиванием огородных культур, обозначающие новые для русских реалии. Это упоминавшиеся уже *дула́п* (болг. *градинарски долáп*, болг. диал. *дула́п*) ‘водочерпалка, машина в виде большого колеса с вёдрами из жести для полива больших огородных массивов’ (наличие поливных машин-дулапов в хозяйстве болгар отмечает Л. В. Макарова [9: 26]), *чарк* (болг. *чарк* – колесо-маховик) ‘большое колесо дулапа, к которому прикрепляется цепь с вёдрами для полива огородов’, *рабажѹ́ка* (болг. *арпаджѹ́к*) ‘мелкий семенной лук’, *патлажáн* (болг. *патладжáн*) ‘1. помидор; 2. баклажан’, *нахѹ́т* (болг. *нахѹ́т*) ‘особый сорт гороха с узкими длинными стручьями’ и др.

Помимо огороднической терминологии, русские заимствовали у болгар отдельные бытовые лексемы, а также ряд слов, относящихся к животноводству: *ма́нджя* ‘густой постный соус из баклажан, помидоров, перца и лука’, *каларма́* ‘мясное кушанье с острыми приправами’, *пастрома́* ‘вяленое, сушёное мясо’, *мага́рь* ‘осёл’, *панэ́ра* ‘широкая плетёная корзина’ и др.

Утверждению этих слов в каждомдневном словаре русских способствовало не только отсутствие для них семантических эквивалентов в исследуемых говорах, но и практическая потребность в них: все эти слова обозначают предметы и понятия, с которыми русские сталкивались ежедневно как в быту, так и в практической деятельности.

Характерно, что многие из этих слов заимствованы у болгар также жителями соседних украинских сёл, ибо для украинцев, как и для русских, они являются наименованиями новых предметов и понятий [7; 10].

Общепризнано, что говорам свойственна тенденция к детализации, конкретизации отдельных предметов, явлений и понятий. Интересно, что эта тенденция даёт о себе знать и при отборе заимствуемых слов. Наблюдения показывают, что очень часто носителями говоров заимствуются именно те слова, которые дифференцируют, конкретизируют определенные понятия, известные в говорах. Так, средством конкретизации, детализации отдельных понятий в русских переселенческих говорах, служат следующие воспринятые из болгарского языка слова: *градина* ‘большой колхозный огород за селом’, *каба́* ‘крупный салатный лук’, *рабажѹ́ка* ‘мелкий семенной лук’, *раки́я* ‘сливовая водка’, *газмáн* ‘холощёный баран, откармливаемый на мясо’, *сóба* ‘особого вида печь для отапливания соседней комнаты’, *чипѹ́цы* ‘старинные женские башмаки с резиновыми ушками’, *калистѹ́рка* ‘небольшая мотыга’ и др.

Заимствования из болгарского языка играют существенную роль в лексико-семантической системе русских говоров Одесской области. Они обогащают местную синонимику, позволяют конкретизировать некоторые понятия, разграничить оттенки значений.

Укореняясь в русских говорах, болгаризмы вступают в лексико-семантические связи с русскими местными и литературными словами, что приводит к появлению в переселенческих говорах большого количества дублетов и синонимов: *градина* – *горóд*; *пéтел* – *петух* – *кóчет*; *óвен* – *баран* – *хазмáн* – *коч*; *куркáн* – *индюк*; *дува́р* – *стена*; *ро́кля* – *платье*; *мага́рь* – *осёл*; *сóба* – *печь*; *калистѹ́рка* – *сапа́* и др. Анализ дублетных наименований показывает, что они, как правило, являются только смысловыми дублетами, дублетами по значению, отличаясь друг от друга степенью и сферой употребления.

По степени употребительности компонентов в группе дублетов,

состоящих из болгарского и русского слова, выделяются, во-первых, дублиеты с преобладанием в употреблении русского компонента: *кóчет* – *петух* – *пéтел* (в данном синонимическом ряду более употребительным является диалектное *кóчет*), *баран* – *óвен*; *стена* – *дувáр*; *бревно* – *грíнда*; *платье* – *рóкля*; *юшка* – *чарбá*; во-вторых, дублиеты с более употребительным болгарским компонентом: *коли́ба* – *конура*, *куркáн* – *индюк*, *магáрь* – *осёл* и др.

Широкая употребительность в русских говорах болгаризмов *куркáн*, *коли́ба*, *магáрь*, семантически эквивалентных менее употребительным русским соответствиям – *индюк*, *конура*, *осёл*, несомненно, поддерживается активным функционированием названных болгарских слов также в украинских говорах, носители которых – близкие соседи русских переселенцев.

Обычно местные жители дают оценку дублиетам как «старым» или «новым», «чужим» или «своим» и т. п. В результате такой стилистической дифференциации появляются стилистические синонимы: *пéтел* – *петух* – *кóчет*; *óвен* – *баран*; *дувáр* – *стена* и т. п.

В отдельных случаях синонимы появляются в результате семантической дифференциации слов дублетной пары. Так, южновеликорусское *горóд* ‘огород’, столкнувшись с болгарским эквивалентом *градíна*, претерпело изменение семантики, стало употребляться в значении ‘огород возле дома’. В результате взаимодействия с южновеликорусским *горóд* семантически изменилось и болгарское *градíна*. В болгарском – *градíна* ‘всякий огород’, в наших говорах – только ‘большой колхозный огород’.

Интересно заимствование в исследуемые говоры болгарских омонимов *патладжáн* ‘баклажан’ и *патладжáн* ‘помидор’, освоенных русскими в звучании *патлажáн*. Оба омонима были весьма употребительными в говорах, что, естественно, создавало препятствия в общении. Ликвидировать эти препятствия помогли постоянные, закрепленные в повседневном употреблении определения *красный* и *синий* к слову *патлажáн*, что привело к образованию устойчивых

словосочетаний *красный патлажџан* и *синий патлажџан*. Для обозначения помидоров местные жители стали употреблять словосочетание *красные патлажаны*, для обозначения баклажанов – *синие патлажаны*. Уже после усвоения заимствований *патлажџаны* ‘помидоры’ и *патлажџаны* ‘баклажаны’ переселенцами было воспринято литературное слово *помидоры*. В этих условиях произошло расщепление значения последнего. Помидорами стали называть не только помидоры, но и баклажаны. Подобно болгаризмам, литературное *помидоры* дифференцировалось с помощью определений: словосочетание *красные помидоры* стало обозначать помидоры, *синие помидоры* – баклажаны. Под влиянием литературного языка словосочетание *красные помидоры* в последние годы стало употребляться реже, определение *красные* при наименовании помидоров стало опускаться. Словосочетание же *синие помидоры*, обозначающее баклажаны, ещё удерживается в говорах (У нас кажут памидоры, па-старынски, краснии патлажаны. Синии памидоры дюжи вкуснии, када на алеи пажариш). Словосочетание *красные патлажаны* с появлением в словаре местных жителей литературного эквивалента *помидоры* стало архаизироваться, вытесняться литературным словом. Это вполне закономерно, так как в данном случае между словом и словосочетанием существует семантическое тождество, что обычно приводит к вытеснению расчлененного наименования, выраженного словосочетанием, семантически тождественным словом. Таков закон развития всякой лексики вообще.

Характерно, что в болгарском языке происходило разграничение омонимов *патладжџан* ‘помидор’ и *патладжџан* ‘баклажан’ первоначально также при помощи определений *син* и *червџен*. В настоящее время для наименования помидор употребляется слово *домџт*, для обозначения баклажан по-прежнему функционирует *патладжџан* (РСБКЕ, БТР).

Большинство болгарских заимствований, зафиксированных в русских говорах Одесской области, известны не только болгарским

диалектам, но и болгарскому литературному языку, некоторые литературному языку не знакомы, встречаются только в диалектах. Сюда, в частности, относятся лексемы *газмáн* (в болг. гов. *хазмáн*) (ТВШ: 96; СС: 45), *коч* (ЭИЗ: 104), *тарпáн* (ЭИЗ: 100; СМ: 165; ХВ: 56), *каллистíрка* (ЭИЗ: 99), *куркáн* (ЭИЗ: 88), *грíнда* (Мич.), отмеченные во фракийских говорах болгарского языка, а также в восточноболгарских говорах на территории Одесской области, соседящих с русскими переселенческими.

Определенная часть заимствований из болгарского языка, бытующих в исследуемых русских говорах, этимологически восходит к тюркским прототипам: *дулáп*, *чарк*, *чамúр*, *нахúт*, *кабá*, *газмáн*, *тарпáн* и др. Однако заимствование их русскими непосредственно из турецкого или татарского языков маловероятно с точки зрения историко-экономических отношений. Подтверждением того, что эти слова вошли в русские говоры непосредственно из болгарских, являются исторические и этнографические данные, а также многочисленные свидетельства коренных жителей русских сёл Одесщины.

Наблюдения над болгарскими заимствованиями в русских переселенческих говорах Одесской области позволяют сделать следующие выводы:

1. Долговременное существование русских говоров в соседстве с родственными болгарскими, естественно, привело к тому, что словарный состав русских переселенческих говоров пополнился заимствованиями из болгарского языка, главным образом, в сферах бытовой и сельскохозяйственной. Этому способствовали длительные дружеские контакты, экономические и культурные, между русскими переселенцами и их соседями болгарскими.

2. Заимствования из болгарского языка попадали в русские говоры исключительно устным путем. Включаясь в лексико-семантическую систему русских говоров, они претерпевали фонетические, морфологические и смысловые изменения в соответствии с внутренним строем говоров.

3. Чаще всего заимствования из болгарского языка проникали в русские говоры вместе с новыми явлениями, предметами, понятиями, ранее неизвестными русским переселенцам. В словарный состав русских говоров вошло также немало болгарских слов, служащих средством дифференциации, конкретизации некоторых общих понятий.

4. Взаимодействие болгарских слов с русскими диалектными и литературными привело к появлению в говорах большого количества дублетных и синонимических образований, компоненты которых отличаются друг от друга функционально, степенью и сферой употребления, стилистической окраской, а иногда и семантически, оттенками значений.

5. Исследование заимствований из болгарского языка в русских переселенческих говорах Одесской области даёт ценный материал для русской и болгарской диалектологии и лексикологии, а также этнографии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. – Т. IX. – М., 1955. – С. 60.
2. *Будагов Р. А.* К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике// Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. X. – Вып. 2. – М., 1951.
3. *Булаховский Л. А.* Александр Афанасьевич Потемня (К 60-летию со дня рождения). – К., 1952. – 43 с.
4. *Булаховский Л. А.* Введение в языкознание. – Ч. II. – М., 1953. – 177 с.
5. *Вандриес Ж.* Язык. – М., 1937. – 410 с.
6. *Доза А.* История французского языка. – М., 1956. – 472 с.
7. *Дроздовський В. П.* Болгаризми в українських говірках// Тези доповідей IV міжвузівської республіканської конференції. – Одеса, 1961. – С. 59-62.
8. *Звегинцев В. А.* Очерки по общему языкознанию. – М., 1962. – 327 с.
9. *Макарова Л. В.* Сельская община у болгар в XIX в.// Славянский этнографический сборник. – Т. 62. – М., 1960.
10. *Москаленко А. А.* Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. – Одеса, 1958. – 76 с.
11. *Огиенко И. И.* Иноземные элементы в русском языке. – К., 1915. – 186 с.
12. *Селищев А. М.* Славянское население в Албании. – София, 1931. – 352 с.
13. *Скальковский А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Статистический очерк. – Одесса, 1848. – 156 с.
14. *Скальковский А.* Опыт статистического описания Новороссийского края. – Ч. II. Хозяйственная статистика Новороссийского края. – Одесса, 1853. – 552 с.
15. *Соболевский И. А.* Русские заимствованные слова. – СПб., 1891. – 152 с.

16. *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е – 90-е гг. XIX века. – М.-Л., 1965. – 564 с.
17. *Швецова Т. В.* Материалы для словаря болгарских говоров СССР. Словарь говора села Твардицы МССР// Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. – Вып. 2. – М., 1952. – С. 96.

Список сокращений

- БТР* – Български тълковен речник/ Сост. Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчевъ и др. – 3 изд. – София, 1973. – 1133 с.
- ИКБ* – Бунина И. К. Лексический состав говора Ольшанских болгар// Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР, вып. 3. – М., 1953. – С. 60.
- Мич.* – Мичатек Л. А. Дифференциальный болгарско-русский словарь. – СПб., 1910. – 778 с.
- РСБКЕ* – Речник на съвременния български книжовен език. – Т. I-III. – София, 1955-1959.
- СМ* – Младенов Ст. Словарь, приложенный к статье в Тракийском сборнике. – Кн. VI. – София, 1941.
- СС* – Стойко Ст. Говор села Твырдицы (Сливенской околии в Болгарии) и села Твардицы (Молдавской ССР)// Статьи и материалы по болгарской диалектологии. – Вып. 8. – М., 1958.
- Чук.* – Чукалов С. Българско-руски речник. – София, 1957. – 1191 с.
- ТВШ* – Швецова Т. В. Материалы для словаря болгарских говоров СССР. Словарь говора села Твардицы МССР// Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР, вып. 2. – М., 1952. – С. 96.
- ХВ* – Вакарелски Хр. Изрази за примамване и отпъждане на някои домашни животни// Сборник на БАН. – Кн. XXXI. Историко-филологически клон. – Кн. 17. – София, 1937. – 641 с.
- ЭИЗ* – Зеленина Э. И. Словарный состав суворовского говора// Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. – Вып. 8. – М., 1958.

НАИМЕНОВАНИЯ ПИЩИ В РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРАХ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В РАЗНОЯЗЫЧНОМ ОКРУЖЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКИХ ГОВОРОВ ОДЕСЩИНЫ»)

Общепризнано, что пища занимает важное место в традиционно-бытовой культуре любого народа; по сравнению с другими объектами материальной и духовной культуры она сохраняет этническое своеобразие, выработанные многими поколениями устойчивые традиции

и в то же время является открытой сферой постоянного пополнения новыми реалиями повседневного быта. Предметом нашего внимания является лексика, связанная с пищей, в русских переселенческих говорах Одесщины. В речи носителей русских говоров, по данным «Словаря русских говоров Одесщины», выделяется довольно большая группа диалектных слов, связанных с продуктами питания и пищи. Наша задача – проанализировать диалектные наименования пищи в семантическом, этнолингвистическом и сравнительно-сопоставительном аспектах, выделить среди них лексемы, унаследованные от материнских, южнорусских диалектов и слова, заимствованные из соседних языков, на протяжении длительного времени контактирующих с русскими говорами: украинского, болгарского, молдавского, установить причины устойчивости исконных и заимствованных слов в лексико-семантической системе русских переселенческих говоров, бытующих на Юге Украины, определить особенности их функционирования.

В русских говорах Одесщины сохраняются названия многих традиционных продуктов питания и блюд. Общим наименованием продуктов питания, еды в переселенческих говорах является слово *харчі*: *Харчі переменные: сиводня адно варю, завтра – друубо́я. Харчі туперича харо́шыи. Приё́дит дочка з уораду, вазьме́ть харче́й, дам ей мясушка, але́и, яиц.* Производными от слова *харчі* в исследуемых говорах являются лексемы *харчи́ться* ‘кормиться, есть’ (Лапшо́вник кладёш у чашку и харчу́есся) и *харчувáться* в том же значении (Харчувáлись тада плоха). Слово *харчі* и производные от него образования распространены во многих южнорусских говорах (Д., IV: 542). Е. Будде записывает *харч* ‘кушанье, еда’ в Орловской губернии (Буд.: 141), Ф. И. Поликарпов – в Воронежской (Поликарп.: 70 – «*харч* – пища»). Известно слово *харчі* в этом значении также старообрядческим южнорусским говорам на территории Буковины [14: 43] и Северной Молдовы [6: 171].

Для обозначения родового понятия ‘кушанье’ в исследуемых русских говорах употребляется слово *стра́ва*: *Раньшы стра́вы меньшы*

была. *Стра́ва добрая була, скаротная: масла, малако, мяса. Вутрам нада мне стра́ву уатовить. Нончи будить читьри стра́вы.* Слово *стра́ва* у В. Даля сопровождается локальными пометами «зап. пск. юж. орл. нврс.» (Д., IV: 344), фиксируется в говорах западнобрянских, вологодских, псковских (КСРНГ), смоленских (Добр.: 880). В старообрядческих говорах Одесщины оно означает не только ‘кушанье’, но и ‘блюдо, отдельное кушанье из числа составляющих обед, завтрак или ужин’ (На свадьби подавали семь стра́в. Нончи будить читьри стра́вы), а также ‘приправа к кушанью’ (Талчѣники – эта када берут кручёное мяса, туды чеснока, стра́вы и жарють (СРГО, т. 2: 195). В значении ‘кушанье, блюдо, пища, еда’ слово *стра́ва* представлено в украинском литературном языке (УРС, V: 523). Лексема *стра́ва* бытует и в украинских говорах Одесщины, соседящих с русскими. В значении ‘продовольствие, довольствие’ лексема *стра́ва* отмечена в письменных древнерусских памятниках (Ср., III: 530). *Стра́ва* – общеславянское слово. М. Фасмер возводит его к праславянскому **strava*, связанному с *трава*, *травить* и отмечает в укр., блр. *страва*, чеш., словц. *strava*, польск. *strawa*, *potrawa* (Фасмер, III: 770). Синонимом к слову *стра́ва* выступает употребляемое только в речи старых жителей некоторых старообрядческих поселений Одесщины этимологически прозрачное слово *кушані́на* ‘еда’, причем не только варёная, но и всякая вообще: *Кушані́на разная у мене – и пахлепка, и каша. Вот у кадушках кушані́на* (СРГО, т. 1: 279). С пометами кур. вор. это слово в значении ‘еда, кушание’ фиксирует «Словарь русских народных говоров» (СРНГ, вып. 16: 194).

Для наименования горячих жидких блюд русские употребляют слово *ва́рево*. Производное от него *варна́я* в сочетании *варна́я кухня* ‘кухня, где готовят еду’ зафиксировано в речи русских-старообрядцев села Старая Некрасовка: *В варно́й кухни мы варим* (СРГО, т. 1: 68). Со значением ‘приварок’ *ва́рево* включено В. Резановым в список особенных слов и выражений Обоянского уезда Курской губернии (Рез.:

69). Видовыми названиями *в́арева* в русских говорах выступают как общеизвестные слова *суп, борщ, похлебка, щи, уха*, так и диалектные *юх́а, ю́шка, кандёр, тюр́я, кул́еш* и др.

Слово *кандёр* зафиксировано в русских говорах Одесщины в значении ‘густой суп из пшенной крупы с салом и луком’ (СРГО, т. 1: 251). *Кандёр* отмечено в значении ‘кулеш или жидкая каша из пшена’ в воронежских, брянских, орловских, калужских, донских, красноярских, кубанских, гродненских диалектах (СРНГ, вып. 14: 246). В смоленских говорах *кандёр* ‘крупник’ (Добр.: 310). О. Н. Трубачёв отмечает, что русские говоры, которым известно слово *кандёр*, «в географическом отношении... образуют широкий пояс, примыкающий с севера к территории украинского языка. Украинскому языку и его диалектам известна форма *кандьор* ‘жидкая кашица из круп или пшена’, которая более или менее широко употребляется, судя по записям диалектологов, в киевско-полтавских говорах, на Харьковщине, Поднепровье и Херсонщине, то есть в общем по соседству с областью распространения слова *кандёр* на территории русского языка» [16: 10]. Словари украинского языка включают лексему *кандьор* без локальных помет (СУМ, IV: 88; УРС, II: 36; РУС, I: 571). О. Н. Трубачёв, отвергая точку зрения М. Фасмера на происхождение существительного *кандёр* из польского *kędzior* ‘завиток волос, хлопья’ (Фасмер, II: 179), считает его экспрессивным образованием, возникшим в результате своеобразного сложения корня *-дер-* (глагол *драть* часто употребляется при описании приготовления каш и других блюд, ср. каша из *ободранного* ячменя, похлёбка из *ободранного* пшена) и особого префикса *кан-*, встречающегося лишь в экспрессивных образованиях. Ср.: украинское *кандзю́ба* ‘кривизна, крючок’, *канди́ба* ‘кляча’, а также зафиксированное в речи старообрядцев села Старая Некрасовка экспрессивное слово с отрицательной коннотацией *кандыба́л* ‘невкусное питьё, еда’: *Налила мне кандыба́лу какоуа-та*. О. Н. Трубачёв пишет: «Образование совершилось, вероятно, на почве украинского языка и затем распространилось в русских диалектах» [16: 11]. Слово *кандёр* попало, вероятно, в русские говоры

Одесщины из соседних украинских говоров. В настоящее время лексема *кандёр* выходит из употребления, находится на периферии словарного состава русских переселенческих говоров.

Общерусское *тю́ря* означает в русских говорах Одесщины ‘кушанье из хлеба или сухарей, размоченных в воде’. С такой же семантикой, по данным КСРНГ, лексема *тю́ря* широко распространена в русских говорах, в том числе донских, курских, орловских. Ср. также костромское *тю́ря* (Опыт: 235). А. И. Сахаров отметил в Орловских говорах глагол *тю́рить* в значении ‘крошить’ [13: 42]. Русскому *тю́ря* и белорусскому *цюрэ* в украинском соответствует *тетэ́ря* (РУС, III: 492). О. Н. Трубачёв считает, что *тю́ря* – относительно новое заимствование из литовского (лит. *ture* – ‘жидкая каша’) [16: 11].

В значении ‘рыбная уха’ в исследуемых русских говорах функционируют лексемы *юха́*, *юшка*, *щербá*. Слово *юшка* употребляется также для названия всякого навара вообще, жидкой части всякого кушанья. В этом же значении с пометой обл. лексема *юшка* зафиксирована ССРЛЯ (т. 17: 2011), в значении ‘уха рыбная’ с пометой кур. в «Опыте областного великорусского словаря» (Опыт: 270). Старообрядцы Одесщины уху называют *щербóй*: *Из рыбы щербóу варили. Са свежый рыпки щербá слаткая* (СРГО, т. 2: 286). С этой же семантикой слово *щербá* включено в «Опыт областного великорусского словаря» с пометами *сев.*, *вост.*, *вор.*, *тмб.*, *волог.*, *оренб.*, *татар.* У Даля *щербá* имеет локальные пометы *сев.*, *вост.*, *вор.*, *тмб.* (Д., IV: 655).

В значении ‘окрошка’ русские переселенцы употребляют унаследованное из материнских южнорусских говоров слово *квас*: *Квас – эта па-вашаму акрошка*. В этом же значении *квас* с пометами *Кур.*, *Ворон.*, *Пск.*, *Ряз.* отмечено в СРНГ (вып. 13: 158). В старообрядческом селе Демидово Березовского района Одесской области *квас* не только ‘окрошка’, но и ‘постный суп из фасоли и других овощей’: *Патом варили квас с лукам, фасолью, другими аващами*. (СРГО, т. 1: 257).

В качестве первого и второго блюда русские нередко использовали в прошлом *з́атирку* или *затиру́ху* ‘жидкое кушанье из сваренных в воде или в молоке мелких шариков из пшеничной муки’: *З́атирку делали из белой пшеничной муки. На абет уатовим з́атирку. Кромѣ затиру́хи, н́ечава и пасне́дать* (СРГО, т. 1: 228). В этом же значении *з́атирка* бытует в курских, орловских, донских, смоленских и других южнорусских говорах (Д., I: 339; Добр.: 255; Кард.: 161; Мирт.: 110). В значении ‘пища, сваренная на воде или молоке из растертой в мелкие шарики муки с водой’ *зати́рка* включено в СУМ без ограничительных помет (СУМ, III: 352), отмечено оно и в украинских говорах (Гр., II: 107). Употребляется *заци́рка* в указанном значении также в белорусском языке (БРС: 318). И.А. Дзендзеливский относит лексему *з́атирка* к украинско-восточнославянско-польским совместным образованиям [5: 169]. Устойчивому сохранению слова *затирка* в русских переселенческих говорах Одесщины способствует прозрачность этимологии этого слова, отсутствие однословных соответствий в русском литературном языке, широкое употребление его в соседних украинских и болгарских говорах. *З́атирка* является производным словом от *затирать*. Это кушанье называется по действию, произведенному при его приготовлении.

Весьма интересны и разнообразны в русских переселенческих старообрядческих говорах как по происхождению, так и по способам номинации названия каш. Гиперонимом в этой тематической группе является праславянская по происхождению лексема *каша*. Выделяются три типа каш в русских островных говорах Одесщины: во-первых, каши из немолотых и нетолченых зерен; сюда относятся древнейшие разновидности каш, восходящих к языческим обрядам (*кутя́, кутья́, ко́ливо*), во-вторых, каши из крупы; обычно такие каши называются по основному продукту: общеизвестная *манка* ‘манная каша’, *гречка* ‘гречневая каша’, *овсянка* ‘овсяная каша’, *рисовая каша*, а также узколокальные, не отмеченные в словарях *пшанка* ‘каша из пшена’ (ср. у Даля *пшённик* – ‘род пшенного каравая на молоке и яйцах’ (Д., III:

546), *гречáнка* ‘гречневая каша’ (ср. у Даля *гречнёвка* пск. ‘гречневая каша’ (Д., I: 394). Широко употребляются в русских островных говорах Одесщины также наименования каш из толчёных зерен, муки. Такие каши нередко называются по способу их приготовления. Так, в селе Старая Некрасовка в речи стариков удерживается слово *лемéшка* ‘каша из муки, затертой на кипящей воде’ (Мой дет любить лимéшку (СРГО, т. 1: 283). У Даля «*лемéшка* (малорус. *лемíшка*) кстр. заvara, саламата» (Д., II: 247), в СРНГ – ‘жидкая мучная похлебка, каша’ (СРНГ, вып. 16: 349). *Лемéшка*, видимо, является производным от *мешать*. Эта каша называется по действию, по способу её приготовления. *Лемéшку* надо постоянно помешивать при её изготовлении. В русских говорах Старой и Новой Некрасовки Измаильского района, соседящих с болгарскими, зафиксировано слово *булгúр* ‘каша из пшеничной муки грубого помола’. Видимо, эта лексема заимствована русскими из болгарских говоров, в которых слова *булгúр* и *бългúр* бытуют в значениях ‘пшеничная крупа’ и ‘каша из такой муки’ [15: 103], *балгúр* – ‘мука грубого помола’ [3: 95].

Активно употребляется в русских говорах Одесщины унаследованное от материнских, южнорусских диалектов слово *лапшóвник* ‘крутая лапша, запеченная на молоке и яйцах, лапшаной каравай’. В таком же значении это слово зафиксировано у Даля (Д., II: 239). Круглый пирог из слоёного теста старообрядцы называют *каны́ш*. В Старой Некрасовке записана поговорка «*Пака у бабы паспеють канышы́, у дитяти не фатить и души*». У Даля *кныш* в значении ‘лепёшка с маслом, скоромная булочка с салом’ имеет локальную помету *юж.*, в значении ‘круглый пирожок’ сопровождается пометами *дон.*, *вор.* (Д., II: 125).

Любопытна лексико-словообразовательная парадигма *запекáнка* – *опекáнка*, оба члена которой записаны в русском говоре села Старая Некрасовка Измаильского района. *Запекáнка* в Старой Некрасовке, как и в русском литературном языке, не только кушанье, пригото-

ленное запеканием (*картофельная, творожная запекáнка*) – *Запекáнку с тварауа дюже люблю*, но и ‘приготовленная на жару ягодная настойка’ (МАС, I: 554) – *Запекáнка с вишни дюже харашо пьёцца*. У Даля *запекáнка* только ‘водка с мёдом, настоянная на пряностях в печи в замазанной наглухо посуде’, причем Даль снабжает это слово пометой *юж.* (Д., I: 613). В Старой Некрасовке зафиксировано также слово *опекáнка* ‘блюдо из рыбы, запеченной в печи или духовке’: *Из аблэщикаф апикáнку делали. Апикáнку дэлам: рыбу в чишуе пряма опика́им. Рыбу праризáли, апика́ли йиё ф скаварóтки и получалась апикáнка. Апикáнку делали из лежыбóка и друуой рыбы, рыбу апика́ли, насыпáли припрáвами*. У Даля читаем: «*Опекать, опечь* что чем или в чем, обваляв, запечь, обложив чем, испечь. *Окуней опекают в яйцах с мукою. Опечёный* лещ. *Опекáнье, опечéнье* действие по глаголу» (Д., II: 677). Ни одним из использованных нами словарей слово *опекáнка* не фиксируется. Вероятно, это местное новообразование, возникшее по аналогии с *запекáнка*.

Отдельную группу составляют названия, связанные с семемой ‘хлеб’. Поскольку в питании русских хлеб актуально важен, имеет большое значение и как необходимое дополнение к блюдам, и как самостоятельная еда, в русских переселенческих говорах Одесщины многообразны наименования, связанные с хлебом. Хлеб различается по характеру продуктов, из которых он изготавливается, а также в зависимости от размеров, способа приготовления и назначения. В русских говорах Одесщины бытуют названия, связанные с видами хлеба: *ба́ба, ба́бка* (ср. болг. *баба*, словацк. *bába*, польск. *baba*) – ‘сладкий сдобный большой хлеб’, *балáбух, балáбушек* ‘сдобный калач’, *калáч* ‘белый хлеб круглой формы’, *калáка* ‘большой белый сдобный калач’, *каравáй* ‘свадебный калач’, *пáска* ‘пасхальный хлеб’, *бабы́шка* ‘большой белый хлеб круглой формы’, *паляни́ца* ‘большая, крупная буханка белого дрожжевого хлеба’, *малáй* ‘хлеб из кукурузной муки’ и др.

Анализ показывает, что слова с архисемой ‘хлеб’ неоднородны по происхождению. К древнейшему праславянскому слою относятся слова *хлеб, пирог, калач, блин, ба́бка, каравай* и др. На восточнославянской почве развился ряд лексических и семантических новообразований – *паляни́ца, корж*. Новые жизненные условия, новое языковое окружение обогатили словарный состав русских переселенческих говоров в тематической группе «хлеб и хлебные изделия» новыми лексемами. Так, у соседей-молдаван русские заимствовали слово *малáй* ‘хлеб из кукурузной муки’ (ср. молд. *мэлай*), у украинцев *пампу́шка* ‘пышка’, *ши́шка* ‘небольшая, напоминающая своей формой сосновую шишку, булочка, которую вручают гостям, приглашаемым на свадьбу’.

Заметное место занимают в исследуемых говорах слова, служащие названиями обрядовых изделий из теста: *каравай, ши́шка, ряже-ный пирог, кúрник*. Даль включает слово *каравай* ‘непечатой цельный хлеб’ в свой словарь без территориальных помет (Д., II: 89). По данным СРНГ, *каравай* является наименованием ритуального свадебного хлеба преимущественно в южнорусских говорах, граничащих с территорией украинского языка, в других диалектах употребляется в ином значении. Так, *коровай* и *каравай* в значении ‘хлеб из различной муки, с различной начинкой’ отмечен в говорах калужских, ярославских, московских, тульских, самарских, костромских, вологодских, свердловских, владимирских, рязанских и др. Новгородское слово *коровай* – ‘круглый пирог с курицею, свининою или другою начинкою’ (Доп.: 89). Лексема *каравай* с семантикой ‘свадебный хлеб’ характерна для курских, оренбургских, донских, брянских, краснодарских, смоленских говоров. В украинском языке *коровай* означает ‘большой круглый пышный хлеб с украшениями из теста, который пекут на свадьбу’ (СУМ, IV: 295; УРС, II: 379; Гр., II: 285). С такой же семантикой, по нашим наблюдениям, слово *коровáй* известно в украинских говорах Одесщины, соседствующих с исследуемыми русскими. *Ши́шка* – ‘небольшой, напоминающий по форме сосновую шишку

свадебный хлебец, который вручают гостю, приглашая его на свадьбу'. В ССРЛЯ слово *шішка* включено с пометой *обл.* в значении 'род булочки из пшеничного теста (обычно свадебной)' (ССРЛЯ, XVII: 1435). Донское слово *шішки* означает 'свадебные булочки' (Мирт.: 368). В украинском языке *шішка* – 'обрядовое изделие из теста'. У Б. Гринченко находим *шішка* – 'украшение из теста на пасхальном хлебе, подражающее виду сосновой шишки', 'свадебный хлеб особого рода' (Гр., IV: 497). Этнографы относят *шішку* к числу украинских обрядовых видов пищи [10: 264; 17: 245]. Л. Н. Чижикова в своей монографии «Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры» пишет: «Каравай – круглый большой хлеб, украшенный фигурками их теста, ветками, цветами – выпекали накануне свадьбы в доме жениха и невесты; в украинских сёлах пекли ещё и «шишки» – булочки, по форме напоминающие сосновые шишки» [18: 245]. В УРС лексема *шішка* 'булочка особой формы' иллюстрируется примером из Нечуя-Левицкого, известного украинского писателя: «Просить мене небіж на весілля, і Палажчина доня принесла шишку: просить на весілля» (УСР, VI: 496). Приведенные данные позволяют отнести слово *шішка* в русских говорах Одесщины к заимствованиям из соседних украинских вместе с новой для русских реалией. Заимствования вместе с новой вещью, реалией, явлением, понятием называют «культурными заимствованиями» [2: 213]. Такого рода заимствования «особенно легко переходят из языка в язык вместе с предметами, ими обозначаемыми; предмет несёт их вместе с собой...» [2: 212].

В праздничные дни и на свадьбу потомки русских переселенцев из Курской губернии, живущие в сёлах Вознесенка, Павловка Арцизского района, Введенка Саратовского района, до сих пор, сохраняя традиции своих предков-обоянцев, пекут *ряжєный пирог* 'большой закрытый пирог с начинкой из яиц, масла, каши'. *Ряжєный пирог* – старинное кулинарное изделие курян. Составное наименование *ряжєный пирог* в этом же значении встречаем в Донском словаре

А. В. Миртова, у Даля с пометами *кур.*, *вор.* фиксируется слово *ря́женец* (Д., IV: 113). В этом же значении в русских сёлах Старая и Новая Некрасовка, основанных донскими казаками-некрасовцами, функционирует лексема *кúрник* (Маладым на свадьбу пякуть кúрник). У Даля находим: *кúрник* – «сдобный круглый пирог с курицею, яйцами, заместо курицы, попадает туда и утка, и говядина || Род калача с запеченною в нем курицею. Это свадебная хлеб-соль молодым, от всех родных» (*дон.*) (Д., II: 224).

Новые этнолингвистические условия способствовали обогащению словарного состава русских переселенческих говоров новыми лексемами в лексико-тематической группе «Хлеб и хлебные изделия». Так, у соседей-молдаван русские заимствовали слово *малáй* ‘хлеб из кукурузной муки’ (ср.: молд. *мэла́й*). А. С. Мельничук объясняет возникновение этого слова в результате сложения корнеслов *мэю* (просо) от лат. *milium* и *лаю* (чёрный) [12: 168]. В исследуемых русских говорах семантика молдаванизма *мэлай* ‘кукурузный хлеб’ несколько видоизменилась. Молдавское *мэла́й*, фонетически трансформировавшись на русской почве в *малáй*, получило в речи русских дополнительные, близкие к первоначальному значения – ‘лепёшка из кукурузной муки’, ‘пирог из кукурузной муки’ и архаизировалось, сейчас встречается только в воспоминаниях стариков о прошлом: *Чижало была, адин малáй только и ели. Пикли малáй, липёшки с кукурузнай муки.* Слово *малáй* встречается также в лексиконе липован Северной Молдовы [6: 248] и Буковины [14: 26-27], бытует оно и в соседних украинских говорах Нижнего Поднестровья [4: 154], а также в украинских говорах Южной Подолии [12: 168], в украинских буковинских говорах [11: 52]. В гуцульских говорах лексема *малáй* употребляется для наименования коржей из кукурузной муки [14: 27].

В русских переселенческих говорах Одесщины повсеместно активно употребляется заимствованное у молдаван слово *плацінда* (*плачíнда*) в значении ‘пресная лепёшка с начинкой из тыквы, творога или варенья’ (СРГО, т. 2: 29). Это слово широко функционирует

также в соседних украинских и болгарских говорах. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля находим *плацінда* в значении ‘пирожное: род пресных, тонко раскатанных лепешек; слоеный, в листах, круглый, сладкий пирог’ с пометами *иврс. гречск. и молдавн.* (Д., III: 123). И. А. Дзензелевский фиксирует слово *плачінда* ‘круглый пирог с сыром, капустой и картофелем’ в украинских говорах Нижнего Поднестровья и возводит его к молд. *плэчінтэ*, лат. *placenta* ‘пирог’, сравнивает с рум. *placinta*, итал. *placenta* [4: 106]. В молдавский язык *плэчінтэ* ‘слоеная лепешка’ (МРС: 472) попало из румынского (РумРС: 588). Слово *плачінда* в значении ‘род слоеной лепешки’ Б. Гринченко включает в свой словарь с пометой «славяно-сербское» (Гр., III: 193). Это слово фиксируется многими лингвистами в украинских, русских, болгарских, молдавских говорах балкано-карпатского и южноукраинского ареала. В лексико-семантической системе старонекрасовского говора слово *плачінда* несколько видоизменилось семантически. В Старой Некрасовке *плачіндой* или *плиціндой* называют рулет с любой начинкой, испеченный из тонко раскатанного пресного теста, смазанного маслом. Такой рулет молдаване именуют *выртутэ* (МРС: 741). В речи жителей Старой Некрасовки молдаванизм *вертута* в этом значении употребляется редко. В других же русских переселенческих говорах Одесщины заимствованная у молдаван лексема *вертута* активно функционирует в первичном значении ‘рулет, пирог с начинкой из свёрнутого несколько раз раскатанного куска теста’: *Виртуты пичом, раскатайим тóничка теста, яблочки крѣшым, завиртаим, чи с варэнням виртуты, хто как любить.* В этом же значении слово *вертута* бытует в речи городского населения Одесской области. Это слово относится к так называемым возвратным заимствованиям. В русских говорах Одесщины *вертута* – молдаванизм славянского происхождения. Оно имеет прозрачную славянскую этимологию (ср.: молд. *ынвыртитэ* (МРС: 741), русск. *вертеть*). Слово *вертута* распространено также в русских [14: 28] и украинских говорах Буковины [11: 55], в южноподольских

украинских говорах [12: 165], в украинских говорах Одесщины, куда оно, как и в русские, проникло вместе с новой реалией в результате продолжительного межъязыкового, междиалектного контактирования из соседних молдавских.

Бублики в старонекрасовском говоре жители старшего поколения называют *кóврики*: *Детям купляим целую нїску кóврикаф*. Слово *кóврики* заимствовано русскими-старообрядцами у молдаван. Ср.: в молдавском *кóврик* – ‘бублик’ (МРС: 291).

Из соседних молдавских говоров во все русские переселенческие говоры Одесщины пришло вместе с новым для липован молдавским кушаньем слово *мамалы́га* ‘круто заваренная каша из кукурузной муки’: *Мамалы́уу с малакóм нада йисть чи са шкварками. Мамалы́уу и типéрича варим*. Широкое употребление слова *мамалы́га* в значении ‘густая каша из кукурузной муки’ в русских говорах, несомненно, поддерживается активным функционированием его в молдавских, украинских и болгарских говорах Одесской области (См. 1; 3, 93). В приведённом значении лексема *мамалы́га* включена в словари украинского языка без ограничительных помет (СУМ, IV: 615; РУС, I: 650; УРС, II: 481). О. Н. Трубочёв считает, что укр. *мамалы́га*, польск. *tatałyga* ‘болтушка из кукурузной муки’; южнорус. *мумулы́га*, *мамалы́га* ‘каша из ржаной муки’ является сравнительно новым широко распространившимся заимствованием из румынского языка [16: 17]. В начале прошлого века слово *мамалы́га* в русском языке воспринималось как областное. С пометой *обл. рум.* оно включено в «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (Уш., III: 135). В «Словаре русского языка», вышедшем в издательстве «Русский язык» в 1982 г. (МАС), оно уже не имеет ограничительных помет. Составители этого словаря в конце словарной статьи к слову *мамалы́га* ‘крутая каша из кукурузной муки’ приводят его этимон – румын. *mâmâligâ* (МАС, т. 2: 224). В речи носителей русских говоров зафиксированы оценочные экспрессивы, образованные от слова *мамалы́га*: *мамалы́жка*, *мамалы́жечка*. В говоре села Старая Некрасовка Измаильско-

го района отмечен дериват от *мамалы́га* – *мамалы́жник* в значении ‘большой котёл, в котором варят мамалыгу’: *А ана в энта время мамалы́жник атскрибала* (СРГО, т. 1: 297). Это свидетельствует о полной семантической адаптации молдаванизма *мамалы́га* в лексико-семантической системе русских переселенческих говоров.

Продолжительные этнокультурные контакты с соседями-молдаванами и болгарями обогатили лексикон русских переселенцев, связанный с тематической группой «Молочные продукты». Молдаване и болгары, издавна занимавшиеся овцеводством, приготовлением продуктов питания из овечьего молока, передали русским слова: *брынза*, *сурова́тка*, *гляг* (*гляк*), *тяг* (*кяг*) и др. Лексему *бры́нза* (ср. молд. *брынзэ*, рум. *brinza*) ‘сыр из овечьего молока’ русские заимствовали у молдаван вместе с новым для них продуктом питания. В таком же значении слово *бры́нза* распространено не только во всех русских говорах Юга Украины, но и Буковины, Северной Молдовы. Из румынского языка через молдавское посредство лексема *бры́нза* вошла в украинский и русский литературные языки. В русских островных говорах Одесщины *бры́нза* – одно из ранних заимствований, воспринятых у молдаван. У Даля находим: «Брынза, ж. *нврс.* Овечий сыр» (Д., I: 133). Для приготовления брынзы русские, как и молдаване, используют *гляг* (фонетич. вариант *тяг*) – высушенный желудок двухнедельного ягненка: *У авечья малако запускають тях – палуцаицца брынза. У кислая малако ложуть гляк и палуцаицца брынза. У вядро с малаком опускають тях.* У Даля *гляк* ‘сушеный ягнячий желудок, для выделки овечьего сыра’ (Д., I: 360). Слово *гляг* (*тяг*) активно функционирует во всех русских говорах Юга Украины, а также в соседних молдавских, украинских и болгарских. Широко распространена лексема *гляг* в русских и украинских говорах Буковины [14: 31], во всех славянских и молдавских диалектах Карпатского региона, где занимаются овцеводством [9: 177]. У соседей-болгар русские заимствовали слово *сурова́тка* ‘сыворожка, которая отцеживается в процессе приготовления брынзы из овечьего молока’. Это слово ши-

роко известно не только в переселенческих, но и в материковых болгарских говорах [8: 148-149]. Болгаризм *сурова́тка* в лексико-семантической системе русских говоров вступает в синонимические отношения с русскими диалектными словами *сырова́тка* ‘сыворотка’ (Д., IV: 374) и *сколо́тина* ‘пахтанье, сыворотка из-под сбитого масла’, а также с русским литературным *сы́воротка* ‘жидкость, полученная при свертывании молока, при образовании простокваши и творога, при сбивании масла’ (ССРЛЯ, т. 14: 1347). И. А. Стоянов утверждает, что появление лексемы *сурова́тка* в русских говорах Одесской области «объясняется тем, что переселенцы могли позаимствовать некоторые неизвестные ранее способы обработки молока (в том числе и овечьего) и получения таких продуктов, как, например, брынза, кислое молоко у соседей-болгар» [15: 108]. Таким образом, *сурова́тка* вошла в активное повседневное употребление русских вместе с «предметными новшествами».

Вместе с заимствованием ранее неизвестных кушаний из соседних болгарских говоров в русские пришли их наименования *ма́нджя* ‘густой постный соус из баклажанов, помидоров, перца и лука’ (БТР: 392; Чук.: 377), *каларма́*, *каварма́* (ср. болг. *кавьрма*) ‘баранье мясо, тушенное с острыми приправами’ [3: 93], *настарма́* ‘разрезанное на тонкие ломти сильно просоленное мясо, завяленное на солнце’ [3: 93], *булгу́р* ‘каша из пшеничной крупы’ (ср. болг. *булгу́р* и *бългу́р* в значениях ‘пшеничная крупа’, ‘каша из такой крупы’ [15: 104], а также *булгу́р* ‘толченная на крупу пшеница’ в донских говорах (СРДГ: 47), генетически связанных с говорами русских-старообрядцев Одесщины).

Проведённые наблюдения позволяют сделать следующие выводы.

Бережное сохранение русскими переселенцами своей духовной и материальной культуры, обычаев, обрядов, своего языка, отсутствие на протяжении почти двух веков контактов с материнскими южно-русскими диалектами, иноязычное окружение, ослабевающее влия-

ние русского литературного языка в связи с более широким распространением в последнее десятилетие государственного украинского языка способствует консервации в русских говорах Одесщины многих слов тематической группы лексики, связанной с пищей, зачастую восходящих к древнерусскому или общеславянскому языку-источнику. В исследуемых русских говорах бытует немало южнорусских слов, связанных с пищей: *бо́рошно* ‘мука’, *стра́ва* ‘кушанье, блюдо’, *конде́р* ‘похлебка из пшена с салом и луком’, *за́тирка*, *тю́ря*, *ла́дики*, *драче́на*, *лемéшка*, *греча́нка*, *карава́й*, *бабы́шка*, *ю́шка*, *щербá*, *опека́нка* и др. Устойчивость материнских, южнорусских наименований пищи определяется устойчивостью самих реалий – продуктов питания и связанных с ними понятий – в быту, в материальной и духовной культуре русских переселенцев.

Многие южнорусские слова, зафиксированные в русских говорах Одесщины, имеют лексические соответствия в близкородственном украинском языке и его диалектах, носители которых являются непосредственными соседями русских: *бо́рошно*, *за́тирка*, *ю́шка*, *ски́ба*, *ски́бка*, *сма́жить*, *подсма́жить* и т.п. Это, несомненно, способствует сохранению таких слов в русских островных говорах, препятствует их вытеснению литературными лексемами.

Своеобразие лексики русских переселенческих говоров обусловлено их долговременным функционированием и развитием в специфических этнокультурных условиях, в полиэтническом, полиязычном окружении. Длительное существование в изоляции от основного диалектного массива в иноязычном, инодиалектном окружении способствовало тому, что словарный состав русских островных говоров пополнился многими лексическими заимствованиями. Большинство их воспринято из украинского языка: *варени́цы*, *галу́шки*, *кули́ч*, *пампу́шка* ‘пышка’, *капусня́к*, *але́я* (*оли́я*, *оле́й*) ‘растительное масло’, *узва́р* ‘компот из сухофруктов’, *ши́шка* ‘небольшой свадебный хлебец в виде еловой шишки’ и др. Значительное количество заимствований из украинского языка объясняется генетическим родством языков

двух восточнославянских народов, общностью их исторических судеб, давней традицией их культурно-бытового общения, интенсивным развитием русско-украинского билингвизма. К лексическим заимствованиям из молдавского языка относятся слова: *бры́нза*, *верту́та*, *плачи́нда*, *плаци́нда* (*плаци́нта*), *мамалы́га*, *мала́й* и др., из болгарского – *булгу́р*, *пастрома́* (*пасторма́*), *каларма́* (*каварма́*), *ма́нджа* (*ма́нджа*, *ма́нжа*), *пуканки* ‘кукурузные хлопья’ и др.

Наблюдения показывают, что заимствования, как правило, входили в лексическую систему русских говоров вместе с «предметными новшествами», с новой вещью, реалией, новыми понятиями. Такого рода заимствования представляют собой ценный материал, по которому можно судить об особенностях взаимоотношений одного этноса с другим, о специфике и степени влияния одного языка на другой. Исследование лексики, связанной с пищей, в русских переселенческих говорах Одесщины даёт ценный материал для славянской диалектологии и лексикологии, а также для истории и этнографии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баранник Л. Ф.* Лексика русских говоров, функционирующих в разноязычном окружении: Автореферат дис... канд. филол. наук. – М., 1969. – 18 с.; Лексические особенности русских переселенческих говоров Одесской области// Русские говоры на Украине. – К.: Наукова думка, 1982. – С. 85-98; Някои особености на българо-руските междудialectни контакти на територията на Одесска област в Украйна// Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. – Т. 6. – Велико Търново, 1997. – С. 413-427.
2. *Вандриес Ж.* Язык. – М., 1937. – 410 с.
3. *Державинъ И. С.* Болгарскія колоніи въ Россіи (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губерніи). – София, 1914. – 260 с.
4. *Дзедзелевский И. А.* Молдаванизмы и их стилистическая роль в украинских говорах Нижнего Поднестровья// Ученые записки Молдавского филиала АН СССР. – Т. IV-V, серия филологическая. – Кишинев, 1955.
5. *Дзедзелівський І. О.* Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі. – К., 1969.
6. *Ермакова Л. И.* Сельскохозяйственная и бытовая лексика русских говоров Северной Молдавии. Канд. дис. – Кишинев, 1964. – 230 с.
7. *Бичко Зиновій.* Діалектна лексика Опілля. – Львів, 1997. – 136 с.
8. *Клепикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология. – М., 1974.
9. *Клепикова Г. П.* Функционирование и генезис терминологии горного пасту-

- шества в славянских диалектах карпатского ареала// Славянское и балканское языкознание. – М., 1975.
10. *Лебедева Н. И.* Этнографическая характеристика отдельных групп русского населения Орловской, Курской и Липецкой областей// Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. – Т. 57. – Москва, 1960.
 11. *Матеріали до словника буковинських говірок.* – Вип. I. – Чернівці, 1971. – 98 с.
 12. *Мельничук А. С.* Молдавские элементы в пограничном украинском говоре// Ученые записки Молдавского филиала АН СССР. – Т.IV-V. – Кишинев, 1955.
 13. *Сахаров А. И.* Язык крестьян Ильинской волости, Волховского уезда, Орловской губернии// Сб. ОРЯС АН. – Т. 68. – №5. – 1900. – 48 с.
 14. *Столбунова В. И.* Молдавские лексические заимствования в русских народных говорах на Буковине. – Черновцы: ЧГУ, 1979. – 84 с.
 15. *Стоянов И. А.* Болгарские элементы в русских говорах Одесской области// Русские говоры на Украине. – К.: Наукова думка, 1982. – С. 99-105.
 16. *Трубачёв О. Н.* Из истории названий каш в славянских языках// Slavia. – XXIV. – Praha, 1960. – С. 1-30.
 17. *Чижикова Л. Н.* Свадебные обряды русского населения Украины// Русский народный свадебный обряд. – Л., 1978. – 273 с.
 18. *Чижикова Л. Н.* Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX-XX в.). – М.: Наука, 1988. – 276 с.

Список сокращений

- БРС* – Белорусско-русский словарь. – Минск, 1968. – 1048 с.
- БТР* – Български тълковен речник. – 2-е изд. – София, 1963. – 1191 с.
- Буд.* – Будде Е. О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследования и словарь// Сборник ОРЯС. – Т. 76. – №3. – СПб., 1904. – 245 с.
- Гр.* – Гринченко Б. Словарь украинского языка, тт. I-IV. – Киев, 1907-1909. – 2971 с.
- Д.* – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I-IV. – М., 1955.
- Добр.* – Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. – Смоленск, 1914. – 1022 с.
- Доп.* – Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». – СПб., 1858. – 640 с.
- Кард.* – Кардашевский С. М. Курско-орловский словарь// Учёные записки МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 88, вып. 5. – Москва, 1960.
- КСРНГ* – Картотека «Словаря русских народных говоров» (словарный сектор Института русского языка РАН. Санкт-Петербург).
- МАС* – Словарь русского языка: В 4-х тт. – М.: Русский язык, 1982.
- Мирт.* – Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов-на-Дону, 1929. – 416 с.
- Мич.* – Мичатек Л. А. Дифференциальный болгарско-русский словарь. – СПб., 1910. – 778 с.

- МРС* – Молдавско-русский словарь. – М., 1961. – 780 с.
- Опыт.* – Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852. – 275 с.
- Поликарп.* – Поликарпов Ф. Материалы для изучения южновеликорусских говоров. Нижнедевицкий словарь. – Воронеж, 1913.
- Рез.* – Резанов В. В. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губернии// Отдельный оттиск из «Русского филологического вестника». – Т. XXXVIII. – №3. – Варшава, 1897.
- РУС* – Русско-украинский словарь. – К.: Наукова думка, 1970. – Т. 1-3.
- РумРС* – Румынско-русский словарь (сост. Н. Г. Корлэтяну и Д. Е. Михальчи). – М., 1953. – 820 с.
- Ср.* – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. – Т. I-III. – СПб., 1893, 1895, 1903.
- СРГО* – Словарь русских говоров Одесщины. В 2-х тт. – Т. I. – Одесса, 2000. – 376 с.; Т. II. – Одесса, 2001. – 296 с.
- СРДГ* – Словарь русских донских говоров. – Т. I. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1975.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров/ Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. – Вып. 1-36. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965-2003.
- ССРЛЯ* – Словарь современного русского литературного языка. – Т. 1-17. – М., 1948-1965.
- СУМ* – Словник української мови. – Т. I-IV. – К., 1970-1975. – Т. I. – 800 с.; Т. II. – 552 с.; Т. III. – 744 с.; Т. IV. – 840 с.
- УРС* – Українсько-російський словник. – Т. I-V. – К., 1953-1962.
- Уш.* – Толковый словарь русского языка/ Под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. I-IV. – М., 1935-1940.
- Фасмер* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. I-IV. – М., 1964-1973. – Т. I. – 562 с.; Т. II. – 617 с.; Т. III. – 827 с.; Т. IV. – 855 с.
- Чук.* – Чукалов С. Българско-руски речник. – София, 1957. – 1191 с.

ЮЖНОРУССКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ДОМА И НАДВОРНЫХ ПОСТРОЕК В РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРАХ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

Наша задача – на основании сопоставления лексики русских переселенческих говоров Одесщины с материнской выделить южнорусский пласт словарного состава этих говоров, проследить судьбу южнорусских слов за время продолжительного существования в отрыве от родного диалектного массива, отметить случаи сохранения их семантики, выяснить причины устойчивости отдельных южнорусизмов, степень их распространения в исследуемых говорах.

Южнорусский пласт словарного состава русских островных говоров выделяется на основании данных этимологических, исторических, толковых и региональных словарей, а также этнографических и других печатных источников по курским, орловским, донским и другим южнорусским диалектам.

В современной лингвистике актуален системный подход к изучению диалектной лексики – исследование её в составе тематических и лексико-семантических групп. Материалом для статьи послужили наименования крестьянского дома и хозяйственных приусадебных построек, так как особенностью слов этой тематической группы является их тесная связь с историей, бытом и культурой всякого этноса вообще.

Большинство южнорусских слов, обозначающих части дома, элементы его интерьера, хозяйственные приусадебные постройки, бытует в изучаемых говорах с первоначальной семантикой.

Русские переселенцы строят дома по тому же типу, что и их предки, курские крестьяне. Жилой дом называется заимствованным из украинского языка ещё до переселения словом *xáma*. Этимологически лексема *xáma* восходит к иранскому прототипу *kata* (Brükner: 137). Основываясь на показаниях южнорусских памятников XVII–XVIII вв., а также используя этнографические данные, С. И. Котков

пишет: «В противоположность современному распространению хаты (постройки и её названия) в южнорусской области в XVII в. там встречалась только изба... Можно думать, что в южновеликорусский край это слово проникло с Украины несколько позднее, когда с развитием капиталистических отношений интенсивное истребление лесов привело к переходу южновеликорусов от рубленых построек к иным, которые легче было строить в условиях безлесной полосы» [10: 42].

Как известно, в украинском языке слово *хата* полисеманлично, издавна употребляется не только для наименования крестьянского дома, но и для названия комнаты, горницы (УРС, IV: 311; СУМ, XI: 29). В русских переселенческих говорах, находящихся в украинском окружении, украинизм *хата* освоен в полном семантическом объёме: употребляется не только в значении ‘дом, изба’, но и в значении ‘комната в доме’.

В русских сёлах Одесской области хата состоит, как правило, из трёх частей: двух жилых помещений и сеней, из которых налево и направо расположены двери, одни ведут в переднюю, комнату, предназначенную для приема гостей, всегда чисто убранную, именуемую здесь составными номенами *передняя хата*, *уборная хата* (иногда к передней примыкает так называемая *комнатка* «теплая спальня»), другие – в жилое помещение, где живёт семья хозяина. Это помещение называется *задней хатой*, *пожилой хатой*. Такой же тип жилища описан А. С. Машкиным в известной этнографической работе «Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда»: «Там, где жители побогаче, избы строятся на два отделения, разделенные сенями, из которых налево и направо двери: одни ведут в освещенную двумя красными (большими – Л. Б.) и одним или двумя волоковыми (маленькими – Л. Б.) окнами светлицу – комнату более чистую, иногда разделенную тонкой досчатой стеною, образующей другой небольшой покой, называемый *комнаткою*; другая дверь из сеней ведет в избу, где готовится кушанье и живет семья крестьянина» [12: 2]. Сохранение старинного курского типа постройки жилища способствует то-

му, что в русских островных говорах удерживаются без каких бы то ни было семантических сдвигов многие южнорусские диалектизмы, обозначающие части жилища. Маленькая комнатка с печью, служащая спальней для стариков, иногда кухней, именуется в русских селениях Одесщины курским словом *топлюшка* (Таплюшка – маленькая комнатка, там топим, готовим. У таплюшки бабка спит). Описывая жилище крестьян Курской губернии XIX века, А. С. Машкин замечает: «... иногда отделяется часть против печи, где происходит стряпня, досчатую перегородкою; этот небольшой отдел называется топлюшкою» [12: 5]. Слово *топлюшка* находим также в песнях, собранных А. С. Машкиным в городе Обояни и его уезде: «В чугунах абед варють, у таплюшки абедаяють...» [14: 8]; «Да свяклицу (светлицу – А. М.) с таплюшкаю, да сарай с канюшнию» [14: 13].

Е. Э. Бломквист относит появление топлюшек в южных районах России к середине XIX века: «Когда требовалось разделить избу на отдельные помещения, здесь (в южных районах России – Л. Б.) уже с середины XIX в. прежде всего начали отделять досчатой перегородкой часть против печи, где происходила стряпня; это помещение называлось в Курской области топлюжкой, в Тульской – чуланчиком» [2: 221]. Наличие слова *топлюшка* в русских сёлах Одесской области Вознесенке, Введенке, Павловке, Васильевке, основанных переселенцами Обоянского уезда в 1827 году, позволяет отнести появление топлюшек на южнорусской территории к более раннему времени. Это подтверждается также данными одного воронежского источника. В рукописи (1850 г.) Андрея Матвеева, священника из села Верхний Мамон Павловского уезда Воронежской губернии, читаем: «Лет 26 тому назад стали устраивать в сенях «топлюшки», перегородив сени вдоль и вдавая печь в избу» [7: 23-24].

С первоначальной семантикой бытуют в исследуемых переселенческих говорах слова *клеть*, *клетка*, ‘пристройка к дому для хранения имущества, кладовая’. В клетках летом нередко спят (Иди в клетку аддахни. Клетка делаица, как виранда. Клетка, как кладовачья, типеря там скрыня всегда стаить. У клетках спали, скрыни станавили).

В словаре Даля слово *клетка* не имеет при себе локальных помет. Это свидетельствует о его широком распространении во многих русских говорах (Д., II: 121). На употребление этого слова в Обоянском уезде Курской губернии указывают Е. Резанова [20: 107] и А. С. Машкин [12: 2]. Слово *клеть* издавна знакомо курским говорам: оно представлено уже в памятниках деловой письменности XVII в., написанных на курско-орловской территории [9: 43]. Бытует лексема *клеть* и в других южнорусских диалектах: воронежских, тульских, калужских (З: 86; Тр. МДК, VIII: 10; Тр. КДРЯ: 30, 35, 37). В значении 'кладовая при доме' слово *клеть* известно в древнерусском языке с XI в. (Сл. РЯ XI-XVII, вып. 7: 168). Рассматриваемое слово принадлежит к литературным в украинском языке (укр. *кліть* 'комора, амбар, кладовая': Гр., II: 252; УРС, II: 342), носители которого являются непосредственными соседями русских переселенцев. Это, несомненно, способствует его сохранению в исследуемых русских говорах.

Словом *кут* местные жители называют передний угол в хате, а также всякий угол в доме вообще (В этом куту дет сидел. У куту пассажёная мать и пассажёный атец сидять. Кут – эта вугал в хати). Названием внешнего угла в наших говорах служит слово *вугол*. Сведения, представленные в этнографической и диалектологической литературе первой половины XIX в., говорят, что слово *кут* со значением 'почётный угол в доме, под образами', 'угол' было широко распространено в то время в курских говорах. *Кут* в отмеченных значениях встречается в работах исследователей языка и быта курских крестьян XIX в. Васьянова [5: 15], Николаева [16: 413], Машкина [14: 61], Вержбицкого [6: 6]. С. М. Кардашевский относит *кут* к курско-орловской лексике, общей с украинской и белорусской [8: 161]. Имеются сведения об употреблении этого слова и в других русских диалектах, главным образом, южных и северо-западных (Д., II: 227; Оп.: 98; 4: 125; Бурнаш., I: 347; Тр. КДРЯ: 110). Слово *кут* является общеславянским. Параллели этого слова известны и в романских языках. М. Фасмер считает первоисточником данного термина греческое *kan-tos* (Фасмер, т. 2).

Русские сёла Одесщины расположены в степной зоне Украины. Леса здесь нет, поэтому в домах можно и сейчас встретить земляной пол. Такой пол здесь называют *зёмом*. Зем обмазывают глиной, смешанной с тщательно измельчённой соломой (Зем – зимляной пол. Зем мазать нада. Нада памазать зем у кухни). В значении ‘глиняный пол в избе’ слово *зем* отмечено в тульских и орловских говорах [4: 121], а также в курских [14: 40; 15: 88]. С семантикой ‘земляной, глиняный пол в помещении’ *зем* входит в «Курско-орловский словарь» С. М. Кардашевского (Кард.-3: 181). В украинском языке слово *зем* обозначает пол, преимущественно вымощенный кирпичом (Гр., I: 370). Лексема *зем* в русских переселенческих сёлах употребляется только для наименования земляного пола. Деревянный пол здесь именуется общеизвестным номеном *пол* (У них пол у хати, у нас пол из дасók. У передней хати у нас пол, здесь, у кухни, зем). Известно, что слово *земля* образовано от более древней лексемы *земь*, употреблявшейся в древнерусском языке в нескольких значениях: ‘низ’, ‘земля’, ‘пол’ и т.д. (Срезн., I: 975; Сл. РЯ XI-XVII, вып. 5: 371). Примечательно, что в русских старообрядческих говорах Одесщины древнее слово *земь* до сих пор бытует не только в значении ‘земляной, глиняный пол’ (Ноньчи земь мазала), но и ‘обрабатываемая земля’ (Земь-та – мать-кармилица наша) (СРГО, т. 1: 234). Происхождение этого слова индоевропейское (ср. латышск., *zēt* ‘пол’).

В речи русских переселенцев нередко встречается слово *мáтица* ‘толстая, отёсанная с четырёх сторон балка, служащая опорой для потолка’ (Мáтица – эта балка в хати, ана паталок держить. Мáтица угнулась, крыша апустилась. Мáтица – это штоп паталок ни упал). Такое же название балки, поддерживающей потолок, зафиксировано в Курской губернии А. С. Машкиным [12: 84], Г. И. Вержбицким [6: 6] и автором статьи «Материалы для описания Курской губернии», напечатанной в 1850 г. в «Курских губернских ведомостях» [11: 375]. Слово *мáтица* знакомо также соседним орловским и воронежским говорам (Тр. МДК, VIII: 151; Д., II: 306).

С исконной семантикой употребляются в русских селениях Одесщины русские диалектизмы, именующие хозяйственные постройки при доме: *ворóк*, *заку́та*, *ку́рник*, *полóвник* (см.: СРГО, т. I-II).

Ворóк в русских говорах – ‘хлев, крытый загон для скота’ (Варóк для авец стрóют. Варóк, где овцы, карова. Делали варóк ва дваре, там каровы, овцы аддыхали). С аналогичным значением *ворóк* отмечено в курских, орловских, воронежских, смоленских и других южно-русских говорах [12: 8; 14: 93; 18: 69; 6: 4.; Оп.: 28; Тр. КДРЯ: 98; Кард.-2: 183-184; Пр.: 65].

Теплый хле́в для мелкой скотины называется *заку́той* (Заку́ту для свиной делаю. Эта заку́та для авец. Заку́ту новую, тёплую для свиной зделал). Слово *заку́та* в значениях ‘свиной хле́в’, ‘овечий хле́в’, ‘сарайчик для скота’, ‘крытое помещение для коров’ зафиксировано в Курской губернии Васьяновым [5: 15], Е. Резановой [19: 108; 20: 182], Вл. Резановым [18: 69], А. С. Машкиным [15: 111]. С. М. Кардашевский включает его в «Курско-орловский словарь» (Кард.-3: 117). Известно *заку́та* и другим южнорусским говорам: смоленским, тульским, донским [Оп.: 63; 3: 85; 21: 60; 17: 331; Тр. КДРЯ, X: 16, 100, 105; Мирт.: 103]. Ф. П. Филин отмечает, что термин *заку́та* ‘хле́в’ широко распространён в южнорусских говорах [22: 222].

Для кур и цыплят русские переселенцы стрóят *ку́рник* (В ку́рнику куры). Исследуя хозяйственные постройки русских крестьян XIX века, Е. Э. Бломквист указывает на наличие курников в крестьянских хозяйствах Курской губернии [2: 188]. А. С. Машкин описывает курник («небольшой сарайчик, где ночуют куры») в работе «Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда» [12: 8]. Слово *ку́рник* широко употребительно во многих южнорусских говорах. В значении ‘курятник’ с территориальными пометами *кур.*, *орл.*, *твр.* оно входит в «Толковый словарь живого великорусского языка» Даля (т. 2: 224), в «Донской словарь» Миртова. Слово *ку́рник* в значении ‘курятник’ известно в южнорусских диалектах с XVII в. (Сл. РЯ XI-XVII, вып. 8: 139).

Для хранения сена, мякины, половы во дворе сооружается сарай или половёнь, полóвник (У мене ва дваре стаить палóвник. Там сена, салома. Ретка кажут палóвник, больше сарай). Слово *половёнь* издавна служит наименованием сарая для половы, мякины, соломы в курских, орловских, воронежских, тульских и других южнорусских говорах [12: 8; Оп.: 168; Д., III: 263; 18: 70].

В некоторых дворах русских переселенцев ещё встречаются пúньки – небольшие плетёные постройки, обмазанные глиной, служащие кладовой (В пúньку складаим всё, как у сарай). А. С. Машкин так описывает пúньку у крестьян Обоянского уезда: «пунька (вроде кладовой из плетня), обмазанная глиною или коровьим пометом, для разных поклаж» [12: 7]. Сохранив подобный тип хозяйственной постройки, русские берегли её название. *Пúнька* известна как наименование плетёного обмазанного строения, служащего кладовой, не только курским [1: 77; 12: 7; 15: III; 18: 70; Оп.: 184], но и многим другим южнорусским говорам: орловским, воронежским [7, 6, 21], рязанским, тульским, смоленским (Оп.: 184; Д., III: 538; Добр.: 749). Ф. П. Филин пишет, что слово *пúня* (*пúнька*) широко распространено в южнорусских говорах [22: 222]. А. Преображенский считает слово *пúня* ‘сарай для хранения соломы, половы’ диалектным и полагает, что оно проникло в русские говоры из белорусского языка, а в белорусский вошло из литовского или латышского (Пр.: 153). Для хранения половы или соломы в русских селениях Одесщины служит клúня. В значении ‘сарай для хранения половы, соломы’ это слово бытует во многих южнорусских говорах (Д, II: 121). Известно оно в украинском литературном языке (Гр., II: 253). С пометой «обл.» слово *клúня* зафиксировано в этимологическом словаре А. Преображенского, который считает его заимствованием из балтийских языков (Пр.: 318).

В обследованных говорах функционируют унаследованные без семантических изменений из материнских, южнорусских диалектов названия частей дома, строительных деталей, некоторых элементов интерьера крестьянского жилища: *бóров*, *боровóк* ‘часть трубы, находящаяся на чердаке’ (ср. *боров* ‘дымволок, лежащая труба проводная’ (Д, I: 115),

боров ‘часть трубы, лежащая на чердаке’ (Добр.: 37); *загнётка* ‘шесток, площадка перед устьем русской печи или очаг у русской печи, куда загребают жар’ (ср. *загнетка* ‘очаг’ (Сл. Жиздр.: 227), *загнётка* – 1. ‘горнушка на шестке русских печей’ «кур.» 2. ‘шесток у русской печи’ «кур.», «рыл.», «судж.», «калуж.», «жиздр.», «пенз.», «смол.», «орл.», «росл.», «тамб.» (Оп.: 61; Кард.-3: 91); *кóминь* ‘передняя верхняя часть русской печи’ (ср. *кóминь* ‘шесток с кожухом и трубой русской печи’ «юж.», «запд.» (Д, II: 147), «Комино или плечо в печи – пустое место около трубы» (Добр.: 310), *кóмень* ‘передняя часть печи для выхода дыму’ «кур.» (Оп.: 88), *кóмель* ‘верх печи’ (Мирт.: 383); *устье* ‘жерло печи’ [12: 5]; *сэни, сэницы* ‘прихожая, помещение, ведущее в жилую часть дома’ [14: 13; Добр.: 899; 4: 139; Д., IV: 380; Мирт.: 290]; *фóртка* ‘калитка’ (Д, IV: 393; Мирт.: 341) и мн. др.

Рассмотренный материал – яркое свидетельство того, что в лексической системе русских островных говоров, продолжительное время бытующих в разноязычном окружении, устойчиво сохраняются многочисленные элементы словаря материнских курских, орловских и других южнорусских говоров.

Семантическая стабильность южнорусских слов нередко объясняется экстралингвистическими факторами: неизменностью соответствующих реалий крестьянского быта, бережным сохранением элементов русской народной материальной культуры. Сохранение в новых условиях традиционной сельской усадьбы и южнорусского, в основном, курского типа жилища способствовало тому, что в русских островных говорах Одесщины без изменения в семантике до сих пор активно функционируют обозначения жилища и его частей, приусадебных построек, унаследованные от материнских южнорусских диалектов. Особенно устойчив курско-орловско-украинский лексический фонд (*хата, комнатка* (укр. *кімнатка*), *кут, зем* (*земь*), *клуня, комора, курник, закута, груба, гонт, кроквы, фортка* (укр. *хвіртка*) и др.). Активное употребление в соседних украинских диалектах слов, общих или сходных с южнорусизмами, препятствует вытеснению последних в русских островных говорах русскими литературными соответствиями.

Островные говоры, контактирующие с диалектами близкородственного языка, сохраняют особенности, утраченные основной массой материнских говоров, подвергаются большей консервации по сравнению с однотипными материковыми диалектами.

Лексика русских островных говоров даёт ценные сведения об исторической судьбе её носителей, ментальности и языковой картине мира русских переселенцев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдеева К. А.* Записки о старом и новом русском быте. – СПб., 1842. – 170 с.
2. *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов// Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX века. Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Т. XXXI. – М.: АН СССР, 1956.
3. *Будде Е.* О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях// Известия ОРЯС. – Т. III. – Кн. 3. – СПб., 1892. – С. 85-86.
4. *Будде Е.* О говорах Тульской и Орловской губернии. Материалы, исследования и словарь// Сборник ОРЯС. – Т. 76. – № 3. – СПб., 1904. – 245 с.
5. *Васьянов.* Курское наречие// Очерки России, издаваемые В. Пассеком. – Кн. IV. – М., 1840. – С. 12-26.
6. *Вержбицкий Г. И.* Курское наречие (Материалы для описания Курского края)// Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. – Курск, 1893. – 213 с.
7. *Зеленин Д. К.* Материалы для описания Воронежской губернии, хранящиеся в Архиве Императорского русского географического общества. Издание Воронежского губернского статистического комитета. – Воронеж, 1912. – 56 с.
8. *Кардашевский С. М.* О лексике курско-орловских говоров, общей с украинской и белорусской// Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. – Т. XVIII. – Вып. 4. – М., 1957. – С. 71-128, 161.
9. *Котков С. И.* К изучению орловских говоров. – Орел, 1952. – 189 с.
10. *Котков С. И.* Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников// Вопросы образования восточнославянских национальных языков. – М.: АН СССР, 1962.
11. *Материалы* для описания Курской губернии// Курские губернские ведомости. – 1850.
12. *Машкин А. С.* Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда// Этнографический сборник. – Вып. V. – СПб., 1862.
13. *Машкин А. С.* Обычай и обряды простонародья в городе Обояни// Труды Курского статистического комитета. – Вып. I. – Курск, 1863. – С. 6.
14. *Машкин А. С.* Песни, собранные в городе Обояни и его уезде А. С. Машкиным// Курский сборник. Издание Курского губернского статистического

- комитета. – Вып. III. Материалы по этнографии Курской губернии. – Курск, 1902. – С. 1-69, 93.
15. *Машкин А. С.* Сборники А. С. Машкина// Курский сборник. Издание Курского губернского статистического комитета. – Вып. IV. – Материалы по этнографии Курской губернии. – Курск, 1902.
 16. *Николаев.* Областные слова, употребляющиеся в Суджанском уезде// Курские губернские ведомости. – 1853. – № 42.
 17. *Никольский А.* Народные говоры Жиздринского уезда Калужской губернии// Русский филологический вестник. – Т. XLIX. – № 1-2. – Варшава, 1903.
 18. *Резанов В.* К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губернии. Отдельный оттиск из «Русского филологического вестника». – Т. XXXVIII. – № 3. – Варшава, 1897.
 19. *Резанова Е.* Материалы к этнографии Курской губернии. Детские игры. Поверья// Курский сборник. – Вып. I. – Курск, 1901.
 20. *Резанова Е.* Этнографические материалы, собранные в деревне Саломыковой Обоянского уезда учительницей Е. И. Резановой// Курский сборник. Издание Курского губернского статистического комитета. – Вып. III. – Материалы по этнографии Курской губернии. – Курск, 1902.
 21. *Соколов.* Этнографические сведения о государственных крестьянах Тульской губернии// Тульские губернские ведомости. – 1861. – №9.
 22. *Филин Ф. П.* Исследование о лексике русских говоров// Труды института языка и мышления им. Н. Я. Марра, сер. Slavica. – М.-Л: АН СССР, 1936.

Список сокращений

- Бурнаш.* – Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. – Т. I-III. – СПб., 1843-1844.
- Brükner* – Brükner A. Słownik etymologiczny Języka polskiego. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1970. – 806 с.
- Гр.* – Гринченко Б. Словарь украинского языка. – Т. I-IV. – Киев, 1907-1909.
- Д.* – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1980. – Т. I. – 700 с.; Т. II. – 780 с.; Т. III. – 556 с.; Т. IV. – 684 с.
- Добр.* – Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. – Смоленск, 1914. – 1022 с.
- Кард.-1* – Кардашевский С. М. Курско-орловский словарь// Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. – Т. 35. – Вып. 3. – М., 1956.
- Кард.-2* – Кардашевский С. М. Курско-орловский словарь// Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. – Т. 48. – Вып. 4. – М., 1957.
- Кард.-3* – Кардашевский С. М. Курско-орловский словарь// Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. – Т. 88. – Вып. 5. – М., 1960.
- Мирт.* – Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов-на-Дону, 1929. – 416 с.
- Оп.* – Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852. – 275 с.

- Пр.* – Этимологический словарь русского языка/ Сост. А. Г. Преображенский. – М., 1958. – 1284 с.
- СРГО* – Словарь русских говоров Одесщины: В 2-х т. – Т. I-II. – Одесса: Астро-принт, 2000-2001. – Т. I. – 376 с.; Т. II. – 296 с.
- Срезн.* – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. – Т. I-III. – СПб., 1893, 1895, 1903. – Т. I. – 771 с.; Т. II. – 919 с.; Т. III. – 996 с.
- Сл. Жиздр.* – Слова, употребляемые жителями города Жиздры// Труды общества любителей российской словесности. – Ч. 20. Летописи общества. – Год V. – М., 1820. – С. 227-229.
- Сл. РЯ XI-XVII* – Словарь русского языка XI-XVII вв. – М.: Наука, 1975-1991. – Вып. 1-17.
- СУМ* – Словник української мови: В 11 т. – К.: Наукова думка, 1970-1980. – Т. 1-11.
- Тр. КДРЯ* – Свод материалов, собранных МДК. Серия 2-я. Ответы на программу Комиссии. Южновеликорусские говоры. Словарь// Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка. – Вып. X. – Л.: АН СССР, 1928. С. 1-138.
- Тр. МДК* – Свод материалов, собранных Комиссией. Серия 2-я. Ответы на южновеликорусскую программу. Словарь // Труды Московской диалектологической комиссии. – Вып. VIII. – М., 1919. – С. 7-48.
- УРС* – Українсько-російський словник. – Т. I-IV. – К., 1953-1962.
- Фасмер* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Прогресс. – Т. I. 1986 – 576 с.; Т. II. 1986. – 672 с.; Т. III. 1987. – 832 с.; Т. IV. 1987. – 864 с.

НАЗВАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В РУССКИХ ГОВОРАХ ОДЕСЩИНЫ

Русские говоры Одесщины заслуживают особого внимания в связи с тем, что более 200 лет находятся в отрыве от основного языкового массива, от «материнских» южнорусских диалектов в условиях тесного непосредственного контактирования с соседними украинскими, болгарскими и молдавскими говорами. Изучение русских островных говоров, функционирующих в разноязычной и разнодиалектной среде, даёт интересный материал не только для диалектологии и истории русского языка, но и для решения важной общеязыковой проблемы взаимовлияния, взаимодействия территориально смежных языков и говоров, проблемы межъязыковых и междиалектных контактов, чрезвычайно актуальной в наше время. Особого внимания при

этом заслуживает лексика, ибо она является самым подвижным и проницаемым ярусом языковой системы.

Русские говоры Одесской области представляют значительный интерес своими специфическими лексическими особенностями, которые возникли вследствие непосредственных языковых и диалектных контактов разных народов, населявших ранее и населяющих теперь эту территорию. Особенно тесны и продолжительны на территории Одесщины контакты между славянами: русскими, украинцами и болгарами. Тесные экономические, культурные и бытовые связи между русскими, украинцами и болгарами оказали благотворное влияние на развитие и взаимообогащение лексического состава славянских говоров Одесщины, особенно бытовой и сельскохозяйственной лексики, в частности, ЛСГ «Наименования домашних животных». Русские говоры Одесской области содержат богатый, разнообразный и интересный материал по данной группе лексики. Объясняется это не только сохранением в исследуемых говорах древних, исконных (литературных и диалектных) лексем, но и наличием в этой ЛСГ большого количества иноязычных слов, заимствованных русскими у соседей: украинцев, болгар, молдаван.

Как показывает анализ, многие наименования домашних животных, бытующие в русских говорах Одесщины, являются общеизвестными, распространёнными на всей русской территории. Это слова общеславянского и восточнославянского происхождения: *баран, бык, боров, конь, кобыла, корова, жеребёнок, телёнок, кляча, овца, ярка* [б: 3-114]. Южнорусизмами, воспринятыми от «материнских» говоров, являются лексеммы: *бугáй* ‘племенной бык’, *третья́к* ‘конь по третьему году’ и ‘бык по третьему году’, *тели́ца, тёлка, нётель* ‘молодая, ещё не телившаяся корова’, *яловка* ‘яловая, нетелившаяся корова’, *лошо́нок* ‘жеребёнок до года’, *годовíк* ‘годовалый жеребёнок’, *кнур* ‘кладеный кабан’, *хряк* ‘нехолощённый кабан’, *ва́лух, валушо́к* ‘кладеный баран’, *порося́* ‘поросёнок’ и др. (Д., СРНГ).

Из украинского языка и его говоров русские переселенцы заимствовали общие наименования домашних животных и скота *твары́на, ху-*

до́ба, а также слова *гуч* ‘жеребец в возрасте двух лет’, *лоша́*, *лоши́ца* ‘молодая лошадь’, *шкáна* ‘кляча’, *невóрка* ‘овца в возрасте двух лет’ (ср. укр. *невóра* ‘овца с первым ягненком, молодая овца’), *пéрвостка* ‘впервые отелившаяся корова’ (ср. укр. *первістка*), *лѣха* ‘свинья, оставленная на откорм’ (ср. укр. *льоха*), *цап* ‘козел’, *пацю́к* ‘поросёнок’; из болгарских говоров – *коч* ‘баран, оставленный на племя’, *хазма́н* ‘холощёный баран’, *óвен* ‘кастрированный баран’, *мага́рь* ‘осёл’. Из молдавского языка и его говоров русские восприняли лексемы: *неля́пка* ‘корова, отелившаяся раньше трёх лет’, *цыга́я*, *цыга́йка* ‘тонкорунная овца с мягкой шерстью’, *парна́я*, *парна́йка* ‘грубошерстная овца’.

Русским переселенческим говорам, как и говорам основного диалектного массива, присуща разветвлённая детализация наименований домашних животных в зависимости от возраста, пола, функций в хозяйстве, цвета и качества шерсти и т.п. Причём вследствие наличия в островных говорах, функционирующих в разноязычном окружении, многочисленных заимствованных наименований детализация животных в них более дробная, чем в говорах «материнских», материковых. Сравните, к примеру, зафиксированные в русских говорах Одесщины слова, отражающие возрастную дифференциацию лошадей: южнорусизмы *сосуно́к* ‘жеребёнок, сосущий матку’, *лошо́нок* ‘жеребёнок до года’, *стригу́н*, *стригунóк* ‘жеребёнок в возрасте одного года’, *годо-ви́к* ‘годовалый жеребёнок’, *третья́к* ‘трёхлетний конь’ (Д., СРНГ), украинизмы *лоша́*, *лоши́ца* ‘молодая кобыла, которая ещё не жеребилась’ [1: 21], *гуч*, *гу́чик* ‘двухлетний жеребец’ [2: 323; 4: 239].

Детализированы по возрасту в русских говорах Одесщины и названия крупного рогатого скота. Среди слов, употребляемых для возрастной дифференциации коров, выделяются русские литературные и диалектные: *тѣлка*, *телу́шка*, *тели́ца*, *не́тель* ‘молодая, ещё не отелившаяся корова’, *перви́ца*, *перва́чка* ‘корова, отелившаяся первый раз’ (Д., III: 30). Примечательно, что в этом же значении в русских говорах Одесщины более широко употребляется заимствованное из

соседних украинских говоров *пéрвосточка* (ср. укр. *пéрвістка*, ум. *пéрвісточка* (Гр., III: 107; 1: 27). Корову, отелившуюся рано, до трёх лет, русские переселенцы называют *неля́пка*, *неля́почка*. Лексема *неля́пка* заимствована у молдаван (ср. молд. *неля́пкэ*). Слово *неля́пка* ‘корова, которая впервые отелилась несвоевременно, на сезон раньше’ известно и соседним украинским говорам, куда оно попало из молдавских [4: 239; 1: 27].

Различают русские поселенцы в зависимости от возраста и названия овцы. Овца по первому году, ещё не ягнившаяся, обозначается унаследованным из южнорусских говоров словом *я́рка* (ум. *я́рочка*) (Д, IV: 680), южнорусским в исследуемых говорах является также номен *перя́рка* ‘годовалая овца’ (Д, III: 100). Слово *невóрка* ‘овца в возрасте двух лет’ заимствовано русскими из украинских говоров (ср. в укр. гов. Одесщины *нівóра* ‘овца с первым ягненком’ [4: 239; 1: 17]).

Детализированы названия домашних животных и по их использованию в хозяйстве, по их основным хозяйственным функциям: *хряк*, *кнур* ‘нехолощёный самец свиньи, производитель’, *газмáн* (*хазмáн*) ‘холощёный баран’, *коч* ‘баран, оставленный на племя’, *óвен* ‘кастрированный баран, оставленный на мясо’ и т.п.

Проникновение заимствований в исследуемую ЛСГ, как правило, объясняется издавна свойственной говорам тенденцией к детализации, дифференциации названий домашних животных в зависимости от важных с точки зрения крестьянского хозяйствования признаков. Стремлением к конкретизации, детализации более общего понятия объясняются такие заимствования из украинских говоров, как *гуч*, *гучик* ‘двухлетний жеребец’, *пéрвосточка* ‘впервые отелившаяся корова’, *лошá*, *лошíца* ‘молодая кобыла, которая ещё не жеребилась’ и др., из молдавских – *неля́пка* ‘корова, отелившаяся раньше трёх лет’, *цыгáя*, *цыгáйка* ‘тонкорунная овца с мягкой шерстью’, *парнáя*, *парнáйка* ‘грубошерстная овца’, из болгарских – *коч* ‘баран, оставленный на племя’, *газмáн* (*хазмáн*) ‘холощёный баран’, *óвен* ‘кастрированный баран, оставленный на мясо’.

Вместе с новым понятием, ранее неизвестным русским переселенцам, в русские говоры из болгарских вошло слово *магáрь*. Русское соответствие *осёл* местные жители не употребляют.

Все заимствованные слова претерпевают на русской почве разнообразные фонетико-морфологические преобразования, некоторые – семантические.

В заимствованиях происходит сужение и, напротив, расширение значений, при этом чаще отмечается сужение смыслового объёма многозначного в языке-источнике слова, то есть заимствование слова не во всех, а только в некоторых или чаще в одном значении, причём в самом конкретном. Это общезыковая закономерность. Известный французский исследователь Доза подчеркивает: «В подлинных заимствованиях наиболее замечательное семантическое явление – это специализация значений» [3: 138]. Это наблюдается при освоении заимствований как из близкородственного, восточнославянского, украинского языка, так и из южнославянского, болгарского. Ср. укр. *пéрвістка* (ум. *пéрвісточка*) – 1. ‘первенец женского пола’, 2. ‘родившийся первый раз’, 3. ‘первый раз отелившаяся корова’ (Гр., III: 107), в русских говорах *пéрвосточка* употребляется только для наименования впервые отелившейся коровы.

Из болгарских говоров только в одном из своих значений в русские говоры вошло многозначное *магáре*, освоенное русскими в форме *магáрь*. В русских говорах сущ. м. рода *магáрь* – ‘осёл’, в болгарских сущ. ср. р. *магáре* не только ‘осёл’, но и переносное, пренебрежительное ‘тупица, болван’ (о человеке), а также ‘кобылка на скрипке’ и ‘козлы для пиления дров’ (Чук.: 373). Слово *магáрь* ‘осёл’ знакомо также соседним украинским говорам. Как иностранное оно зафиксировано А. А. Москаленко в словаре диалектизмов украинских говоров Одесской области [5: 49]. Бытует слово *мэгáр* в молдавском и румынском языках. В молдавском *мэгáр* – ‘осёл’ (МРС: 402), в румынском *mâgâr* ‘осёл’ и перен. ‘тупица, болван’ (РумРС: 402). Однако широкая многозначность слова *магáре*, наличие большого количества производных от него в болгарском языке дают основание пред-

полагать, что оно является в болгарском укоренившимся, более древним, чем в молдавском и румынском. Вероятно, именно из болгарского оно было заимствовано носителями молдавского и румынского языков, украинских и русских говоров Одесской области.

Наряду с сужением смыслового объёма иноязычных, инодиалектных полисемантических слов, с закреплением их лишь в одном из своих значений, наблюдается, правда, гораздо реже сужение семантики заимствований в результате конкретизации в русских говорах понятий, обозначенных этими словами. Из болгарских говоров с более узким, конкретизированным значением в русские говоры вошло слово *хазма́н* (*газма́н*). *Газма́н* (*хазма́н*) в исследуемых говорах ‘холощёный баран’, в болгарских *хазма́н*, ‘всякое кастрированное животное’ (ТВШ: 96).

Иногда при усвоении иноязычных слов наблюдается контаминация. Контаминируют обычно два слова с одинаковыми значениями, близкие по своему звучанию, по своей морфонологической структуре. В качестве взаимодействующих элементов при контаминировании выступает, с одной стороны, местное, с другой – близкое ему по звучанию и значению иноязычное слово. В результате лексической контаминации образуются новые слова или новые формы слов. Так, южнорусское *кутёнок* ‘щенок’ в результате контаминации с украинским *цуценя́* в том же значении видоизменилось в *куценёнок*.

Отмечены случаи, когда от корней заимствованных наименований домашних животных по словообразовательным моделям, характерным для русских говоров, образуются производные слова. Так, на базе заимствованного у болгар *мага́рь* ‘осёл’ в русских говорах образованы *магаря́ца* ‘ослица’, *магарёнок*, *магарёночек* ‘детёныш ослицы’, *магаря́та*, *магаря́тки* ‘ослятки’, а также глагольные экспрессивы *мага́рить*, *мага́рничать* ‘тяжело работать’ и производные от них *помага́рить*, *помага́рничать*.

Взаимодействие исконных, южнорусских слов с русскими литературными и заимствованными из соседних языков и говоров приво-

дит к появлению в переселенческих говорах большого количества дублетов и синонимов: *баран – óвен – газман (хазман) – коч; магарь – осёл; кутёнок – щенок – куценёнок – цуценя́; козёл – цап; тёлка – телу́ца – телу́шка – нётель; свинья – лёха* и др.

Анализ дублетных наименований показывает, что они, как правило, являются только смысловыми дублетами, дублетами по значению, отличаясь друг от друга степенью и сферой употребления.

По степени употребительности компонентов в группе дублетов, состоящих из заимствованных и русских слов, выделяются, во-первых, дублеты с преобладанием в употреблении русского компонента: *баран – óвен, козёл – цап, свинья – лёха, поросёнок – порося́ – пацю́к*, во-вторых, дублеты с более употребительным заимствованным, украинским или болгарским компонентом: *первосточка – перва́чка – перву́ца, шкáпа – кля́ча, магарь – осёл*.

Обычно местные жители дают оценку дублетам как «старым» или «новым», «чужим» или «своим» и т.п. В результате такой стилистической дифференциации появляются стилистические синонимы.

Заимствованные наименования домашних животных, несомненно, обогащают лексико-семантическую систему русских переселенческих говоров. Они позволяют конкретизировать некоторые общие понятия, разграничить оттенки значений, обогащают местную синонимику.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гриценко П. Ю. Моделювання системи діалектної лексики. – К.: Наукова думка, 1984. – 227 с.
2. Дзензелівський Й. О. Українські говори Нижнього Придністров'я. Канд. дисертація (рукопис), частина I. – Одеса, 1951.
3. Доза А. История французского языка. – М., 1956. – 472 с.
4. Дроздовський В. П. Спостереження над сільськогосподарською лексикою українських говірок Татарбунарського, Тузлівського і Саратського районів Одеської області// Праці Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова. – Т. 148. – Вип. II. – Одеса, 1958. – С. 233-245.
5. Москаленко А. А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. – Одеса, 1961. – 78 с.

6. Трубочёв О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках: (Этимологические исследования). – М.: Наука, 1960. – 114 с.

Список сокращений

Гр. – Гринченко Б. Словарь украинского языка, тт. I-IV. – К., 1907-1909. – Ре-
принтне видання. – К.: Лексикон, 1996. – 2971 с.

Д. – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.:
Русский язык, 1980. – Т. I. – 700 с.; Т. II. – 780 с.; Т. III. – 556 с.; Т. IV. – 684 с.

МРС – Молдавско-русский словарь. – М., 1961. – 780 с.

РумРС – Румынско-русский словарь/ под ред. Б. А. Андрианова и Д. Е. Ми-
хальчи. – М., 1953. – 820 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров/ Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Соро-
колетов. – Вып. 1-36. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965-2003.

Чук. – Чукалов С. Българско-руски речник. – София, 1957. – 1191 с.

ТВШ – Швецова Т. В. Материалы для словаря болгарских говоров СССР.
Словарь говора села Твардицы МССР// Статьи и материалы по болгарской
диалектологии СССР. – Вып. 2. – М., 1952. – С. 96.

ТЕМАТИКА НАУЧНЫХ РЕФЕРАТОВ, ПРЕДЛАГАЕМЫХ СТУДЕНТАМ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Важнейшей задачей спецкурса «Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении» является развитие у студентов интереса к научно-исследовательской работе по изучению лексико-семантической системы русских островных говоров Одесщины, её становления, состава, функционирования и динамики в условиях разноязычного, полилингвального, полиэтнического окружения. Этот интерес формируется на лекциях и практических занятиях по дисциплине «Русская диалектология», в процессе ознакомления студентов со словарными материалами двухтомного «Словаря русских говоров Одесщины», а также на диалектологической практике в русских селениях Одесской области, в ходе которой студенты закрепляют и углубляют полученные на лекциях теоретические знания по русской диалектологии, анализируя лексико-семантические особенности русских говоров в связных диалектных текстах, записанных во время бесед с коренными жителями русских селений.

Материалы диалектологической практики используются при написании научно-исследовательских докладов, с которыми студенты выступают на итоговой конференции по спецкурсу. Каждый студент выбирает одну из предлагаемых проблем по изучению лексики русских переселенческих говоров. Лучшие студенческие доклады печатаются в сборниках научных студенческих работ. Материалы этих исследований студенты используют для написания бакалаврских, дипломных и магистерских работ.

Исследование лексико-семантической системы русских островных говоров, особенностей их функционирования, взаимодействия с разноязычным окружением предполагает решение следующих проблем:

1. Исследование русских говоров Одесской области: степень изученности и перспективы дальнейшего изучения.
2. Региональный словарь дифференциального типа в системе научных ценностей.

3. «Словарь русских говоров Одесщины» как источник изучения этнокультурных, межъязыковых связей на диалектном уровне.
4. Словарная статья в «Словаре русских говоров Одесщины».
5. Полисемия в диалектном словаре (на материале «Словаря русских говоров Одесщины»).
6. Старое и новое в бытовой лексике русских говоров Одесской области.
7. Инновации (словообразовательные и семантические) в русских говорах Одесской области.
8. Влияние русского литературного языка на говор с. Павловка Арцизского района.
9. Архаизмы и неологизмы в сельскохозяйственной лексике русского говора с. Приморское Килийского района.
10. Этнографическая лексика в русских говорах Одесской области (на материале «Словаря русских говоров Одесщины»).
11. Названия женской одежды в старообрядческом говоре с. Приморское Килийского района.
12. Лексика прядения и ткачества в говоре с. Вознесенка Саратовского района.
13. Типология лексических диалектизмов (на материале метеорологической лексики русских говоров Одесщины).
14. Метеорологическая лексика в говоре с. Старая Некрасовка Измаильского района.
15. Заимствования из близкородственного языка и его говоров в словарном составе русского островного говора с. Вознесенка Арцизского района.
16. Заимствования из молдавского языка в лексике говора с. Александровка Котовского района.
17. Болгаризмы в русских переселенческих говорах Одесской области.
18. Различные типы адаптации заимствованных слов в русских говорах Одесской области (по материалам «Словаря русских говоров Одесщины»).

19. Явление омонимии в региональном словаре (по материалам «Словаря русских говоров Одесщины»).
20. Синонимия и антонимия в старообрядческом говоре с. Старая Некрасовка Измаильского района.
21. Метафорические наименования в русских говорах Одесской области (по материалам «Словаря русских говоров Одесщины»).
22. Эмоционально-экспрессивная лексика в русских переселенческих говорах (по материалам «Словаря русских говоров Одесщины»).
23. Семантика экспрессивов со значением лица в «Словаре русских говоров Одесщины».
24. Семантические процессы в русских говорах Арцизского района Одесской области (лексическая группа «Названия людей» (по материалам диалектологических экспедиций (1957-2002 гг.)).
25. Антропонимы русского островного говора с. Муравлёвка Измаильского района (фамилии, имена, отчества диалектоносителей).
26. Прозвища в русском говоре с. Приморское Килийского района.
27. Агентивы в «Словаре русских говоров Одесщины».
28. Лексика свадебного обряда с. Павловка Арцизского района.
29. Лексика родильно-крестильного обряда в с. Вознесенка Арцизского района.
30. Фразеологические особенности говора (по выбору студента).
31. Русские переселенческие говоры Придунавья как отражение языковой ситуации на юго-западе Одесской области.
32. Лексико-семантические группы глаголов в русских говорах Одесской области (по материалам «Словаря русских говоров Одесщины»).
33. Словообразование глаголов в говоре с. Павловка Арцизского района.
34. Словообразование имён существительных в русских островных говорах (по материалам «Словаря русских говоров Одесщины»).
35. Словообразование имён прилагательных в русских переселенческих говорах (по материалам «Словаря русских говоров Одесщины»).

36. Словообразование наречий в русских говорах Одесской области.
37. Бытовая лексика в русском говоре с. Приморское Килийского района.
38. Наименования пищи в русских говорах Одесской области.
39. Наименования посуды, предметов домашнего обихода в русских говорах Одесщины (по материалам «Словаря русских говоров Одесщины»).
40. Лексические особенности местного фольклора: песен, частушек, сказок (по материалам магнитофонных записей диалектологических экспедиций в русские сёла Килийского и Измаильского районов Одесской области).
41. Вариативность народного слова и её отражение в «Словаре русских говоров Одесщины».
42. Вариантные ряды как отражение системных связей в русских островных говорах, функционирующих в разноязычном окружении.
43. Фонетические варианты слова в «Словаре русских говоров Одесщины».
44. Образность и мотивированность диалектного слова.
45. Национально-культурная специфика традиционной лексики русских говоров Одесской области.
46. Наименования крестьянского жилища и его частей в русских говорах Одесской области (по материалам «Словаря русских говоров Одесщины»).
47. Рыболовецкая лексика русских говоров Придунавья.
48. Лингвокультурные феномены, формирующие картину мира русских-старообрядцев Придунавья.
49. Лексика русских островных говоров Одесской области в этнолингвистическом аспекте (по материалам «Словаря русских говоров Одесщины»).
50. Лексика русских говоров Одесской области в лингвокультурологическом аспекте (по материалам «Словаря русских говоров Одесщины»).

РУССКИЕ ОСТРОВНЫЕ ГОВОРЫ ОДЕСЩИНЫ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Баранник Л. Ф. (Дерганова Л. Ф.)* Некоторые особенности сельскохозяйственной лексики говора русских сёл Вознесенки, Введенки, Павловки Татарбунарского района Одесской области // Тез. доп. наукової конференції, присвяченої підсумкам науководослідницької роботи за 1964 рік. – Ізмаїльський державний педагогічний інститут. – Ізмаїл, 1965. – С. 107-111.
2. *Баранник Л. Ф. (Дерганова Л. Ф.)* Некоторые особенности бытовой лексики русских говоров Измаильского, Килийского, Татарбунарского районов Одесской области // Наукова конференція, присвячена 25-річчю інституту. Тез. доп. – Ізмаїл, 1966. – С. 78-92.
3. *Баранник Л. Ф. (Дерганова Л. Ф.)* Лексические заимствования в русских говорах Одесской области // Уч. зап. Московского государственного пединститута им. В. И. Ленина. – №292. – М., 1968. – С. 242-256.
4. *Баранник Л. Ф.* О некоторых южновеликорусских словах в русских переселенческих говорах Одесской области // Ученые записки Московского государственного пединститута им. В. И. Ленина. – №326. – М., 1969. – С. 79-88.
5. *Баранник Л. Ф.* Лексика русских говоров, функционирующих в разноязычном окружении (на материале переселенческих говоров Одесской области УССР): АКД.-М., 1969. – 18 с.
6. *Баранник Л. Ф.* К вопросу о русско-болгарских языковых взаимосвязях (на материале лексики русских переселенческих говоров Одесской области УССР) // Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу. (Ленинград, 26-30 сент. 1972.): Тез. докл. – М., 1972. – С. 47-49.
7. *Баранник Л. Ф.* К вопросу о русско-украинских языковых взаимосвязях (на материале русских переселенческих говоров Одесской области УССР) // Совещание по Общеславянскому лингви-

- стическому атласу. (Ужгород, 25-28 сент. 1973 г.) – М., 1973. – С. 125-127.
8. *Баранник Л. Ф.* Программа и методические указания для студентов II курса по диалектологической практике. – Одесса, 1977. – 14 с.
 9. *Баранник Л. Ф.* Методические указания и задания по русской диалектологии для студентов стационара, вечернего и заочного отделения. – Одесса, 1978. – 68 с.
 10. *Баранник Л. Ф.* Лексические особенности русских переселенческих говоров Одесской области // Русские говоры на Украине. – Киев: Наукова думка, 1982. – С. 85-98.
 11. *Баранник Л. Ф.* Словарь русских говоров Одесской области // Русские говоры на Украине. – Киев: Наукова думка, 1982. – С. 181-211.
 12. *Баранник Л. Ф.* Рабочая программа диалектологической практики по специальности 2001 (Русский язык и литература) для студентов II курса филологического факультета. – Одесса: ОГУ, 1982. – 22 с.
 13. *Баранник Л. Ф.* Фонетические варианты слов в русских переселенческих говорах Одесской области УССР // Вариативность как свойство языковой системы: Тез. докл. – Ч. I. – М.: Наука, 1982. – С. 66-68.
 14. *Баранник Л. Ф.* Практические занятия по русской диалектологии. Методические указания и задания для студентов II курсов русского отделения всех форм обучения. – Одесса: ОГУ, 1983. – 74 с.
 15. *Баранник Л. Ф.* Болгаризмы в русских говорах Одесской области УССР // Съпоставително езикознание. – IX. – 1984. – Кн. 6. – София: БАН. – С. 10-20.
 16. *Баранник Л. Ф.* Методические указания и программа-вопросник по диалектологической практике для студентов-филологов. – Одесса: ОГУ, 1984. – 65 с.

17. *Баранник Л. Ф.* Русская диалектология. Сборник упражнений. – Киев-Одесса: Головное издательство объединения «Вища школа», 1986. – 160 с. (В соавторстве с Г. М. Мижевской).
18. *Баранник Л. Ф.* Лексическое взаимодействие в условиях межъязыкового контактирования (на материале лексики русских говоров Одесской области УССР, функционирующих в разноязычном окружении) // Особенности функционирования русского языка в национальной республике. Проблемы взаимодействия языков. – Кишинёв, 1986. – С. 119-125.
19. *Баранник Л. Ф.* К вопросу о межъязыковых контактах (на материале лексики русских говоров Одесской области УССР, функционирующих в украинском и болгарском окружении) // IX республіканська славістична конференція (12-14 травня 1987 р.): Тез. доп. і повідомлень. – Ч. 1. – Одеса, 1987. – С. 76-77.
20. *Баранник Л. Ф.* Методические указания и задания по русской диалектологии для самостоятельной работы студентов филологического факультета. – Одесса: ОГУ, 1987. – 32 с.
21. *Баранник Л. Ф.* Прозвища в русских говорах Одесщины // Шоста республіканська ономастична конференція (4-6 грудня 1990 р.): Тез. доп. і повідомлень. – Ч. II. – Описова та прикладна ономастика. – Одеса, 1989. – С. 12-13.
22. *Баранник Л. Ф.* Словарь русских говоров Одесщины. – Вып. 2. – Одесса, 1989. – 333 с. Рукопись депонирована в справочно-информационном фонде ИНИОН АН СССР (№41024 от 12.02.1990) (В соавторстве).
23. *Баранник Л. Ф.* Некоторые лексические особенности русских говоров Юга Украины, функционирующих в разноязычном окружении // Учитель и общество: опыт, проблемы, поиски. К 50-летию Измаильского педагогического института. – Измаил, 1990. – С. 303-304.
24. *Баранник Л. Ф.* К вопросу о русско-украинско-болгарских языковых контактах (на материале лексики русских переселенческих говоров Одесской области Украины) // Актуальні проблеми від-

родження мов і культур західних та південних слов'ян в Україні: тез. доп. і повідомлень. – Ч. II. – Одеса, 1993. – С. 117-122.

25. *Баранник Л. Ф.* Изменение значений диалектных слов в русских говорах Одесщины, функционирующих в разноязычном окружении // Матеріали міжнародної наукової конференції «Семантика мови і тексту». – Ч. II. – Івано-Франківськ, 1993. – С. 9-11.
26. *Баранник Л. Ф.* К вопросу о межъязыковых и междиалектных контактах // Тез. доп. I-ої Міжнародної наукової конференції пам'яті професора Ю. О. Жлуктенка (1915-1990) // Мови Європейського культурного ареалу: проблеми розвитку та взаємодії. – Київ, 1995. – С. 8.
27. *Баранник Л. Ф.* К вопросу о взаимодействии национальных языков и культур (на материале бытовой лексики русских говоров Одесщины) // Национальное своеобразие культур и литератур. Международный сборник научных сообщений, посвященных 55-летию Измаильского государственного педагогического института. – Измаил, 1995. – С. 104-106.
28. *Баранник Л. Ф.* К вопросу о болгарско-русских междиалектных контактах // Матеріали міжвузівської наукової Кирило-Мефодіївської конференції. – Одеса, 1996. – С. 3-4.
29. *Баранник Л. Ф.* Некоторые особенности русско-болгарского междиалектного взаимодействия на лексическом уровне (на материале русских переселенческих говоров Одесщины) // Слов'янський збірник. – Вип. I. – Одеса, 1996. – С. 5-10.
30. *Баранник Л. Ф.* Някои особености на българо-руските междудиалектни контакти на територията на Одеска област в Украйна // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. – Т. 6. – Велико Търново, 1997. – С. 413-427.
31. *Баранник Л. Ф.* Наименования домашних животных в русских говорах Одесщины (к проблеме взаимодействия славянских языков и говоров) // Слов'янський збірник. – Вип. III. – Одеса, 1997. – С. 21-26.

32. Баранник Л. Ф. К проблеме русско-украинско-болгарского междиалектного взаимодействия (на материале лексики русских островных говоров Одесщины) // Слов'янський збірник. – Вип. V. – Одеса, 1998. – С. 13-20.
33. Баранник Л. Ф. Лексика островных русских говоров в полиязычном окружении как источник изучения диалектов в национально-культурном аспекте // Национально-культурный компонент в тексте и языке. Материалы II Международной научной конференции (7-9 апреля 1999 г.): В 3-х чч. – Ч. 2. – Минск, 1999. – С. 62-66.
34. Баранник Л. Ф. Прозвища в русском островном говоре с. Александровка Котовского района Одесской области // Записки з ономастики. – Вип. I. – Одеса: Астропринт, 1999. – С. 36-43.
35. Баранник Л. Ф. Молдаванизмы в русских островных говорах Одесщины // Записки з загальної лінгвістики. Збірник наукових праць. – Вип. I. – Одеса, 1999. – С. 59-66.
36. Баранник Л. Ф. Русские островные говоры Юга Украины в полиязычном окружении (динамика лексики) // Слов'янський збірник. – Вип. VI. – Одеса, 1999. – С. 78-85.
37. Баранник Л. Ф. Некоторые особенности лексической системы русских островных говоров в разноязычном окружении // Слов'янський збірник. – Вип. VII. – Одеса, 2000. – С. 100-108.
38. Баранник Л. Ф. Словарь русских говоров Одесщины: В 2-х тт. – Т. I. – А-О. – Одесса: Астропринт, 2000. – С. 63-116. (Буква В).
39. Баранник Л. Ф. Словарь русских говоров Одесщины: В 2-х тт. – Т. II. – П-Я. – Одесса: Астропринт, 2001. – С. 7-205. (Буквы П, Р, С).
40. Баранник Л. Ф. Причины заимствования иноязычных слов в русские островные говоры юга Украины // Записки з загальної лінгвістики: Збірник наукових праць. – Вип. 3. – Одеса: Астропринт, 2001. – С. 3-10.
41. Баранник Л. Ф. Семантические инновации в русских островных говорах Одесщины (на материале «Словаря русских говоров

- Одесщины») // Слов'янський збірник. – Вип. VIII. – Одеса, 2001. – С. 87-93.
42. Баранник Л. Ф. Украинские элементы в русских островных говорах Одесщины // Записки з загального мовознавства. – Вип. V. – Одеса: Астропринт, 2002. – С. 119-206.
43. Баранник Л. Ф. Этапы исследования русских островных говоров Юга Украины // Аванесовские чтения. Международная конференция 14-15 февраля 2002 года. Тезисы докладов. – Москва, 2002. – С. 26-28.
44. Баранник Л. Ф. Омонимы в русских островных говорах, функционирующих в разноязычном окружении // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы межкультурной коммуникации в новых геополитических условиях» 27-29 мая 2002 г. – Тирасполь: РИО ГПУ, 2002. – С. 27-29.
45. Баранник Л. Ф. Украинизмы в лексической системе русских островных говоров Юга Украины // Мовознавство: Доповіді та повідомлення на IV Міжнародному конгресі українців/ Відп. ред. В. Німчук. – Київ: Пульсари, 2002. – С. 134-137.
46. Баранник Л. Ф. Лексические омонимы в русских островных говорах Юга Украины // Слов'янський збірник. – Вип. IX. – Одеса: Астропринт, 2002. – С. 203-207.
47. Баранник Л. Ф. Южнорусские слова в русских островных говорах Одесщины (названия крестьянского дома, хозяйственных приусадебных построек) // Мова. – № 7. – Одеса: Астропринт, 2002. – С. 18-24.
48. Баранник Л. Ф. Лексическое взаимодействие в условиях межъязыкового контактирования (на материале лексики островных говоров Одесщины) // Язык и культура. Научное издание / Главн. ред. Д. С. Бураго. – Киев: Издательский Дом Дмитрия Бураго, 2002. – Вып. 5. Том. 3. Часть первая. Национальные языки и культуры в их специфике и взаимодействии. – С. 17-24.

49. Баранник Л. Ф. Лексика русских островных говоров Юга Украины как система // Информационный бюллетень УАПРЯЛ. – Вып. 7. – Киев, 2003. – С. 42-43.
50. Баранник Л. Ф. Вариативность слова в русских островных говорах Юга Украины // Слов'янський збірник. – Вип. X. – Одеса: Астропринт, 2003. – С. 212-221.
51. Баранник Л. Ф. «Словарь русских говоров Одесщины» как продолжение и развитие лексикографических традиций В. И. Даля // Седьмые международные Далевские чтения. Доклады и материалы. – Луганск, 2003. – С. 6-10.
52. Баранник Л. Ф. Слова з українським національно-культурним компонентом у російських говірках Півдня України // Записки з українського мовознавства. – Вип. 12. «Українська ментальність: діалог світів»: Збірник наукових праць. – Одеса: Астропринт, 2003. – С. 326-332.
53. Баранник Л. Ф. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русских островных говорах Юга Украины // Язык и культура. – Вып. 6. – Т. V. – Ч. 1. Национальные языки в их специфике и взаимодействии. – К., 2003. – С. 104-111.
54. Баранник Л. Ф. Семантическая адаптация заимствованных слов в русских островных говорах Юга Украины // Мова. – № 8. – Одеса: Астропринт, 2003. – С. 14-19.
55. Баранник Л. Ф. Материнская южнорусская лексика в русских островных говорах Юга Украины // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции 23-25 марта 2004 г. – Москва, 2004. – С. 4-6.
56. Баранник Л. Ф. Традиционная южнорусская лексика в речи липован Юга Украины // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. – Вып. 1. – Одесса, 2004. – С. 129-139.
57. Баранник Л. Ф. Национально-культурная специфика лексики в русских островных говорах Одесщины // Материалы и исследования русской диалектологии. II (VIII). – Москва: Наука, 2004. – С. 326-334.

58. Баранник Л. Ф. Русские островные говоры Одесщины: Библиография. – Одесса, 2004. – 10 с.
59. Баранник Л. Ф. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля как источник лингвокультурного материала при изучении русского языка // Русистика и современность: Материалы VII Международной конференции 17-18 сентября 2004 г. – Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – СПб., 2005. – С. 80-86.
60. Баранник Л. Ф. Русские островные говоры Юга Украины как лингвофеномен // Язык и культура. Научное издание. – Вып. 8. – Т. IV. – Киев: Издательский Дом Дмитрия Бураго. – Киев, 2005. – С. 80-88.
61. Баранник Л. Ф. Лексика, связанная с пищей, в русских старообрядческих говорах Украины // Липоване. История и культура русских-старообрядцев. – Вып. II. – Одесса, 2005. – С. 173-184.
62. Баранник Л. Ф. Национально-специфическая лексика русских островных говоров юга Украины // Слов'янський збірник. – Вип. XI. – Одеса: Астропринт, 2005. – С. 78-87.
63. Баранник Л. Ф. Специфика развития лексико-семантической системы русских переселенческих говоров юга Украины в разноязычной среде // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции 23-25 октября 2006 г. – Москва, 2006. – С. 5-7.
64. Баранник Л. Ф. Некоторые особенности развития лексики русских островных говоров Юга Украины в условиях междиалектных и межъязыковых контактов // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы): Материалы III Международной научной конференции (Минск, 6-7 апреля 2006 г.): В двух частях. – Ч. 2. – Минск: РИВШ, 2006. – С. 241-244.
65. Баранник Л. Ф. Межъязыковые контакты на диалектном уровне (на материале лексики русских переселенческих говоров юга Ук-

- раины) // Слов'янський збірник. – Одеса, 2006. – Вип. 12. – С. 188-193.
66. Баранник Л. Ф. Изучение русских переселенческих говоров Украины // Мова: Науково-теоретичний часопис. – Вип. 11. – Одеса: Астропринт, 2006. – С. 192-199.
67. Баранник Л. Ф. Наименование женской одежды в старообрядческих говорах Одесщины // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. – Одесса, 2006. – Вып. 3. – С. 161-168.
68. Баранник Л. Ф. К вопросу о лексических заимствованиях в русских островных говорах Одесщины // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2007. – Т. 20 (59), №3. – Филология. – С. 89-95.
69. Баранник Л. Ф. Особенности межъязыкового и междиалектного взаимодействия в русских островных говорах Юга Украины // Мова і культура. – К., 2007. – Вип. 9, т. 5 (93). Національні мови і культури в їх специфіці та взаємодії. – С. 123-130.
70. Баранник Л. Ф. Из наблюдений над лексикой русских переселенческих говоров, функционирующих в разноязычном окружении (по материалам „Словаря русских говоров Одесщины”) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – Кострома, 2007. – Т. 13. – С. 39-46.
71. Баранник Л. Ф. Лексика свадебного обряда русского говора села Старая Некрасовка Измаильского района Одесской области // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету: Зб. науков. праць. – Вип. 21. – Ізмаїл, 2006. – С. 39-45.
72. Баранник Л. Ф. Русские островные говоры Одесщины: библиография// Мова: Науково-теоретичний часопис. – Вип. 12. – Одеса: Астропринт, 2007. – С. 151-157.
73. Баранник Л. Ф. Лексико-семантическое своеобразие русских островных говоров Одесщины, функционирующих в полиязычной среде // Studia slovakistica: Ювілей. – Вип. 8. – Ужгород: Видавництво О. Гаркуші, 2008. – С. 32-43.

74. Баранник Л. Ф. Динамика лексико-семантической системы русских островных говоров Одесщины, функционирующих в разноязычном окружении // *Діалектна мова: сучасний стан і динаміка в часі* // Київ, 2008. – С. 30-33.
75. Баранник Л. Ф. „Словарь русских говоров Одесщины” – продолжение богатейших традиций русской диалектной лексикографии // *Філологічні дослідження. Збірник наукових праць з нагоди 80-річчя члена-кореспондента НАН України, доктора філологічних наук, професора Юрія Олександровича Карпенка.* – Одеса: Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова, 2009. – С. 12-16.
76. Баранник Л. Ф. Лексика русских островных говоров Юга Украины: семантика, функционирование // *Коммуникативные аспекты грамматики и текста / Pod red. A. Czapigi.* – Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2009. – С. 11-19.
77. Баранник Л. Ф. Из наблюдений над лексикой русских говоров Юга Украины // *Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: Тезисы Международной конференции 19-21 октября 2009.* – Москва: Ин-т русского языка им. акад. В. В. Виноградова РАН, 2009. – С. 14-16.
78. Баранник Л. Ф. Русская диалектология: Методические указания и программа-вопросник по диалектологической практике. – Одесса: Изд-во Одесского национального университета, 2009. – 80 с.
79. Баранник Л. Ф. Метафорические новообразования в русских говорах Одесской области // *Материалы XIV Международной научно-практической конференции «Русистика и современность» (29 сентября-10 октября 2011 г.).* – Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – СПб.: Северная звезда, 2011. – С. 177-184.
80. Баранник Л. Ф. Некоторые особенности лексики русских переселенческих говоров Одесской области (К проблеме взаимодействия языков и культур в полиэтничном регионе) // *Славянские*

чтения: Материалы Международной научно-теоретической конференции. – Вып. 6. – Кишинёв, 2011. – С. 74-80.

81. *Баранник Л. Ф.* Лексика русских переселенческих говоров Одесской области в национально-культурологическом аспекте // Наукові записки. Матеріали п'ятої Міжнародної науково-практичної конференції «Мова і світ: дослідження та викладання». Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Вип. 95 (2) – Кировоград, 2011. – С. 33-38.
82. *Баранник Л. Ф.* Изучение русских переселенческих говоров Одесской области: состояние и перспективы // Русский язык в поликультурном мире, 2011. V Международная научно-практическая конференция (8-10 июня 2011 г., г. Ялта): Сборник научных работ / Под. общей редакцией проф. Л. А. Кудрявцевой) – Киев, 2012. – С. 73-83.
83. *Баранник Л. Ф.* Традиционная южнорусская лексика Придунайских старообрядческих говоров Одесской области // Мова. – №17. – 2012. – С. 72-78.
84. *Баранник Л. Ф.* Специфика лексико-семантической системы русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в полиязычном окружении // Русский язык, литература, культура в школе и вузе: Научно-методический журнал / УАПРЯЛ; КНУ имени Т. Г. Шевченко. – №1 (43). – К., 2012. – С. 11-16.
85. *Баранник Л. Ф.* Особенности русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении // Русский язык на евразийском пространстве: совместное достояние и новые вызовы: Сборник материалов Международной конференции / Под. ред. И. А. Прихожан и В. И. Супруна. – Волгоград, 2013. – С. 122-128.
86. *Баранник Л. Ф.* Русские переселенческие говоры Одесщины / Л. Ф. Баранник // Специализация по русскому языку: аннотировано-библиографический указатель для фуркантов кафедры рус-

- ского языка. – Одесса: ОНУ имени И. И. Мечникова, 2014. – С. 94-105.
87. *Баранник Л. Ф.* Українсько-російська лексична взаємодія в російських острівних говірках Одеської області // Слов'янський збірник. – Вип. 18. – Чернівці, 2014. – С. 107-115.
88. *Букатевиц Н. И.* Из наблюдений над словообразованием имён существительных в русских говорах Одесской области // Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу (Одесса, 4-7 июня 1969 г.). – М., 1969. – С. 19-28.
89. *Гриценко И. Д.* Наблюдения над рыболовецкой лексикой г. Вилково (УССР) // Уч. зап. Кишинёвского государственного ун-та. – 1962. – Т. 47. – Вып. 1. – С. 103-109.
90. *Гриценко И. Д.* Русские говоры на территории Молдавской ССР и западной части Одесской области УССР. На материалах диалектологических экспедиций Кишинёвского ун-та (1953-1962 гг.) – Т. 61. – Кишинёв, 1962. – С. 103-111.
91. *Гриценко И. Д.* Промысловая лексика русских рыбаков дельты Дуная (Словарь и исследования): дисс...канд. филол. наук. – Ленинград-Кишинёв, 1964. – Т. 1: Словарь – 245 с.; Т. 2: Исследование – 270 с.
92. *Гриценко И. Д.* Промысловый словарь рыбаков дельты Дуная. – А-Г // Уч. зап. Кишинёвского ун-та. – 1970. – Т. 114. – С. 3-29.
93. *Демьянова Л. И.* Роль экстралингвистических факторов в развитии экспрессивной лексики современных русских говоров (к вопросу о влиянии НТР на язык) // Актуальные гуманитарно-филологические проблемы в эпоху НТР: Тез. докл. научн. конф. – Самарканд, 1987. – С. 58-59.
94. *Демьянова Л. И.* Типологія українських експресивних запозичень у російських говірках Одещини // Мовознавство. – 1987. – №4.
95. *Демьянова Л. И.* Украинизмы как составная часть экспрессивного лексического фонда русских говоров Одещины // Межвуз. научн. конф. молодых учёных Одесского ун-та: Тез. докл. – Одесса, 1987. – Ч. II. – С. 16-17.

96. Демьянова Л. И. Экспрессивная лексика русских говоров в разномязычном окружении (на материале говоров Одесской области УССР): АКД. – Одесса, 1987. – 16 с.
97. Демьянова Л. И. Особенности функционирования экспрессивной лексики в эпоху НТР // Актуальные вопросы филологических и исторических наук в вузе: Тез. докл. научн. конф. молодых учёных. – Самарканд, 1988. – С. 20-21.
98. Демьянова Л. И. Освоение украинской экспрессивной лексики русскими переселенческими говорами Одесщины // Русское языкознание. – К., 1988. – №15. – С. 82-88.
99. Демьянова Л. И. Функционирование экспрессивной лексики в русских островных говорах на Украине // Русское языкознание. – К., 1991. – №23. – С. 85-99.
100. Карпенко Ю. А. Украинско-русское лексическое взаимодействие в говорах Одесщины // Лексика української мови в її зв'язках з сусідніми слов'янськими і неслов'янськими мовами. Тез. доп. – Ужгород, 1982. – С. 42-43.
101. Карпенко Ю. А. Лексика молдавского происхождения в «Словаре русских говоров Одесщины» // Учені Одеського державного університету. Професор А. В. Недзвідський. Тез. доп. – Одеса, 1988. – С. 76.
102. Карпенко Ю. А. Хронологическая глубина диалектной лексики // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков: Тез. докл. научн. конф. – Днепропетровск, 1988. – С. 151-153. (В соавторстве с Л. И. Демьяновой).
103. Карпенко Ю. А. Словарь русских говоров Одесщины. Введение // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса. – 1995. – №1-2. – С. 111-115.
104. Кольшикина Н. Наименования пищи в русских переселенческих говорах Одесской области // Материалы II Форума молодых исследователей-русистов в рамках VII международного фестиваля «Великое русское слово». 4-6 июня 2013 г. – Одесса, 2013. – С. 20-28.

105. *Коссек Н. В., Мотузенко Е. М.* Особенности словообразовательных моделей морской терминологии Причерноморья // Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу (Ужгород, 25-28 сент. 1973 г.): Тез. докл. – М., 1973. – С. 244-245.
106. *Листрова Ю. Т.* Результат влияния украинского и молдавского языков на говоры некоторых сёл Молдавии и юго-западной Украины (б. Бессарабии) // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1963. – С. 73-83.
107. *Листрова Ю. Т.* Результат влияния украинского языка на говоры некоторых русских сёл Молдавии и юго-западной Украины (б. Бессарабии) // Респ. наук. конф. з питань російсько-українських мовних зв'язків (грудень 1964 р.): Тез. доп. – Луганськ, 1964. – С. 36-38.
108. *Мотузенко Е. М.* К вопросу о заимствованиях в морской рыболовецкой терминологии Причерноморья // Лексико-грамматические этюды по русскому языку. Межвуз. сб. – Кишинёв, 1981. – С. 85-91.
109. *Мотузенко Е. М.* «Старик ловил неводом рыбу...» // Русская речь. – 1983. – №6. – С. 100-104. (В соавторстве).
110. *Мотузенко Е. М.* Об одном иноязычном элементе в периферийной лексике молдавского языка // Лимба ши литература молдовеняскэ. – 1984. – №4. – С. 53-55. (В соавторстве).
111. *Мотузенко Е. М.* О молдавско-русско-украинском взаимовлиянии в рыболовецкой лексике // Проблеме де граматикэ ши стилистикэ: Кулех. интеруниверситарэ. – Кишинэу, 1985. – С. 130-135.
112. *Мотузенко Е. М.* О турецком влиянии на формирование рыболовецкой терминологии Причерноморья // Советская тюркология. – 1985. – №2. – С. 12-20.
113. *Мотузенко Е. М.* Семантические условия калькирования значений // Советская тюркология. – 1986. – №1. – С. 91-94. (В соавторстве).

114. *Мотузенко Е. М.* Морская рыболовецкая терминология северо-западного Причерноморья: АКД. – Одесса, 1987. – 24 с.
115. *Мотузенко Е. М.* Морская рыболовецкая терминология Северо-Западного Причерноморья // Мотузенко Е. М. Этимология и семантика. – Кишинёв: Vector, 2006. – С. 221-365.
116. *Нелюбова И. Ф.* Орловский говор на территории Измаильской области УССР (говор села Сергеевки Тузловского района): АКД. – Станислав, 1953. – 18 с.
117. *Нелюбова И. Ф.* Особенности женского именного склонения в одном южновеликорусском говоре // Наук. зап. Станіславського педагогічного ін-ту. – Т. 2. – К., 1953. – С. 133-142.
118. *Нелюбова И. Ф.* Заметки по диалектному синтаксису // Наук. зап. Станіславського педагогічного ін-ту. – Т. 3. – К., 1959. – С. 109-119.
119. *Петрова Л. А., Павлечко О. И.* Структура тематической группы «Сельскохозяйственные растения» в русских говорах Одесщины // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира: сборник научных трудов. – Архангельск, 2013. – С. 115-122.
120. *Просьяная А. В.* Цветовая характеристика рыб в русских говорах Одесщины // Материалы II Форума молодых исследователей-русистов в рамках VII международного фестиваля «Великое русское слово». 4-6 июня 2013 г. – Одесса, 2013. – С. 59-62.
121. *Словарь русских говоров Одесщины*: В 2-х тт. / Отв. ред. Ю. А. Карпенко, С. Уэмура. – Т. I. – А-О. – Одесса: Астропринт, 2000. – 376 с.
- Буква А: с. 15-19 – Попова В. А.
Буква Б: с. 20-62 – Шатух М. Г.
Буква В: с. 63-116 – Баранник Л. Ф.
Буква Г: с. 117-154 – Фомина Л. Ф.
Буква Д: с. 155-187 – Харитоновна М. М.
Буква Е: с. 188-189 – Малинка Т. И.
Буква Ж: с. 190-201 – Гукова Л. Н.

- Буква З: с. 202-239 – Малинка Т. И., Мижевская Г. М.
 Буква И: с. 240-245 – Швец Р. Д.
 Буква К: с. 246-279 – Мижевская Г. М.
 Буква Л: с. 280-292 – Гукова Л. Н.
 Буква М: с. 293-313 – Попова В. А.
 Буква Н: с. 314-331 – Швец Р. Д.
 Буква О: с. 332-369 – Шатух М. Г.
122. *Словарь русских говоров Одесщины*: В 2-х тт. / Отв. ред. Ю. А. Карпенко, С. Уэмура. – Т. II. – П-Я. – Одесса: Астропринт, 2001. – 296 с.
- Буквы П, Р, С: с. 7-205 – Баранник Л. Ф.
 Буква Т: с. 206-235 – Гукова Л. Н.
 Буква У: с. 236-252 – Фомина Л. Ф.
 Буква Ф: с. 253-257 – Харитоновна М. М.
 Буква Х: с. 258-264 – Мурадян И. В.
 Буква Ц: с. 265-270 – Колесник В. А.
 Буква Ч: с. 271-280 – Попова В. А.
 Буква Ш: с. 281-285 – Мирошниченко Г. А., Яроцкая Г. С.
 Буквы Щ, Э, Ю, Я: с. 286-293 – Колесник В. А.
- Рецензии на «Словарь русских говоров Одесщины» (ист. 123-127):
123. *Бондарь О. И.* – Маго (Токио). – 2002. – №4 (120). – С. 66-68. На японском языке.
124. *Гочев Гочо.* Словарь русских говоров Одесщины // Болгарская русистика. – №1. – София, 2002. – С. 80-83.
125. *Тудосе В.* О современной региональной лексикографии («Словарь русских говоров Одесщины», в 2-х т.) // Вестник Славянского Университета. – Вып. 11. – Кишенэу, 2004. – С. 202-206.
126. *Юмсунова Т. Б. (Москва).* Рецензия на «Словарь русских говоров Одесщины» // Материалы и исследования по русской диалектологии. – II (VIII). – Москва: Наука, 2004. – С. 518-523.
127. *Брицын М., Прискока О.* – Языкознание. – 2005. – №5. – С. 89-90.

128. *Стоянов И. А.* Болгарские элементы в русских говорах Одесской области // Русские говоры на Украине. – Киев: Наукова думка, 1982. – С. 99-105.
129. *Тихомирова М. С.* Южновеликорусский говор на территории Одесской области (говор села Большого Плоского Велико-Михайловского района Одесской области): АКД. – Кременец, 1955. – 16 с.
130. *Тихомирова М. С.* О некоторых фонетико-морфологических особенностях южновеликорусского говора на территории Одесской области // Наук. зап. Кременецького педагогічного ін-ту. Історико-філол. сер. – Вип. I. – К., 1956. – С. 37-48.
131. *Тихомирова М. С.* О характере лексических заимствований в говоре села Большого Плоского Велико-Михайловского района Одесской области // Вопросы русского языкознания. – Кн. 4. – Львов, 1960. – С. 151-165.
132. *Тихомирова М. С.* О некоторых особенностях сближения южно-русского говора с русским литературным языком в иноязычной среде // Вопросы русского языкознания. – Кн. 4. – Львов, 1960. – С. 166-171.
133. *Усачёва Л. Я.* Фонетическая система курского говора сёл Вознесенки и Введенки Арцизского района Одесской области // Наук. зап. Одеського педагогічного ін-ту. – Т. 18. – 1957. – С. 131-141.
134. *Усачёва Л. Я.* Некоторые морфологические особенности говора сёл Вознесенки и Введенки Арцизского района Одесской области // Наук. зап. Черкаського педагогічного ін-ту. – Т. 12. – Сер. історико-філологічних наук. – Вип. 4. – 1958. – С. 159-166.
135. *Усачёва Л. Я.* К истории курского говора на территории Одесской области (говор сёл Вознесенки и Введенки Арцизского района): АКД. – Харьков, 1959. – 16 с.
136. *Шатух М. Г.* Существительные с суффиксом *-к(а)* в переселенческих говорах Одесской области // Собрание по Общеславянскому лингвистическому атласу (Воронеж, 11-16 сент. 1974 г.): Тез. докл. – Воронеж, 1974. – С. 168-170.

137. *Шатух М. Г.* Словообразование и видоизменение глагола в русских переселенческих говорах Одесской области // Собрание по Общеславянскому лингвистическому атласу (Гомель, 9-12 сент. 1975 г.): Тез. докл. – М., 1975. – С. 98-100.
138. *Шатух М. Г.* Словообразование наречий в русских говорах Одесской области // Собрание по Общеславянскому лингвистическому атласу (Черновцы, 4-7 окт. 1976 г.): Тез. докл. – М., 1977. – С. 65-67.
139. *Швец А. И.* Глагольные заимствования из славянских языков в русских говорах Одесщины // Слов'янський збірник. – Вип. V. – Одеса, 1998. – С. 188-193.
140. *Швец А. И.* Глагольная синонимия русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в иноязычном окружении // Слов'янський збірник. – Вип. VI. – Одеса, 1999. – С. 248-254.
141. *Швец А. И.* Национально-культурная специфика глагольной лексики русских переселенческих говоров юга Украины // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы II Международной научной конференции (7-9 апреля 1999 г.): В 3-х чч. – Ч. 2. – Минск, 1999. – С. 86-89.
142. *Швец А. И.* Глагольное слово в системе русских островных говоров Одесщины // Зап. з загальної лінгвістики. Збірник наукових праць. – Вип. 3. – Одеса, 2001. – С. 142-150.
143. *Швец А. И.* Специфические формы выражения экспрессивной семантики в русских островных говорах Одесской области // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. – №5-6. – Одеса, 2001. – С. 29-33.
144. *Швец А. И.* Архаическое наследие русских старообрядческих говоров Одесщины // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. – №7. – Одеса, 2002. – С. 256-260.
145. *Швец А. И.* Национально-культурный компонент в глагольной лексике русских островных говоров Одесщины // Мова і культура

- (Науковий щорічний журнал). – К., 2002. – Вип. 8. – Т. V. – Ч. 1. – С. 244–249.
146. *Швец А. И.* «Сочетаться браком» в представлении русских переселенцев Одесщины (к системной интерпретации диалектной глагольной лексики) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации в новых геополитических условиях: Материалы Международной научно-практической конференции. – Тирасполь, 27-29 мая 2002 г. – Тирасполь, 2002. – С. 24–27.
147. *Швец А. И.* ЛСГ глаголов «существования» в системе русских переселенческих говоров Одесщины // Мова. – №10. – Одеса, 2005. – С. 27-34.
148. *Швец А. И.* ЛСГ глаголов биологического существования в системе русских переселенческих говоров Одесщины // Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса, 2005. – №5–6. – С. 27–34.
149. *Швец А. И.* Лексические диалектные различия глагольных единиц, функционирующих в русских говорах Одесской области // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету: Філологічні науки: Збірник наукових праць. – Ізмаїл, 2006. – Вип. 21. – С. 104-107.
150. *Швец А. И.* Глагольные обозначения действий, связанных с покрытием кого-(чего-)либо одеждой, в русских переселенческих говорах юга Одесской области // Науковий часопис Національного педагогічного університету ім. М. П. Драгоманова. Серія 10. Проблеми граматики і лексикології української мови. – Випуск 4. – Київ, 2007. – С. 223-233.
151. *Швец А. И.* Глагольная лексика русских говоров Одесской области: дис... канд. филол. наук. – Одесса, 2007.
152. *Швец А. И.* Дієслівна лексика російських говірок Одеської області: Автореф. дис. канд. філол. наук. – Одеса, 2007. – 21 с.
153. *Швец А. И.* Глагольные обозначения действий, связанных с покрытием кого-(чего-)либо одеждой, в русских переселенческих говорах юга Одесской области // Науковий часопис Національно-

- го педагогічного університету ім. М. П. Драгоманова. Серія 10. Проблеми граматики і лексикології української мови: Зб. наук. праць. – Випуск 3. – Книга 2. – К., 2008. – С. 236–246.
154. *Швец А. И.* Семантическая структура глагольной лексики, образующей ЛСГ «Быть здоровым» (на материале русских говоров Одесской области) // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: Тезисы докладов Международной конференции 19-21 октября 2009 г. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2009. – С. 228-230.
155. *Швец А. И.* Культурный компонент глагольной семантики как системообразующий фактор (на материалах лексики русских переселенческих говоров Одесской области юга Украины) // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 21-23 апреля 2010 года. – СПб., 2010. – С. 94-98.
156. *Швецова Н. Л.* Южнорусские архаические наименования одежды в русских островных говорах Одесщины // Седьмые международные Далевские чтения. Доклады и материалы. – Луганск, 2003. – С. 99-105.
157. *Швецова Н. Л.* Прозвища и их мотивация в русских переселенческих говорах Одесщины // Записки з ономастики: Збірник наукових праць. – Вип. 9. – Одеса: Астропринт, 2005. – С. 17-27.
158. *Швецова Н. Л.* Прозвища в русских старообрядческих говорах Одесской области // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. – Вып. II. – Одесса, 2005. – С. 185-188.
159. *Швецова Н. Л.* Отражение межъязыкового взаимодействия в прозвищах русских-старообрядцев Одесщины // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы): Материалы III Международной конференции (Минск, 6-7 апреля 2006 г.): В 2-х ч. – Ч. 2. – Минск: РИВШ, 2006. – С. 287-290.
160. *Швецова Н. Л.* Старообрядческие прозвища как выразитель особенностей человеческого характера // Липоване: история и куль-

- тура русских-старообрядцев. – Одесса, 2006. – Вып. 3. – С. 169-171.
161. *Швецова Н. Л.* Отражение межъязыкового и междиалектного взаимодействия в прозвищах жителей русских сёл Одесской области // Мова і культура. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2007. – Вип. 9. – Т. VI (94). Національні мови і культури в їх специфіці та взаємодії. – С. 188-192.
162. *Швецова Н. Л.* Прозвища в русских островных говорах Одесщины (структура и ономообразование) // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. – №12. – Одесса, 2007. – С. 147-150.
163. *Швецова Н. Л.* Внешностный и психологический портреты русских диалектоносителей в региональной языковой картине мира (на материале прозвищ русских переселенческих говоров Одесщины) // *Studia Slavistica*. – Вип. 8: Ювілей. – Ужгород: Вид-во О. Гаркуши, 2008. – С. 394-402.
164. *Швецова Н. Л.* Региональная языковая картина мира (на материале прозвищ жителей русских сёл Одесской области) // Коммуникативные аспекты грамматики и текста. – Жешув: Изд-во Жешувского университета, 2009. – С. 116-121.
165. *Швецова Н. Л.* Региональная языковая картина мира русских диалектоносителей Одесщины (на материале прозвищ) // Русский язык и литература в Украине: проблемы изучения и преподавания: [материалы Междунар. научн. конф.] – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2009. – С. 195-197.
166. *Швецова Н. Л.* Языковая и аксиологическая информативность прозвищ (на материале русских островных говоров Одесской области) // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. – Харьков, 2012. – №4 (48). – С. 29-33.

Навчальне видання

Баранник Людмила Федорівна

**Лексика російських переселенських говірок
Одеської області,
які функціонують в різномовному оточенні**

(російською мовою)

За редакцією автора

Підп. до друку 18.09.2015. Формат 60*84/16.

Ум.-друк. арк. 16,04. Тираж 40 пр.

Зам. № 1149.

Видавець і виготовлювач

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 4215 від 22.11.2011 р.

Україна, 65082, м. Одеса, вул. Єлісаветинська, 12
Тел. (048) 723-28-39. E-mail:druk@onu.edu.ua